

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№5 (54) / 2011

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

А.М. Горлатов (*главный редактор*),
З.А. Харитончик (*зам. главного редактора*),
П.В. Васюченко, Т.С. Глушак, Т.И. Голикова, Е.В. Зарецкая,
Г.Ф. Лепесская, Т.П. Карпилович, С.Е. Кунцевич, В.В. Макаров,
А.Н. Степанова, О.А. Судленкова

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Арцёмава В.А.</i> Прынцыпы рэпрэзентацыі беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў у двухмоўным фразеалагічным тэматычным слоўніку.....	5
<i>Глазко П.П.</i> Языковые средства актуализации семантического компонента 'фон' в художественно-публицистических эссе на английском и белорусском языках.....	14
<i>Ильюшенко Ю.В.</i> Коммуникативно-прагматическая категория уместности в ряду других категорий.....	22
<i>Козылева М.В.</i> К вопросу о передаче антропонимов при переводе.....	31
<i>Панкратова С.Н.</i> Фразеологизмы с компонентом цветообозначения во французском, английском и русском языках: лингвокультурологический аспект.....	37
<i>Самусева Ю.С.</i> Фатическая коммуникация: критический обзор.....	43
<i>Смирнов А.И.</i> Языковые средства реализации коммуникативных стратегий в дискурсе глобализации.....	52
<i>Чернецкий А.Р.</i> Конфронтационный тип коммуникативного взаимодействия и его контекстуальная вариативность.....	63
<i>Ян Сяоянь.</i> Концепт «Женщина» в китайской наивной картине мира (на материале паремий).....	72

Романское и германское языкознание

<i>Бартош Н.Н.</i> Функции демонстратива в безличных бытийных высказываниях (модель <i>IL Y A N_{DÉT.} DÉM.</i>).....	79
<i>Василевская О.В.</i> Дискурсивные характеристики субъекта «спортсмен» в медийном тексте.....	87
<i>Карпетова Е.Г.</i> Классификаторы признака в дискурсивном аспекте.....	95
<i>Кистанова Л.Ф., Стрельцова Т.А.</i> Синтаксические сдвиги в современной французской разговорно-обиходной речи.....	101
<i>Климович А.Г.</i> Лексика английского сленга: диахронический аспект.....	109
<i>Мышалова И.П.</i> Градуальность в лексике (на материале современного английского языка).....	119
<i>Степанова А.Н., Шашкова С.А.</i> Референтные отношения в сложноподчиненном комплексе с относительным придаточным предложением.....	128
<i>Хоменко Е.В.</i> Аргументативная составляющая жанрово-прагматической доминанты англоязычного научного текста.....	135

Литературоведение

<i>Первушина Л.В.</i> Художественные поиски современных писательниц США: к вопросу о социальных аспектах жанра романа.....	144
<i>Наши авторы</i>	151

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Artsiomava V.A.</i> The Principles of the Representation of Belorussian and English Idioms in the Bilingual Phraseological Thematic Dictionary.....	5
<i>Glazko P.</i> Linguistic Means of Background Information Expression in Publicistic Essays in English and Belarusian	14
<i>Ilyushenko Y.V.</i> The Communicative Category of Appropriateness Among Other Categories	22
<i>Kozyleva M.V.</i> On the Problem of Transference of Proper names in the Process of Translation	31
<i>Pankratova S.N.</i> Phraseological units Containing Colour Denotation in French, English and Russian languages: Linguistic-culturological Aspect.....	37
<i>Samuseva Y.</i> Phatic Communication: Critical Review.....	43
<i>Smirnov A.I.</i> Linguistic Means of Realization of the Communicative Strategies in the Discourse of Globalization	52
<i>Chernetski A.R.</i> Confrontational Type of Communicative Interaction and its Contextual Variations.....	63
<i>Yang Xiaoyan.</i> Concept of «Woman» in Chinese naive Picture of the World (on the Material of Sayings and Proverbs)	72

Romance and Germanic Linguistics

<i>Bartosh N.N.</i> Functions of the Demonstrative Determiners in Impersonal Existential Sentences (Model <i>il y a N^{det.} dém</i>)	79
<i>Vasilevskaya O.V.</i> Discourse Characteristics of the Actor “Sportsman” in a Media Text.....	87
<i>Karapetova E.G.</i> Classifying Words Denoting Property: Discourse Aspect	95
<i>Kistanava L., Straltsova T.</i> Syntactic Shifts in Modern Colloquial French	101
<i>Klimovich A.G.</i> English Slang Vocabulary: Diachronic Approach	109
<i>Myshalova I.P.</i> Gradation within the Lexical System of the Contemporary English Language	119
<i>Stepanova A.N., Shashkova S.A.</i> Referential Relations in the Complex Sentence with the Subordinate Relative Clause.....	128
<i>Khomenko E.V.</i> The Argumentative Constituent of Genre-Pragmatic Dominant of an English Scientific Text.....	135

Studies in Literature

<i>Pervushina L.V.</i> Artistic Inquiries of Contemporary US Writers: Social Aspects of the Genre of the Novel	144
<i>Our authors</i>	151

ОБЩЕЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

В.А. Арцёмава

ПРЫНЦЫПЫ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ
БЕЛАРУСКІХ І АНГЛІЙСКІХ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ
У ДВУХМОЎНЫМ ФРАЗЕАЛАГІЧНЫМ ТЭМАТЫЧНЫМ СЛОЎНІКУ

У артыкуле аналізуюцца тэарэтычныя і практычныя пытанні двухмоўнай фразеаграфіі, разглядаецца стан супастаўляльных даследаванняў беларускай і англійскай фразеасістэм, прапанованаўцца прынцыпы кампаратыўнага апісання беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў, рэпрэзентуецца макет слоўнікавага артыкула для двухмоўнага фразеалагічнага тэматычнага слоўніка. Слоўнікавы артыкул змяшчае тлумачэнне беларускага фразеалагізма, яго граматычны, функцыянальна-стылёвы і семантычны каментарыі на беларускай і англійскай мовах, англамоўныя фразеалагічныя эквіваленты і адпедведнікі гэтай адзінкі, ілюстрацыйныя прыклады ўжывання беларускага фразеалагізма з перакладам на англійскую.

Фразеалагічны фонд – адна з крыніц павышэння выразных якасцей маўлення. Фразеалагізмы адлюстроўваюць эвалюцыю мовы, тыповыя рысы лексіка-граматычнага ладу, даюць магчымасць сцісла сказаць пры з’явы рэчаіснасці, вобразна ўявіць іх і выказаць эмацыйна-ацэначныя адносіны моўцы да гэтых з’яў. Кантрастыўны аналіз разнамоўных фразеасістэм можа паказаць універсальныя характарыстыкі ўспрымання і вербалізацыі рэчаіснасці чалавекам, а на іх фоне – нацыянальна-спецыфічныя рысы. Прыкладным аспектам параўнальна-супастаўляльнага даследавання разнамоўных фразеасістэм з’яўляецца складанне двух- і шматмоўных фразеалагічных даведнікаў.

У 60–70 гг. XX стагоддзя фразеалагізмы падаваліся ў слоўніках лексічных адзінак у канцы слоўнікавага артыкула за ромбавым знакам “◊” з іх перакладам на іншую мову. Аднак ва ўмовах пашырэння міжнародных кантактаў у 1982 г. Камісіяй па славянскай фразеалогіі пры Міжнародным камітэце славістаў было прынята рашэнне аб неабходнасці стварэння славянска-славянскіх і славянска-неславянскіх фразеалагічных слоўнікаў у выглядзе асобных выданняў.

На сучасным этапе даследаваны суадносіны фразеасістэм беларускай і рускай моў [1; 2; 3], беларускай і польскай моў [4], беларускай і нямецкай моў [5; 6]. Беларускія прыказкі ў дачыненні да парэміялагічных адзінак латыні, рускай, французскай, нямецкай і англійскай моў апісаны ў шасцімоўным слоўніку прыказак, прымавак і крылатых слоў [7]. Часткова апісаны фразеалагічныя паралелі беларускай і англійскай моў у «Англа-беларускім слоўніку фразеалагізмаў параўнальнага тыпу» Л.Д. Корсак і Л.С. Марціновіча [8] і «Англа-беларускім парэміялагічным слоўніку» Я.Я. Іванова [9]. Але супастаўляльная фразеалогія беларускай і англійскай моў застаецца пакуль малараспрацаванай у тэарэтычным і ў прыкладным аспектах.

У XXI стагоддзі ў сувязі з узрастаннем цікавасці да вывучэння моўнай катэгарызацыі і канцэптуалізацыі свету ўсё большую значнасць набываюць перакладныя фразеалагічныя слоўнікі іншага тыпу – ідэаграфічныя, дзе фразеалагічныя адзінкі (ФА) групуюцца не ў алфавітным парадку, а па тэматычным прынцыпе на падставе іх значэння. Навуковай ідэяй складання такіх слоўнікаў з’яўляецца палажэнне аб семантычных (тэматычных) палях як асноўнай формы «пакоўкі» і «захоўвання» моўных адзінак у памяці моўцы.

Галоўная мэта ідэаграфічнага слоўніка фразеалагізмаў – падказаць правільную ФА для выражэння неабходнага паняцця ў пэўным кантэксце. У адрозненне ад алфавітнага парадку арганізацыі фразеалагічнага слоўніка, які руйнуе семантычныя сувязі ФА з кантэкстамі, тэматычны прынцып закліканы іх выявіць і эксплікаваць. Ён дазваляе пабудаваць сістэму лагічных сувязей паміж адзінкамі мовы падобна таму, як арганізавана экстралінгвістычная рэчаіснасць, г. зн. у выглядзе шмат’яруснай сістэмы. Такая сістэма стварае ў карыстальніка цэласнае ўяўленне аб моўнай карціне свету пэўнага этнасу, інфармуе яго аб устаноўках і стэрэатыпах гэтай культуры.

Тэматычная арганізацыя матэрыяла таксама дазваляе пазбегнуць неабходнасці выдзялення апорнага слова ў структуры ФА – праблемы, якая ўзнікае пры складанні алфавітна-гнездавых фразеалагічных слоўнікаў і не мае адназначнага вырашэння [10; 11].

Прыкладам двухмоўнага тэматычнага слоўніка можа паслужыць слоўнік беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай, задача якога – даць уяўленне аб сэнсавай арганізацыі катэгорыі прасторы ў беларускай і англійскай фразеасістэмах. Метадам суцэльнай выбаркі з беларускіх і англійскіх фразеалагічных слоўнікаў літаратурнай мовы [12–24] намі быў вылучаны корпус фразеалагічных сродкаў прасторавай намінацыі – 1070 беларускіх і 1016 англійскіх фразеалагізмаў. Фразеалагізмы як адзінкі са складанай, кумулятыўнай семантыкай, у параўнанні са словамі цяжка паддаюцца ідэаграфічнаму апісанню. Але яны, таксама як і словы, могуць утвараць свае тэматычныя палі – фразеасемантычныя. Фразеасемантычнае поле, па вызначэнні Н.Н. Кірылавай, – гэта «сукупнасць ФА, якія адносяцца да адной паняццевай сферы і характарызуюцца пэўнымі сістэмнымі адносінамі паміж сабой» [25, с. 54].

Для вылучэння поля неабходна разгледзець значэнне ФА як інтэгральную структуру, якая ўтвараецца кампанентамі рознага аб’ёму. На думку І.А. Сцерніна, у структуры значэння фразеалагізма можна вылучыць два мегакампаненты [26, с. 62]:

- 1) лексічная значэнне ФА (інфармацыя аб знешняй у адносінах да ФА рэчаіснасці);
- 2) структурна-моўнае значэнне ФА (інфармацыя аб уласна моўных прыметах ФА як адзінкі мовы).

У структуры лексічнага мегакампанента значэння ФА вылучаюцца ядзерная сема, перыферыійныя семы і канатацыйны макракампанент, які складаецца з ацэначнага (*адабральны, неадабральны, нейтральны*) і эмацыйнага мікракампанентаў (*пагардлівы, прыніжальны, іранічны, ласкальны,*

жартоўны). Структурна-моўны мегакампанент значэння ФА ўключае наступныя макракампаненты: функцыянальна-стылёвы (*кніжны, размоўны, прастамоўны, функцыянальна не замацаваны*), функцыянальна-тэрытарыяльны (*абласны, дыялагічны*), функцыянальна-сацыяльны (*навуковы, тэрміналагічны, жаргонны*), функцыянальна-тэмпаральны (*сучасны, гістарычны, архаічны*), функцыянальна-частотны (*ужывальны, малаўжывальны, рэдкі, неўжывальны*) і граматычны (*акалічнасць, назоўнік, дзейнік, дзеяслоў і пад.*) [26].

Семантычная структура беларускага і англійскага фразеасемантычных прасторавых палёў вызначыла сінансіс беларуска-англійскага слоўніка фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай. Напрыклад, беларус. *Бог ведае дзе* і англ. *God knows where* 'невядома дзе' трапляюць у нашым слоўніку ў адну групу са значэннем 'прастора'. Такая група фразеалагізмаў, аб'яднаных па блізкасці значэння, называецца *таксонам*, а сэнсавы кампанент, што іх аб'ядноўвае, выносіцца ў назву таксона. Далей гэты т а к с о н можа падзяляцца на *падтаксоны* [27, с. 5–11], напрыклад, у таксоне ПРАСТОРА вылучаюцца падтаксоны ДЫНАМІЧНЫЯ ПРАСТОРАВЫЯ АДНОСІНЫ І СТАТЫЧНЫЯ ПРАСТОРАВЫЯ АДНОСІНЫ. Кожны п а д т а к с о н можа драбіцца далей: у падтаксоне СТАТЫЧНЫЯ ПРАСТОРАВЫЯ АДНОСІНЫ вылучаецца падтаксон ДОБРАЕ, РОДНАЕ, ВЯДОМАЕ МЕСЦА/ДРЭННАЕ, ЧУЖОЕ, НЕВЯДОМАЕ МЕСЦА. Такім чынам, у таксоне ПРАСТОРА глыбіня дзялення можа дасягаць трох узроўняў: ПРАСТОРА – СТАТЫЧНЫЯ ПРАСТОРАВЫЯ АДНОСІНЫ – ДОБРАЕ, РОДНАЕ, ВЯДОМАЕ МЕСЦА/ДРЭННАЕ, ЧУЖОЕ, НЕВЯДОМАЕ МЕСЦА.

Наступным этапам пры складанні двухмоўнага тэматычнага слоўніка з'явілася супастаўленне беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў у межах кожнага падтаксона. Пры міжмоўным параўнанні звышслоўных адзінак неабходна высветліць, якія канструкцыі можна параўноўваць і да якой ступені гэтыя канструкцыі валодаюць фармальным і сэнсавым падабенствам. Варта супастаўляць і разглядаць як эквівалентныя тыя ФА, якія цалкам або часткова супадаюць паводле значэння незалежна ад супадзення/несупадзення іх лексічна-граматычнай структуры і здольныя функцыянаваць у адных і тых жа кантэкстах.

У лексікаграфічнай практыцы звычайна вылучаюцца і фіксуюцца толькі д в а т ы п ы міжмоўных фразеалагічных адпаведнікаў:

- 1) поўныя адпаведнікі – разнамоўныя ФА, якія цалкам супадаюць паводле зместу і формы (з невялікімі фанетычнымі ці граматычнымі асаблівасцямі);
- 2) няпоўныя адпаведнікі (аналагі) – разнамоўныя ФА, якія цалкам супадаюць паводле зместу ці адрозніваюцца сэнсавымі адценнямі, вобразнай структурай, сітуацыяй ужывання незалежна ад магчымасці супадзення іх лексічна-граматычнай структуры.

Пры супастаўленні разнамоўных ФА для падбору найбольш поўных фразеалагічных эквівалентаў неабходна ўлічваць і вобразную аснову фразеалагізмаў, паколькі яна адлюстроўвае нацыянальную спецыфіку ўспрымання

рэчаіснасці. Так, вобразная аснова фразеалагізма ўлічваецца Л.І. Зімінай пры супастаўленні рускіх і нямецкіх ФА з кампанентамі-саматызмамі. Яна вылучае наступныя віды фразеалагічных адпаведнікаў [28, с. 177–178]:

- *поўныя фразеалагічныя эквіваленты* – разнамоўныя ФА, максімальна падобныя па складзе ядзерных і перыферычных сем, тоесныя па лексіка-граматычнай структуры, што забяспечвае адэкватны пераклад ва ўсіх кантэкстах;

- *семантыка-вобразныя фразеалагічныя эквіваленты* – разнамоўныя ФА з поўным супадзеннем семантыкі, вобразнай асновы і частковым несупадзеннем лексічна-граматычнай структуры;

- *семантычныя фразеалагічныя эквіваленты з вобразнай нацыянальнай спецыфікай* – разнамоўныя ФА з поўным супадзеннем семантыкі пры адрозненні фразеалагічнага вобраза;

- *вобразныя фразеалагічныя эквіваленты з семантычнай нацыянальнай спецыфікай* – разнамоўныя ФА з асобнымі семнымі адрозненнямі пры поўным супадзенні фразеалагічнага вобраза;

- *фразеалагічныя эквіваленты з семантыка-вобразнай нацыянальнай спецыфікай* – разнамоўныя ФА з семнымі міжмоўнымі адрозненнямі і несупадзеннем фразеалагічнага вобраза;

- *фразеалагічныя лакуны, або безэквівалентныя ФА*, – ФА, якія ўяўляць сабой поўную адсутнасць міжмоўнай фразеалагічнай адпаведнасці ў адной мове адносна іншай.

Па прычыне раз'яднанасці знакаў, якія выкарыстоўваюцца ў слоўніках для абазначэння рознага тыпу міжмоўных адпаведнікаў, мы прапануем выкарыстоўваць набор сімвалаў матэматычнай логікі Н.І. Кандакова [29]. Гэты набор быў паспяхова апрабаваны Я.Я. Івановым пры супастаўленні разнамоўных парэмій [3; 5; 9]. Для абазначэння ступені міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці намі выкарыстоўваюцца наступныя сімвалы:

“=” (сімвал абсалютнай раўназначнасці) – для маркіравання англамоўных ФА, якія цалкам супадаюць з беларускімі паводле свайго значэння, вобраза, лексіка-граматычнай структуры і характарызуюцца аднолькавай функцыянальна-стылёвай аднесенасцю, г.зн. з'яўляюцца **поўнымі фразеалагічнымі эквівалентамі**: беларус. *плячо ў плячо* = англ. *shoulder to shoulder* ‘зусім побач, у непасрэднай блізкасці, адзін каля аднаго’. Падобны сімвал можа быць ужыты для маркіравання англійскіх ФА, якія цалкам супадаюць паводле значэння і вобраза з беларускай ФА і толькі часткова – па лексічна-граматычнай структуры (**семантыка-вобразныя эквіваленты**): беларус. *адтуль-адсюль* і англ. *from far and near*. Гэтыя фразеалагізмы таксама трэба таксама лічыць эквівалентамі, паколькі план выражэння ў розных мовах розны па азначэнні;

= (**сімвал моцнай эквівалентнасці**) – для маркіравання беларускіх і англійскіх фразеалагічных **семантычных эквівалентаў**, што супадаюць цалкам паводле значэння, але ёсць адрозненне вобраза (вобразная нацыянальная спецыфіка): беларус. *адсюль-адтуль* ‘з розных месцаў, бакоў’

[14, с. 77] і англ. *from all quarters* [13] маюць аднолькавае значэнне ‘з розных месцаў, бакоў’, але назіраецца адрозненне вобраза (англ. *quarters* – ‘частка ці райён горада, дзе жывуць і працуюць людзі пэўнай нацыянальнасці або сацыяльнага статусу’ [30, р. 1156]);

“~” (сімвал набліжанай раўназначнасці) – для маркіравання **вобразных эквівалентаў**, якія супадаюць па вобразе і толькі часткова – па значэнні (семантычная нацыянальная спецыфіка). Напрыклад, беларус. *вылятаць у вырай* ‘пакідаць дом бацькоў, ісці ў дом мужа’ [12, с. 107] і англ. *fly the nest* ‘пакідаць дом бацькоў і станавіцца самастойным’ [23, р. 273-274] супадаюць па вобразе, але назіраюцца адрозненні ў семантыцы: беларуская ФА ўжываецца толькі з суб’ектам жаночага роду, а англійскі фразеалагізм – з суб’ектамі жаночага і мужчынскага роду. Прычым суб’ект англійскай ФА *fly the nest* можа пакінуць дом бацькоў з-за паўналецця, а суб’ект беларускай ФА – толькі пасля вяселля;

“≈” (сімвал уласна эквівалентнасці) – для маркіравання ФА з семантыка-вобразнай нацыянальнай спецыфікай, дзе назіраюцца асобныя семныя адрозненні і несупадзенне па фразеалагічным вобразе. Напрыклад, беларус. *даваць у ногі* [14, с. 352] і англ. *sling one’s hook* [21, р. 215] маюць значэнне ‘кідацца наўцёкі’. Але ў значэнні англійскага фразеалагізма актуалізуецца сема ‘ўцёкі з турмы’, у беларускай ФА прычынай уцёкаў выступае пагроза для жыцця суб’екта. Адрозненне ў значэнні беларускай і англійскай ФА могуць быць выкліканы рознымі вобразнымі асновамі гэтых фразеалагізмаў: у беларускай ідыёме вобразнай асновай выступае хуткае перамяшчэнне на нагах, а ў англійскай – уцёкі з папраўчай установы (англ. *hook* ‘папраўчая ўстанова для непаўналетніх правапарушальнікаў’);

“≠” (сімвал нераўназначнасці, неэквівалентнасці) для маркіравання **фразеалагічных лакун, або безэквівалентных ФА**. Так, беларуская ФА *пайсці на сяло* ‘каб хутчэй і непрыкметна ішоў час, адправіцца хадзіць, як правіла, без усякай патрэбы з адной хаты ў другую’ [12, с. 555] не мае ў англійскай мове адпаведнікаў. Для яе семантызацыі можна выкарыстаць прыём дэскрыптыўнага перакладу: беларус. *пайсці на сяло* – *to go from one house to another without purpose for marking time*.

Падобныя сімвалы абазначэння ступені міжмоўнай фразеалагічнай эквівалентнасці дазваляюць не толькі дыферэнцаваць тыпы міжмоўных фразеалагічных адпаведнікаў і паказаць іх графічна, але таксама дапамагаюць эксплікаваць віды нацыянальнай спецыфікі канкрэтнай беларускай фразеалагічнай адзінкі ў параўнанні з англійскай.

На этапе распрацоўкі *двухмоўнага фразеалагічнага тэматычнага слоўніка*, мэтай якога была лексікаграфічная сістэматызацыя беларускіх ФА і іх англамоўных эквівалентаў, мы сутыкнуліся з **ш э р а г а м п р а б л е м**.

1. Аднясенне ФА да пэўнай групы, што звязана са шматзначнасцю ФА. Напрыклад, беларускі фразеалагізм *сабакам сена касіць* [14, с. 564] мае два значэнні: ‘займацца пустой ці невядома якой справай, бадзяючыся дзе-небудзь’; ‘знаходзіцца невядома дзе, хаваючыся ад сям’і’.

У такім выпадку мы змяшчалі прасторавае значэнне ФА на першае месца, а астатнія значэнні – пасля, што здымала праблему аднясення дадзенай

ФА да той ці іншай групы: ‘знаходзіцца невядома дзе, хаваючыся ад сям’і’; ‘займацца пустой ці невядома якой справай, бадзяючыся дзе-небудзь’.

У перспектыве пры распрацоўцы тэзаўруса беларускай ідыяматыкі праблема шматзначнасці ФА можа быць вырашана пры дапамозе парадыгматычных адсылак: напрыклад, фразеалагізм *за спінай* будзе знаходзіцца ў таксоне ЧАС у значэнні ‘ў мінулым (*мець, быць* і пад.); ‘пра перажытае’ і ў падтаксоне СТАТЫЧНЫЯ ПРАСТОРАВЫЯ АДНОСІНЫ таксона ПРАСТОРА ў значэнні ‘ззаду, з тыльнага боку каго-небудзь (*быць, рабіцца* і пад.)’.

2. Няпоўная характарыстыка ФА, прадстаўленых у беларускіх і англійскіх фразеалагічных слоўніках: часта фразеалагізмы падаюцца без семантычных, граматычных, функцыянальна-стылёвых памет, што ўскладняе іх апісанне, супастаўленне і падбор міжмоўных эквівалентаў і адпаведнікаў.

3. Адсутнасць рэпрэзентатыўнага корпуса беларуска-англійскіх паралельных тэкстаў, што абмяжоўвае колькасць адэкватных кантэкстаў для супастаўлення беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай. У гэтым выпадку некаторыя прыклады з беларускіх літаратурных крыніц намі перакладаліся самастойна.

4. Наяўнасць беларускіх аналагаў і безэквівалентных ФА на фоне англійскай мовы. Для падобных фразеалагізмаў намі выкарыстоўвалася метадыка тлумачэння моўных адзінак І.А. Мельчука і А.К. Жалкоўскага ў «Тлумачальна-камбінаторным слоўніку рускай мовы» [31] і апрабаваная С.І. Лубенскай пры падборы англійскіх фразеалагічных адпаведнікаў рускім ФА [32], дзе для рэпрэзентацыі значэння дзеяслоўных ідыём выкарыстоўваюцца зменныя X, Y і Z. Такая метадыка ФА мае шэраг пераваг, паколькі яна дазваляе

а) пашырыць колькасць англійскіх эквівалентаў беларускіх ФА і прадставіць іх у дакладнай і зразумелай форме;

б) адлюстраваць марфалагічныя катэгорыі, якія неабходна ўлічваць пры перадачы значэння беларускага фразеалагізма на англійскую мову: прыналежны склон (X’s, Y’s, Z’s) і множны лік (Xs, Ys, Zs);

в) паказаць асаблівыя канструкцыі, у якіх часта ўжываецца дадзены фразеалагізм:

ПАКАЗАЎСЯ НА ВОЧЫ – *X caught Y’s eye, Y caught sight of X; Y’s eyes lighted <lit> on X.*

5. Падбор аўтарамі слоўнікаў недакладных англійскіх адпаведнікаў, так званых лжывых сяброў перакладчыка. Напрыклад, рускай ФА *высовывать нос куда-либо*, якая з’яўляецца поўным эквівалентам беларускай ФА *высоўваць нос куды-небудзь* у значэнні ‘з’яўляцца дзе-небудзь, прыходзіць куды-небудзь’, адпавядае англійскі фразеалагічны эквівалент *poke/stick one’s nose somewhere* [32, с. 413]. Аналіз значэння гэтага фразеалагізма ў аўтэнтычных англійскіх фразеалагічных слоўніках [21, р. 125; 22, р. 243; 23, р. 235] паказаў, што *poke/stick one’s nose* мае толькі адно значэнне ‘ўмешвацца ў чужыя справы, праяўляць залішнюю цікаўнасць’ і па гэтай прычыне не можа выступаць эквівалентам беларускай ФА *высоўваць нос куды-небудзь*.

Беларускай ФА *высоўваць нос куды-небудзь* адпавядае англамоўны фразеалагізм *show one's face somewhere* [21, с. 64; 23, р. 104]. Гэта падкрэслівае неабходнасць праверкі значэння на першы погляд правільных эквівалентаў пэўнай ФА ў аўтэнтчных слоўніках пры складанні двухмоўных фразеалагічных даведнікаў.

Такім чынам, з улікам апошніх айчынных і замежных дасягненняў у тэарэтычнай і практычнай лексікаграфіі і фразеаграфіі намі быў распрацаваны слоўнікавы артыкул для беларуска-англійскага тэматычнага слоўніка фразеалагізмаў з прасторавым значэннем. Артыкул складаецца з наступных раздзелаў:

1) загаловачная беларуская ФА (з паказам месца націску) у сваім мінімальным складзе і найбольш тыповай форме: **АБ'ЯЦА́НАЯ З'ЯМЛ'Я́**. Фанетычныя, словаўтваральныя і лексічныя варыянты ФА ўключаюцца ў загалавак і даюцца ў круглых дужках: **ГАМО́НІЦЬ (ГАВО́РЫЦЬ) З НЕ́БАМ**. Факультатыўныя кампаненты ФА падаюцца ў ломаных дужках: **І ПАЙШЛО́ <І> ПАЕ́ХАЛА**. У квадратных дужках падаецца даведачная крыніца, дзе сустракаецца дадзеная беларуская ФА [СФ 1, с. 510], дзе СФ 1 – гэта першы том «Слоўніка фразеалагізмаў» І.Я. Лепешава [14];

2) граматычная, структурная і функцыянальна-стылёвая характарыстыка беларускай ФА. У якасці аўтарытэтных даведачных крыніц былі выкарыстаны беларускія фразеалагічныя слоўнікі А.С. Аксамітава [12], І.Я. Лепешава [14] і Ф.М. Янкоўскага [17; 18], якія дазволілі даць поўную фанетычную, семантычную, структурную і функцыянальна-стылёвую характарыстыку фразеалагізмам:

АБ'ЯЦА́НАЯ З'ЯМЛ'Я́. *Мн. не ўжыв.* (у множным ліку не ўжываецца), *У ролі розн. чл. ск. Кніжн.* (кніжны), дзе вялікімі літарамі падаецца беларускі фразеалагізм, *Мн. не ўжыв.* і *Ў ролі розн. чл. ск.* (у ролі розных членаў сказа) – граматычная характарыстыка, *Кніжн.* – функцыянальна-стылёвая памета;

3) тлумачэнне значэння беларускай ФА на беларускай мове: *месца, куды хто-н. моцна імкнецца трапіць, паколькі яно ўяўляецца яму ўвасабленнем шчасця і багацця*;

4) функцыянальна-стылёвая і структурна-граматычная характарыстыка беларускай ФА на англійскай мове на аснове ўзору слоўнікавага артыкула «Вялікага руска-англійскага фразеалагічнага слоўніка» С.І. Лубенскай [31] і «Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: Phrase, Clause and Sentence Idioms» [19]: *lit* [NP; usu. sing], дзе *lit* (literary) – кніжны, NP (noun phrase) – іменная спалучэнне ці іменная група, *usu. sing* (usually singular) – звычайна ў форме адзіночнага ліку;

5) тлумачэнне беларускай ФА на англійскай мове: *a place in which life promises to be prosperous and where people hope to become happy and successful*;

6) англійскія эквіваленты і адпаведнасці гэтай беларускай адзінкі, што размяшчаюцца па меры змяншэння іх супадзення з загалоўнай адзінкай у семантычным, вобразным, лексіка-граматычным і функцыянальна-стылёвым плане і павелічэння, у сваю чаргу, суадносных разыходжанняў з беларускай ФА.

У квадратных дужках падаецца даведачная крыніца з указаннем старонкі знаходжання гэтай англійскай ФА:

= **a <the> promised land** [LDEI, с. 187]

= **the land of promise** [LDEI, с. 187]

= **the land of milk and honey** [LDEI, с. 187]

LDEI – «Logman Dictionary of English Idioms» [23].

Знак «=» (сімвал абсалютнай раўназначнасці) паказвае поўныя і семантыка-вобразныя эквіваленты;

7) ілюстрацыйны прыклад з беларускага літаратурнага твора з перакладам на англійскую мову, дзе беларуская ФА і яе англамоўны эквівалент выдзяляюцца тлустым шрыфтам:

*І Чымган для нас з'яўляецца тым самым, чым з'яўляецца **зямля абяцаная** для Маісея і народа, які ён вывеў з Егіпта* (Я. Колас).

*And for us Chymhan is what **the promised land** for Moses and the people he brought from Egypt is* (Ja. Kolas).

У беларуска-англійскім тэматычным слоўніку фразеалагізмаў з прасторавай семантыкай слоўнікавы артыкул беларускай ФА *абяцаная зямля* выглядае наступным чынам:

АБЯЦАНАЯ ЗЯМЛЯ [СФ 1, с. 510]. *Мн. не ўжыв. У ролі розн. чл. ск. Кніжн.* Месца, куды хто-н. моцна імкнецца трапіць, паколькі яно ўяўляецца яму ўвасабленнем шчасця, багацця.

lit [NP; usu. sing] a place in which life promises to be prosperous and where people hope to become happy and successful:

= **a <the> promised land** [LDEI, с. 187]

= **the land of promise** [LDEI, с. 187]

= **the land of milk and honey** [LDEI, с. 187]

*І Чымган для нас з'яўляецца тым самым, чым з'яўляецца **зямля абяцаная** для Маісея і народа, які ён вывеў з Егіпта* (Я. Колас).

*And for us Chymhan is what **the promised land** for Moses and the people he brought from Egypt is.* (Ya. Kolas).

Такая структура слоўнікавага артыкула двухмоўнага фразеалагічнага тэматычнага слоўніка з'яўляецца аптымальнай, адпавядае патрабаванням часу і значна пашырае кола яго чытачоў. Ім могуць карыстацца не толькі носьбіты беларускай і англійскай моў у якасці даведніка для перакладу, але і тыя, хто вывучае гэтыя мовы як замежныя, а таксама навукоўцы, хто даследуе беларускую фразеасістэму ў супастаўляльна-параўнальным аспекце з фразеасістэмамі іншых моў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Санько, З.* Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 224 с.
2. *Киселев, И.А.* Русско-белорусский фразеологический словарь : для средней школы / И.А. Киселев. – Минск : Нар. асвета, 1991. – 193 с.

3. *Иванов, Е.Е.* Русско-белорусский паремиологический словарь / Е.Е. Иванов, В.М. Мокиенко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2007. – 247 с.
4. *Аксамітаў, А.С.* Беларуска-польскі фразеалагічны слоўнік / А.С. Аксамітаў, М. Чурак. – Варшава : Fund. Siawistyczna Inst. Siawistyki Polskiej Akad. Nauk, 2000. – 260 с.
5. *Іваноў, Я.Я.* Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік / Я.Я. Іваноў, Н.К. Раманава. – Магілёў : МГУ, 2006. – 105 с.
6. *Мілач, С.В.* Слоўнік фразеалагізмаў з кампанентамі – заонімамі (на матэрыяле беларускай і нямецкай моў) / С.В. Мілач. – Брэст : БрДУ, 2010. – 256 с.
7. Proverbia et dicta: шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н.А. Ганчаровай. – Мінск : Універсітэцкае, 1993. – 255 с.
8. *Корсак, Л.Д.* Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу / Л.Д. Корсак, Л.С. Марціновіч. – Мінск : Вышэйш. шк., 1984. – 66 с.
9. *Іваноў, Я.Я.* Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / Я.Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ, 2009. – 237 с.
10. *Берков, В.П.* Решение вопроса об опорном слове в двуязычных словарях / В.П. Берков // Учен. зап. ТомскГУ. – 1975. – № 93. – Вып. 3. – С. 16–25.
11. *Малаховский, Л.В.* Размещение фразеологизмов в словаре / Л.В. Малаховский // Теория и практика соврем. лексикографии. – Л. : Наука, 1984. – С. 157–164.
12. *Аксамітаў, А.С.* Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа / А.С. Аксамітаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 655 с.
13. *Кунин, А.В.* Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – М. : Рус. яз., 2005. – 1224 с.
14. *Лепешаў, І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 1. А–Л. – 672 с.
15. *Лепешаў, І.Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 2. М–Я. – 704 с.
16. Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер [и др.] – М. : Рус. яз., 1995. – 880 с.
17. *Янкоўскі, Ф.М.* Фразеалагічны слоўнік / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Нар. асвета, 1973. – 352 с.
18. *Янкоўскі, Ф.М.* Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 494 с.
19. *Cowie, A.P.* Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: Phrase, Clause and Sentence Idioms / A.P. Cowie, I.R. Vacin. – Oxford Univ. Press, 1997. – 685 p.
20. *Daphne, M.G.* The Penguin Dictionary of English Idioms / M.G. Daphne, D. Hinds-Howell. – London : Penguin Books, 2001. – 378 p.
21. *Freeman, W.A.* Concise Dictionary of English Idioms / W. Freeman. – London : Hodder and Stoughton, 1982. – 215 p.
22. *Kirkpatrick, E.M.* Chambers Idioms / E.M. Kirkpatrick, C.M. Schwarz. – Singapore : Federal Publ., 1983. – 432 p.

23. *Hill-Long, Th.* Longman Dictionary of English Idioms / Th. Hill-Long. – London : Longman, 1987. – 387 p.
24. *Sinclair, J.* Cobuild Dictionary of Idioms / J. Sinclair – London : Collins Publ., 1995. – 493 p.
25. *Кириллова, Н.Н.* Сопоставительная фразеология романских языков / Н.Н. Кириллова. – Л. : ЛГПИ, 1986. – 81 с.
26. *Стернин, И.А.* Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И.А. Стернин. – М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. – 288 с.
27. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А.Н. Баранова [и др.]. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. – 1136 с.
28. *Зими́на, Л.И.* Контрастивный анализ и исследование национальной специфики фразеологической семантики / Л.И. Зими́на // Вестник Ярослав. ун-та [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.vestnik.usru.org>. – Дата доступа : 10.06.2011.
29. *Кондаков, Н.И.* Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М. : Наука, 1971. – 720 с.
30. *Gatsby, A.* Longman Dictionary of Contemporary English / A. Gatsby. – London : Longman, 1995. – 1668 p.
31. *Мельчук, И.А.* Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания лексики / И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. – Вена : Wiener Slavistischer Almanah, 1984. – 992 с.
32. *Лубенская, С.И.* Большой русско-английский фразеологический словарь / С.И. Лубенская. – М. : АСТ, 2004. – 1056 с.

The article considers theoretical and practical issues of bilingual phraseology and presents the new type of the entry for the Belorussian-English phraseological bilingual thematic dictionary. The structure of the entry makes the dictionary convenient for use, satisfies the requirements of time and greatly expands the range of its users.

Поступила в редакцию 15.09.11

П.П. Глазко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА 'ФОН' В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЭССЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Статья, посвящена рассмотрению дискурсивных маркеров суперструктурного компонента 'фон' в текстах эссе на английском и белорусском языках. Аналитический обзор представленных в современной литературе определений э с с е позволяет говорить об отсутствии описания как структурной специфики данного жанра в целом, так и языковых средств актуализации отдельных ее семантических компонентов.

В рамках исследования был проведен логический и сопоставительный анализ лингвистических средств актуализации событийного фона на лексическом, морфологическом

и синтаксическом уровнях. В результате исследования была определена частотность и прагматика употребления данных языковых средств, выявлены виды событийного фона, его унифицирующие и дифференцирующие черты в текстах на указанных языках, а также установлена связь между видом фона и способами его дискурсивного маркирования.

Зародившись в XVI веке в трудах М. Монтеня «Опыты» (1580–88) и получив дальнейшее развитие в журналистике XVIII–XIX веков (Т. Смоллетт, Г. Филдинг, А. Франс и др.) и в XX веке (Дж. Голсуорси, Б. Шоу, Р. Роллан, Р. Вайян и др.), жанр *эссе* и сегодня, бесспорно, является одним из самых продуктивных жанров европейской и американской литератур. Однако для белорусской литературы *эссе* – явление относительно новое и, соответственно, требующее описания специфических признаков его структуры с целью последующей интеграции данного жанра в общую систему жанров текста.

Поставленная задача в значительной степени осложняется отсутствием общепринятого определения *эссе*. Как справедливо отмечает К. Зацепин, «*эссе* попало в разряд периферийных жанров под такими названиями, как “художественная публицистика”, “художественно-документальная литература” или “литература факта”. Соответственно, не был разработан и метаязык формально-эстетического анализа поэтики *эссе* – по причине отсутствия четких методологических различий, которые позволили бы описать этот жанр в качестве литературно-художественного» [1, с. 191].

В ряде других источников акцент в определении жанра *эссе* делается на его чертах: «свободная трактовка проблемы», «свободная композиция сочинения», «личностный характер восприятия» [2, с. 44; 3, с. 225–227]. Однако ни одна из указанных характеристик не может выступать в качестве дифференцирующего признака, когда речь идет о различиях *эссе* и других жанров, находящихся на пересечении художественного и публицистического стилей.

В нашем исследовании, вслед за Т.Ю. Лямзиной, мы понимаем *эссе* как «жанр, имеющий непосредственную близость с научной, публицистической и художественной литературой, однако не относящийся целиком ни к одной из них, характеризующийся особой связью со временем, повышенной актуальностью, экспрессивностью и образностью, ведущей ролью автора и доминированием функции убеждения, завуалированной иллюзией объективности» [4]. Однако следует признать, что и это определение не отражает особенностей структурной организации текста *эссе*.

Одним из релевантных критериев описания жанров является типовая структура, или суперструктура текста, т.е. совокупность семантических компонентов, характеризующих тот или иной жанр [5, с. 229]. Несмотря на то, что семантические компоненты, как правило, не находятся в прямой корреляции с компонентами композиции, они выделяются в тексте при помощи языковых средств, иными словами, являются дискурсивно маркированными.

Ввиду того, что актуальность тематики выступает как ингерентная характеристика жанра *эссе* и, следовательно, является событийно обуслов-

ленной, можно сделать предположение о наличии в суперструктуре указанного жанра компонента 'фон' событий прошлого, косвенно связанных с настоящей ситуацией или настоящими событиями [5, с. 258].

Так, в эссе «The Souring of Turkey's European Dream» нобелевский лауреат Орхан Памук рассуждает о проблемах интеграции Турции в Европейский Союз, вопросах иммиграции и национальных меньшинств. При этом автор неоднократно обращается к событиям прошлого, напрямую не связанным с центральной проблемой эссе, но выступающим в качестве культурно-исторического контекста, т.е. формирующим событийный фон. В тексте это находит выражение в виде воспоминаний автора – *In the schoolbooks I read as a child in the 1950s and 1960s, Europe was a rosy land of legend* [G1]), ссылок на исторические факты, цитат – *The 14th century Arab thinker Ibn Khaldun said that declining civilisations kept going by imitating their victors. Because there has never been a time when the Turks were colonised by a world power, "worshipping Europe" or "imitating the west" has never carried the damning, humiliating overtones* [G1], аллюзий – *In the Turkish schoolbooks of my childhood there was no discussion of democracy or women's rights, but on the packets of Gauloises that French intellectuals and artists smoked (or so we thought) were printed the words "liberté, égalité, fraternité" and these were much in circulation* [G1]. Все эти события опосредованно связаны с проблемами взаимоотношений Турции и Европейского Союза, но являются важными для осмысления данных проблем, поскольку отражают историческую независимость турецкого государства, сложившийся в представлении турок образ свободной и равноправной Европы и иллюзорность этого образа.

С целью выявления дискурсивных маркеров компонента 'фон' был проведен логический анализ 50 текстов эссе культурной и общественно-политической тематики из британских, американских и белорусских периодических изданий на английском и белорусском языках соответственно (по 25 текстов на каждом языке). В дальнейшем были проведены подсчеты частотности употребления дискурсивных маркеров по количеству текстов, в которых они встречались более одного раза.

Результаты исследования дают основания говорить как о схожих, так и об отличных способах дискурсивного маркирования событийного фона.

Так, достаточно рекуррентными для обоих языков (25 % случаев для обоих языков) являются начальные придаточные предложения времени с маркерами *калі* и *when/while*. При этом глагол, выступающий в роли сказуемого в придаточном предложении, употребляется в форме прошедшего времени. Например, в эссе П. Василевского «Перспектив Пушкіна» речь ідет о направаляннях в савременим беларускім мастацтве, адным з найбольш яркіх прадстаўніцель якіх з'яўляецца Алесь Пушкін. В якасць фонавай інфармацыі выступае апісанне гістарычных умоў зароджэння аднаго з такіх направалянняў – сац-арта: *Калі напрыканцы 80-х гадоў з'явіліся шчыліны ў падмурку Савецкай дзяржавы, улада ўжо ня мела ні сілаў, ні сродкаў прыхарошваць фасад* [Д2, с. 231].

В эссе «How worn-out Britain finally woke up to its chronic sleep problem» Шерил Хикс рассуждает о проблеме бессонницы в современной Великобритании, о причинах ее возникновения и возможных последствиях для страны. В качестве фона в данном случае выступают более ранние воспоминания самого автора о взаимосвязи образа жизни и здоровья: *When I was younger we **didn't know** about the importance to health of a good diet or exercise* [G2].

Равнозначными по частотности (6,25 %) являются начальные обстоятельства времени, маркированные союзами *when/while* и неличной формой глагола Participle I, при обязательной соотнесенности с глаголом-сказуемым в прошедшем времени в английском языке и их белорусскоязычные эквиваленты в виде деепричастных оборотов, синтаксически связанных со сказуемым, также выраженным глаголом в форме прошедшего времени. В упомянутом выше эссе Орхана Памука в качестве фона выступает ссылка на исторический факт, положивший начало турецко-европейскому сотрудничеству и сближению. В эссе Е. Лецьки «Прыадчыніць заслону», посвященном истории и значению символов Беларуси и национальной символики, фоновая информация представлена в виде упоминания конкретных исторических фактов, способствовавших сохранению белорусской национальной самобытности во времена фашистской оккупации. При этом используются формально различные, но функционально эквивалентные дискурсивные маркеры компонента 'фон'. Сравните:

*While forging his new republic from the ruins of the Ottoman empire ... Mustafa Kemal Atatürk **did fight** against the Greek army, but with the support of his own army he later introduced a slew of social and cultural modernisation reforms that were not anti- but pro-western* [G1].

*А таму, **праводзячы** на абшарах Беларусі вызначаны ў Берліне генеральны курс, ён у сваёй практычнай дзейнасці часамі пад уплывам чыста асабістых пачуццяў **раслабляўся**, дапускаў адхіленні* [Д4, с. 216].

Унифицирующей чертой для английского и белорусского языков можно также назвать рекурсивный характер семантического компонента 'фон', т.е. его повторяемость на протяжении всего текста и отсутствие четко детерминированных границ либо положения.

В результате проведенного исследования были также выявлены некоторые контрастивные признаки дискурсивного маркирования событийного фона в английском и белорусском языках.

Так было установлено, что, в отличие от английского языка (43,75 %), в белорусском (93,75 %) более частотным дискурсивным маркером культурно-исторического контекста исследуемой в эссе проблемы является использование аллюзий и цитат: *Ж.-П. Сартр раіў: «Калі хочаш камандаваць – стаўся да сябе, як да іншага»* [Д7, с. 190]; *у становішчы*

бурыданава асла [ДЗ, с. 178]; *the words "liberté, égalité, fraternité"* [G1]; *a dictum attributed to the philosopher Ortega-y-Gasset: "Spain is the problem, Europe the solution"* [G3].

В белорусскоязычных эссе также превалирует (25,5 %) использование глагола со значением 'помнить/вспоминать' в повелительном наклонении. В текстах на английском языке данный способ маркирования менее частотен (6,25 % случаев): *Згадаем пра тую эвалюцыю, якую прарабіла англійская мова, стаўшы амерыканскай. Згадаем і аб тым, што ў рускай мове, калі звярнуцца да слоўніка У.І. Даля, калісьці таксама было намнога больш найменняў снегу* [Д5, с. 208]; *Come back with me 40 years to the rabid spring of 1970* [T1].

Призыв обратиться к воспоминаниям о каких-либо событиях прошлого способствует общей экспрессивности текста и в форме директива реализует функцию убеждения читателя в правильности авторской точки зрения и вовлекает его в процесс обсуждения.

Типичными для белорусскоязычных эссе (12,5 %) являются и односоставные безличные предложения с теми же глаголами в роли сказуемых: *Помніцца, які ў мяне быў выбар у савецкія часы, калі ў сярэдзіне васьмідзясятых прыйшоў час аддаваць у школу старэйшага сына* [Д8, с. 209]. Использование безличного глагола предполагает отсутствие в предложении конкретного субъекта, служит для опосредованного описания состояния автора и, таким образом, создает иллюзию объективности.

В эссе на английском языке авторы прибегают к использованию глаголов с семой 'помнить' в форме изъявительного наклонения настоящего времени, первого лица, единственного числа (12,5 % случаев): *The day that my US Green Card arrived in the post, I remember thinking to myself: "Oh cool, now I can go out and buy a high-powered semi-automatic assault weapon"* [Ts].

Повествование от первого лица помогает установить доверительные отношения с читателем и акцентирует внимание на авторском видении проблемы, что является одной из ингерентных характеристик эссе.

В отличие от белорусского, в английском языке более частотными являются обстоятельства времени, употребленные в начальной позиции в предложении как без указания, так и с указанием точной даты (50 % и 75 % соответственно): *in recent years/two decades ago/in 1970s/in 1974/in September 2010/у апошнія дзесяцігоддзе/у апошнія 30 гадоў існавання СССР/у 1789 годзе/на пачатку дваццатага стагоддзя*. Такое процентное расхождение может объясняться особенностями прагматики порядка слов в указанных языках, поскольку обстоятельства, употребленные в начальной позиции, носят в английском языке более выделенный и весомый характер и являются средствами эмфазы.

Белорусскоязычные эссе зачастую характеризуются наличием эпиграфов, которые могут выступать в роли своеобразных маркеров 'фона', если их задачей является поместить исследуемую проблему в более широкий культурологический контекст. Так, в эссе, посвященном значению болот для

белорусской культуры и истории, автор в качестве эпиграфа использует следующие слова А. Разанава: “...*Напачатку было балота. Пераходзілі эры, святло пагасала, і сутарэнні нагруваішчаліся – было: першаіснасьць ... першатварэнне...*” [Д6, с. 199]. В данном случае эпиграф суммирует содержание всего эссе, представляя болото в качестве мифологемы, т.е. образа, характеризующегося глобальностью, глубинной связью с историей и культурой белорусов и находящего отражение в языке и фольклоре.

Отсутствие эпиграфов в англоязычных эссе, вероятно, объясняется расхождением в стереотипных представлениях о форме текстов данного жанра.

Результаты анализа тематического содержания отобранных для исследования текстов эссе и языковых средств, маркирующих событийный фон, дают основания говорить о связи между видом фона и способом его маркирования. Так, обстоятельства времени с указанием и без указания точной даты в большинстве случаев отсылают читателя к определенным историческим событиям и, следовательно, являются индикаторами исторического фона. Аллюзии, цитаты, эпиграфы и другие прецедентные тексты используются для того, чтобы поместить проблему обсуждения в более широкий контекст, и выступают в роли маркеров культурологического фона. Глаголы с семой ‘помнить’ прямо (глагол в форме изъявительного наклонения) или косвенно (глагол в повелительном наклонении) призывают читателя обратиться к личному опыту автора и функционируют в качестве помет субъективного фона. В таблице более наглядно проиллюстрирована связь между типами фоновой информации и способами их языкового воплощения в текстах на английском и белорусском языках.

Типы фоновой информации и языковые средства их актуализации

Тип фоновой информации	Дискурсивные маркеры	Примеры
Исторический фон	обстоятельства времени (с указанием и без указания точной даты)	<p>Скончылася агонія ў 1991 годзе, калі дзяржава – спадкаемца Расійскай імперыі – перастала існаваць як геапалітычная рэальнасьць [Д2, с. 229].</p> <p>In the 1960s, the streets of most major cities were teeming with homeless people, the vast majority of them drug addicts, but a significant minority of them mentally ill [T2].</p>

Культурологический фон	прецедентные тексты (аллюзии, цитаты, эпитафьи)	Ж.-Ж. Русо: “Чым мені мы ўбачым, тым больш мы ўявім сабе” [Д7, с. 192]. "Youth is easily deceived," Aristotle said, "because it is quick to hope" [T1].
Субъективный фон	глаголы с семой ‘помнить’ в форме изъявительного или повелительного наклонения	Ты <i>згадваеш</i> , як калісьці сядаў у сваім Полацку на начны суботні аўтобус, каб у нядзелю пабыць у Пецярбурзе–Ленінградзе, які мроіўся табе еўрапейскім горадам [Д1, с. 128]. <i>They point instead to the lack of funding for sufficient youth violence prevention programs. Mine, as I recall, was a withering look from my father [WP].</i>

Проведенное исследование позволяет говорить о сходстве способов дискурсивного маркирования семантического компонента ‘фон’ жанра эссе на белорусском и английском языках на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях и о незначительных различиях, вызванных особенностями языков. Результаты также свидетельствуют о связи данных способов с различными видами событийного фона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зацепин, К.А. Эссе: от философии к литературе / К.А. Зацепин // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 4. – С. 191–201.
2. Пельт, В.Д. Дифференциация жанров газетной публицистики : учеб.-метод. пособие / В.Д. Пельт. – М. : МГУ, 1986. – 48 с.
3. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты : учеб. пособие / З.С. Смелкова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 320 с.
4. Лямзина, Т.Ю. Жанр эссе (к проблеме формирования теории) / Т.Ю. Лямзина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.psujournal.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm. – Дата доступа : 01.06.2011.
5. Дейк, Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

G1 – Pamuk, O. The souring of Turkey’s European dream / O. Pamuk // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2010/dec/23/turkey-european-dream-migrants-minorites>. – Date of access : 25.05.2011.

- G2 – *Hicks, Ch.* How worn-out Britain finally woke up to its chronic sleep problem/ Ch. Hicks // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/lifeandstyle/2011/jan/30/sleep-problems-new-drugs>. – Date of access : 20.05.2011.
- G3 – *Savater, F.* The EU needs to stand up to the nationalists / F. Savater // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/jan/05/eu-nationalists>. – Date of access : 23.05.2011.
- T1 – *Gibbs, N.* How Millennials Perceive a New Generation Gap / N. Gibbs // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1971433,00.html>. – Date of access : 23.05.2011.
- T2 – *Klein, J.* Arms and the Unbalanced / J. Klein // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0.9171.2042342.00.html>. – Date of access : 10.05.2011.
- Ts – *Ayres, Ch.* Can the US live in peace with its guns? / Ch. Ayers // The Times [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/chris_ayres/article6054873.ece. – Date of access : 15.05.2011.
- WP – *Cohen, R.* Kids gone wild, parents gone missing / R. Cohen // The Washington Post [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2010/04/05/AR2010040503549.html>. – Date of access : 10.05.2011.
- Д1 – *Арлоў, У.* Маленькі канцэрт для міланскіх катой / У. Арлоў // Дзеяслоў. – 2003. – № 3. – С. 127–140.
- Д2 – *Васілеўскі, П.* Праспект Пушкіна / П. Васілеўскі // Дзеяслоў. – 2003. – № 4. – С. 223–232.
- Д3 – *Гібок-Гібкаўскі, А.* Ці далёка нам яшчэ да Беларусі? / А. Гібок-Гібкаўскі // Дзеяслоў. – 2003. – № 5. – С. 177–188.
- Д4 – *Леўка, Я.* Прыядчыніць заслону / Я. Леўка // Дзеяслоў. – 2003. – № 5. – С. 212–218.
- Д5 – *Казарын, У.* Глабалізацыя і праблема захавання моўнай шматстайнасці сучаснага сьвету / У. Казарын // Дзеяслоў. – 2003. – № 5. – С. 202–211.
- Д6 – *Клімовіч, І.* Чортавае вока / І. Клімовіч // Дзеяслоў. – 2003. – № 7. – С. 199–211.
- Д7 – *Барысевіч, Ю.* Мастацтва і вар'яцтва / Ю. Барысевіч // Дзеяслоў. – 2003. – № 7. – С. 189–198.
- Д8 – *Мароз, У.* Ціхі беларускі нонканфармізм / У. Мароз // Дзеяслоў. – 2004. – № 10. – С. 207–210.

The present article deals with the discursive markers of background information in texts of publicistic essays in the English and Belarusian languages. The results of the logic and comparative analyses elucidate integrative and differential features of background information at lexical, morphological and syntactic levels.

Поступила в редакцию 07.07.2011

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ УМЕСТНОСТИ В РЯДУ ДРУГИХ КАТЕГОРИЙ

Уместность как категория межличностной коммуникации представляет большой интерес для исследователя в самых разных аспектах: когнитивном, межкультурном, стилистическом, а также лингвопрагматическом. В статье приводится ряд аргументов, подтверждающих категориальный статус уместности, а именно: участие уместности в организации и регулировании процесса коммуникации; наличие внутреннего содержания, представленного различными видами уместности (темпоральной, локативной, статусно-ролевой, межличностной и тематической); востребованность ряда разноуровневых языковых средств реализации данной коммуникативно-прагматической категории. Осуществляется разграничение уместности и таких смежных понятий и категорий, как речевой этикет, вежливость, эффективность, приемлемость и успешность.

Для лингвистических исследований последних десятилетий характерен повышенный интерес к изучению разнообразных коммуникативных категорий в различных дискурсивных практиках, к числу которых относится и категория *уместности* (англ. *appropriateness*, нем. *Angemessenheit*), отражающая различные формы соответствия высказывания целям и задачам общения, коммуникативному контексту его употребления и связанная с эффективностью речевых действий коммуникантов [1; 2; 3]. Являясь независимой коммуникативно-прагматической категорией, уместность обнаруживает свою специфику и нуждается в уточнении ее категориального статуса, а также в отграничении от некоторых смежных категорий.

Изучение данной категории с лингвопрагматической точки зрения обнаруживает ее зависимость от компонентов коммуникативно-прагматического контекста¹ [4]. Так, широкое распространение получила трактовка категории уместности как «контекстуально уместного использования языка», предложенная М. Севилл-Тройке [3]. Аналогичным образом шведский лингвист П. Линелл выводит определение уместности из параметров контекста [10], а немецкая исследовательница А. Фетцер определяет уместность как прагматическую категорию, «отражающую взаимосвязь между лингвистической реализацией коммуникативного намерения говорящего и социальным и лингвистическим контекстом высказывания» [2, с. 20] (перевод наш. – Ю.И.)

---

¹ По определению Н.И.Формановской, коммуникативно-прагматический контекст – это «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних реакций общающихся, находящихся в выражении в каком-либо высказывании [5, с. 55]. Несмотря на все многообразие подходов к выделению структурных элементов коммуникативно-прагматического контекста, большинство ученых склонны выделять в качестве основополагающих/базовых следующие компоненты: время и место общения, участников общения (с учетом межличностных и социорольевых взаимоотношений между ними), а также тему общения [6; 7; 8; 9].

Обоснование теоретического статуса категории уместности в лингвистике целесообразно начать с уточнения объема понятия *коммуникативно-прагматическая категория*.

Традиционно понятие *категория* применяется прежде всего в отношении *языковых категорий*. В широком смысле языковая категория представляет собой «любую группу языковых элементов, выделяемых на основании какого-либо общего свойства; а также некоторый признак, который лежит в основе разбиения однородных языковых единиц на определенные классы» [11, с. 215]. При этом выделяют языковые категории разных типов: грамматические, синтаксические, лексико-семантические, словообразовательные и др.

Особую нишу в лингвистике занимают *текстовые категории*, сочетающие в себе языковые и речевые признаки, поскольку текст по своей сути – единица особого уровня языка и речи (устной и письменной). К числу наиболее существенных текстовых категорий относят персональность, тематичность, логичность, тональность, оценочность, локативность и др. [12, с. 8–9].

Относительно определения коммуникативной категории, отметим, что в современной теории речевой коммуникации пока нет однозначной трактовки данного понятия, не выработаны единые принципы их выделения, а также не определен исчерпывающий набор коммуникативных категорий. Под *коммуникативными категориями* понимаются «самые общие коммуникативные понятия, упорядочивающие знания человека об общении и нормах его осуществления» [13, с. 262]. Как отмечает И.А. Стернин, подобное упорядочение осуществляется нежестко, многие категории взаимно накладываются друг на друга, пересекаются [Там же].

Коммуникативные категории представляют собой категории речевого общения. Как справедливо подмечено Е.П. Захаровой, они противопоставлены как языковым, так и функционально-стилевым и риторическим категориям: коммуникативные категории связаны не с языком, а с речью; они проявляются в любой речи, независимо от функционально-стилевой принадлежности; им не обучают, но общение без них невозможно [14]. Так, по мнению исследовательницы, теоретический статус любой коммуникативной категории определяется следующими основаниями: 1) участием коммуникативной категории в организации и регулировании коммуникативного процесса; 2) наличием внутреннего содержания, структуры; 3) набором разноуровневых языковых и речевых средств (в том числе и невербальных), применяемых для выражения этого содержания.

Поскольку коммуникативные категории участвуют в организации и регулировании процесса речевой интеракции, представляется возможным систематизировать все коммуникативные категории по функциональному признаку, т.е. по роли и степени участия конкретной категории в коммуникативном процессе. Так, Е.П. Захаровой было предложено выделить следующие два типа категорий: обязательные для любого коммуникативного процесса категории (собственно коммуникативные) с «коммуникативно организующей функцией» и сопутствующие (регулятивные и квалификативные) категории, выполняющие регулируемую функцию [14, с. 14]. Например,

к собственно коммуникативным относятся такие категории, как локальность, темпоральность и персональность, соотносимые с текстовыми категориями, реализующимися в рамках любого речевого акта. Среди сопутствующих коммуникативных категорий можно выделить вежливость, категоричность, эмоциональность, экспрессивность, эффективность и др. [14].

Сказанное позволяет нам утверждать, что *уместность* относится к числу коммуникативно-прагматических категорий.

Поясним сформулированный тезис конкретными аргументами. Категория уместности действительно связана с процессом организации общения, что подтверждается наличием у соответствующих диалогических фрагментов сложной линейной структуры, состоящей из различных элементов¹, призванных обеспечить успешную реализацию основного компонента (собственно уместного либо неуместного высказывания). Ср. следующий фрагмент диалога, в котором реализованы реплики проспективной направленности, направленные на проверку темпоральной и ролевой уместности высказывания:

– *Выкладываете!*

– *Все не так просто. Вы имеете время выслушать? Имеете терпение? Не бойтесь, сюда никто не войдет. Только говорить надо шепотом, чтобы никто не услышал.*

– *Говорите!* (С.Т. Алексеев. “Утоли моя печали”).

Кроме того, основная функция ретроспективных реплик, тематизирующих идею неуместности, сводится именно к регулированию процесса коммуникации, к предотвращению возможного прерывания общения по причине неуместного времени, места, темы общения и т.д. [16].

Обоснование категориального статуса уместности с необходимостью ставит вопрос о разграничении уместности и таких смежных явлений и коммуникативных категорий, как речевой этикет, вежливость, эффективность, приемлемость и успешность.

Уместность как предмет научно-практического исследования имеет ряд точек пересечения с *речевым этикетом*, под которым понимают принятые в том или ином обществе правила общения с учетом статусно-ролевых характеристик коммуникантов в конкретной ситуации общения [5, с. 25]. Представляя собой, как правило, набор стереотипных высказываний, речевой этикет оказывается связанным с речевой ситуацией или контекстом, а, следовательно, и с категорией уместности. Например, Н.И. Формановской подробно описаны правила ведения речи для говорящего и слушающего, многие из которых оказываются напрямую связанными с категорией уместности [5, с. 25–34]. Так, говорящему предписывается выбирать уместную тему для разговора, а слушающему – адекватно реагировать на высказы-

---

¹ Анализ фактического материала показал, что в линейной структуре контекстов уместности можно выделить такие вспомогательные элементы, как запрос на осуществление неуместной коммуникации, мотивировки неуместного высказывания, смягчающие и усиливающие метакоммуникативные ходы и др. [15].

вания говорящего (к примеру, корректировать ситуативно неуместные высказывания собеседника).

Тем не менее, несмотря на наличие некоторых пересечений, коммуникативно-прагматическая категория уместности не тождественна речевому этикету. Можно выделить три основных параметра их разграничения: 1) «правила vs. процесс их дискурсивной реализации», 2) задействованность языковых единиц разного уровня и 3) степень клишированности высказывания, реализующего этикетную функцию или тематизирующего идею уместности.

Во-первых, как уже было отмечено, этикет представляет собой свод коммуникативных норм и правил, тогда как уместность – это реализация некоторых из этих правил на практике, в реальной ситуации общения. Кроме того, в отличие от речевого этикета, проявляющегося в рамках прагматических координат «я–ты–здесь–сейчас» [17, с. 576], категория уместности учитывает все многообразие компонентов коммуникативно-прагматического контекста (психологических, социальных, культурных и других характеристик коммуникантов).

Так, например, в речевом этикете исследуются формулы обращения как проявления статуса (*ты-* или *Вы-*формы). С позиции коммуникативно-прагматической категории уместности статус коммуниканта проявляется намного разнообразнее: с учетом типов ролей, исполняемых коммуникантами (статусные, позиционные и ситуационные роли); характера направленности реплики в диалоге, тематизирующей идею уместности/неуместности; многообразия коммуникативных ходов в линейной структуре речевого акта; а также в аспекте влияния на дальнейшее протекание диалога [16].

Во-вторых, речевой этикет зачастую ограничивается исследованием отдельных лексем, в то время как при изучении категории уместности анализу подвергаются целые высказывания (коммуникативные ходы), выраженные разноуровневыми языковыми единицами (лексическими, грамматическими, синтаксическими, графическими).

В-третьих, следует отметить более высокую степень клишированности этикетных выражений по сравнению с высказываниями, в которых тематизируется идея уместности. Ср. следующий фрагмент диалога, содержащий коммуникативный ход, тематизирующий идею ролевой неуместности высказывания (в частности, неуместность коммуникативных ролей), который вряд ли нашел бы отражение в пособии по речевому этикету:

– *Почему меня не предупредили об этом?*

– *Вопрос не ко мне. Разбираться будешь со своими* (С.Т. Алексеев. “Утоли моя печали”).

Как существенный элемент речевой и поведенческой культуры народа речевой этикет связан с *категорией вежливости*. Категория вежливости является одной из важнейших коммуникативно-прагматических категорий. По определению Т.В. Лариной, вежливость представляет собой национально-специфическую коммуникативную категорию, направленную на гармоничное, бесконфликтное общение и определяемую набором социальных

ценностей, которыми руководствуются собеседники, удовлетворяя взаимные ожидания [18, с. 137–138]. Поскольку вежливость – это прежде всего явление, тесно связанное с основными принципами социокультурной организации общества и межличностными отношениями, существующими между его членами, сферы интересов категорий вежливости и уместности частично совпадают. Обе категории необходимо рассматривать в контексте социальных отношений, с учетом всего многообразия социальных ролей, исполняемых коммуникантами.

Однако вежливость, несмотря на свою универсальность, имеет относительный характер, поскольку конкретное ее содержание является национально-специфичным [18]. Так, в зависимости от параметров коммуникативного контекста одна и та же вежливая фраза может оцениваться собеседником как уместная либо неуместная (напр., реплика *Не могли бы вы уделить мне сейчас пару минут?*, представляющая собой вежливое обращение к старшему по статусу собеседнику, будет расценена адресатом как неуместная при неподходящих времени и месте общения). В этой связи представляется целесообразным вывод о том, что не все то, что вежливо, уместно, и не все то, что невежливо, неуместно. Ср. следующие фрагменты диалогов:

1. – *Я еще раз прошу прощения, – голос в трубке был мягким и вежливым, – как вам кажется, вы сумеете вернуть Анжеле лицо?*

– *Послушайте, Геннадий Александрович, почему вы звоните мне домой в такое время? Можно прийти в клинику днем, и я отвечу на все ваши вопросы* (П.В. Дашкова. “Херувим”);

2. – *Товарищ генерал, разрешите...*

– *Ладно тебе, полковник, – сказал генерал Потапов, небрежно тронув за плечо местного полковника, – не на плацу, незачем канитель разводите. Что ты здесь Ваньку ломаешь... По сути докладывай* (А. Воронин. “Олигарх”). Как видим, пример 1 представляет собой вежливое, но неуместное с точки зрения времени, места и канала связи обращение пациента к врачу, в то время как в примере 2 реализовано невежливое, но уместное с точки зрения времени и темы разговора обращение старшего по званию к своему подчиненному.

Существует взаимосвязь между коммуникативно-прагматической категорией уместности и эффективностью общения. Под эффективностью общения, как правило, понимается оптимальный способ достижения поставленной цели, т.е. взаимопонимания [17, с. 789]. Как отмечает Е.П. Захарова, риторическая категория эффективности относится к сопутствующим коммуникативным категориям (подкласс «кваликативные», т.е. категории, оценивающие качество речи) наряду с оптимальностью и нормативностью и выполняет регулирующую функцию в общении [14, с. 18].

Риторические категории, в отличие от других коммуникативных категорий, присущи только хорошей речи, именно поэтому их можно обнаружить не в каждом дискурсе. В риторических категориях как особых категориях кваликативного характера изначально заложен положительный результат общения. В этой связи напрашивается следующий вывод:

категория эффективности носит не обязательный характер, а сопутствующий, дополняя и регулируя деятельность других универсальных категорий, в том числе и уместности.

По замечанию М.А. Канчер, связь категорий уместности и эффективности общения неоднозначна. Так, если под уместностью понимать «соответствие способов поведения стандартам определенной ситуации, то она, безусловно, будет являться залогом и основанием коммуникативной эффективности, инструментом и средством ее достижения» [1, с. 7]. Однако эта зависимость является относительной, поскольку прагматическая установка некоторых речевых ситуаций предполагает намеренное отклонение от речевого стандарта в поведении говорящего, осознанное нарушение условий речевой уместности (например, в ситуации телевизионного игрового шоу, когда телеведущий несколько раз намеренно задает неуместный вопрос и агрессивно добивается ответа на него. При этом налицо эффективная (в случае получения адекватного ответа), но неуместная стратегия ведения разговора [1]).

Так или иначе, связь категории уместности с эффективностью прослеживается на практике, в контексте речевого взаимодействия коммуникантов. При этом эффективность общения зависит, с одной стороны, от его организации (контекста), с другой – от особенностей участников. Как замечает А. Баркер, понижают эффективность общения такие показатели контекста, как ограничение времени общения, неудачный выбор места проведения разговора, недостаточная конфиденциальность и др. [19, с. 30]. В этой связи учет различных контекстных факторов, образующих категорию уместности, способствует повышению эффективности коммуникации в любой ситуации.

Однако мнение о том, что все уместное является эффективным, а все неуместное – неэффективным, представляется ошибочным. Так, порой неуместно произнесенная фраза имеет большую эффективность и быстрее достигает соответствующего перлокутивного эффекта на адресата, чем ее более «правильный» аналог. Ср. приведенный ниже фрагмент диалога, в котором говорящий, осознавая темпоральную неуместность своего высказывания, тем не менее обращается к слушающему и добивается при этом его согласия на разговор:

– *Я Иван Федорович Петелькин. Разрешите представиться: ваш сосед.*

Егор Королев посмотрел на часы.

– *Дел много.*

– ***Я много времени не займу, понимаю, вы человек занятой, работы по горло.***

– ***Ладно, если только недолго. Не стану скрывать от вас, Иван Федорович, я страшно устал*** (А. Воронин. “Олигарх”).

Коммуникативно-прагматическая категория уместности нуждается также в отграничении от таких смежных категорий, как *приемлемость* и *успешность*.

Что касается связи категории уместности с приемлемостью, то, как отмечают Т.А. ван Дейк и А. Фетцер, приемлемость (англ. *acceptability*), будучи явлением социолингвистическим, отображает экстралингвистические факторы речи, в то время как уместность (англ. *appropriateness*) – есть фено-

мен прагматический, который тесно соотносится с говорящим, адресатом, коммуникативным намерением, лингвистической реализацией речевого акта и контекстом; т.е. отображает экстра- и интралингвистические факторы речи (в том числе, ментальный, социокультурный и физический миры коммуникантов) [4; 20].

Относительно связей с категорией *успешности*, отметим, что, будучи контекстно-зависимой характеристикой высказывания, уместность оказывается важным условием для успешного осуществления речевого акта. При этом обнаруживается параллель с условиями успешности речевых актов (англ. *felicity conditions*), соблюдение которых является необходимым условием для успешной реализации иллокутивной цели [21; 22]. Разработка условий успешности имеет важное значение для лингвистики, поскольку, как справедливо отмечает А. Фетцер, помогает раскрыть суть категории уместности и определить ее место в ряду других категорий, призванных оптимизировать процесс общения [2].

В связи с проблемой определения статуса категории уместности в отношении условий успешности в современной лингвопрагматике наметились два подхода: 1) условия уместности трактуются синонимично условиям успешности [23; 24] и 2) условия уместности занимают приоритетное по отношению к условиям успешности положение, позиционируясь исследователями как универсальные условия, необходимые для успешного осуществления самых разных речевых действий [3; 10; 20].

В рамках данного исследования разрабатывается второй из перечисленных подходов, согласно которому коммуникативно-прагматическая категория уместности наделяется статусом отдельной теоретической категории, связанной с адаптацией высказывания с учетом контекстных составляющих.

Опираясь на наши данные, полученные при анализе диалогических фрагментов, тематизирующих идею неуместности высказывания, на трех языках (славянском, германском и романском), а также на ряд лингвистических исследований схожей тематики [25], можно предположить, что коммуникативно-прагматическая категория уместности имеет универсальный характер. Это объясняется тем, что в диалоге категория уместности применима к очень многим типам речевых актов (напр., репрезентативам, директивам и т.д.), в то время как условия успешности речевых актов всегда касаются какого-то конкретного речевого акта.

Обобщая сказанное, отметим, что уместность, вслед за рядом исследователей, трактуется в нашей работе как *коммуникативно-прагматическая категория, отражающая разнообразные формы соответствия высказывания условиям и задачам общения, коммуникативному контексту его употребления и связанная с эффективностью речевых действий коммуникантов* [1; 2; 3]. При этом ее независимый статус в ряду других речевых категорий подтверждается следующими основаниями: 1) участием коммуникативной категории уместности в организации и регулировании коммуникативного процесса [1; 14]; 2) наличием внутреннего содержания, представленного различными видами уместности (темпоральной, локативной,

статусно-ролевой, межличностной и тематической¹) [16]; а также 3) набором разноуровневых (лексико-грамматических, синтаксических, графических) языковых средств для выражения этого содержания [16].

Таким образом, категория уместности является одной из важнейших коммуникативно-прагматических категорий, обеспечивающих успешное и гармоничное общение. Наиболее ярко она проявляет свою специфику в диалогическом общении, где выполняет организующую и регулирующую функции в процессе коммуникации. Кроме того, несмотря на наличие некоторых точек пересечения со смежными категориями (речевым этикетом, вежливостью, эффективностью и др.), уместность обладает спецификой, которая подтверждает ее независимый категориальный статус.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Канчер, М.А.* Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса: На материале игровых программ: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.А. Канчер. – Урал. гос. ун-т. им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2002. – 15 с.
2. *Fetzer, A.* Recontextualizing context: grammaticality meets appropriateness / A. Fetzer. – Amsterdam: Benjamins, 2004. – 267 p.
3. *Saville-Troike, M.* The Ethnography of Communication: An Introduction / M. Saville-Troike. – 3rd ed. – Oxford : Blackwell, 2003. – 321 p.
4. *Van Dijk, Teun A.* Studies in the pragmatics of discourse / Teun A. van Dijk. – The Hague: Mouton, 1981. – 331 p.
5. *Формановская, Н.И.* Культура общения и речевой этикет / Н.И. Формановская. – М. : ИКАР, 2002. – 236 с.
6. *Сусов, И.П.* Введение в языкознание: учебник / И.П. Сусов. – М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. – 379 с.
7. *Формановская, Н.И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М. : ИКАР, 2007. – 480 с.
8. *Cutting, J.* Pragmatics and Discourse: a resource book for students / J. Cutting. – London [et al.]: Routledge, 2002. – 187 p.
9. *Verschueren, J.* Understanding Pragmatics / J. Verschueren. – London [et al.]: Arnold, 1999. – 295 p.
10. *Linell, P.* Approaching Dialogue: Talk, interaction and contexts in dialogical perspectives / P. Linell. – Amsterdam; Philadelphia : Benjamins, 1998. – 322 p.
11. Языкознание : Большой энциклопедический словарь / гл. ред В.Н. Ярцева. – М. : Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
12. *Стратийчук Е.Ю.* Персональность как текстообразующая категория художественного текста : На материале русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Ю. Стратийчук; Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2006. – 23 с.

---

¹ Данные виды уместности выделяются нами исходя из базовых компонентов коммуникативно-прагматического контекста, которые наиболее часто получают эксплицитное выражение в диалоге (это время и место общения, участники общения и тема).

13. *Стернин, И.А.* Коммуникативное поведение и национальное коммуникативное сознание / И.А. Стернин // *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии.* – Воронеж, 2002. – С. 262–302.
14. *Захарова, Е.П.* Типы коммуникативных категорий / Е.П. Захарова // *Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр.* – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 12–19.
15. *Ильюшенко, Ю.В.* Линейная структура коммуникативных контекстов уместности: На материале английского, итальянского и русского языков / Ю.В. Ильюшенко // *Язык – когниция – коммуникация: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3–6 нояб. 2010 г. / редкол.: З.А. Харитончик (отв. ред.) [и др.].* – Минск : МГЛУ, 2010. – С. 271–272.
16. *Ильюшенко, Ю.В.* Категория темпоральной уместности в межличностной коммуникации : На материале английского, итальянского и русского языков / Ю.В. Ильюшенко // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология.* – 2010. – № 4 (47). – С. 47–56.
17. *Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова и др.* – 2-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 840 с.
18. *Ларина, Т.В.* Категория *вежливость* как отражение социально-культурных отношений : На примере английской и русской коммуникативных культур / Т.В. Ларина // *Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 2003. – № 4. – С. 137–147.
19. *Баркер, А.* Как улучшить навыки общения / А. Баркер, пер. с англ. под ред. В.А. Спивака. – СПб. : Нева, 2003. – 224 с.
20. *Fetzer, A.* Context, contexts and appropriateness: Introduction / A. Fetzer // *Context and Appropriateness: Micro meets macro / ed. by A. Fetzer.* – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2007. – P. 3–30.
21. *Austin, J.L.* How to do things with words: the William James lectures delivered at Harvard University in 1955 / J.L. Austin. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p.
22. *Searle, J.* Speech acts: an essay in the philosophy of language / J. Searle. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.
23. *Crystal, D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics / D. Crystal. – 5th ed. – Oxford : Blackwell, 2003. – 511 p.
24. *Yule, G.* Pragmatics / G. Yule. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. – 138 p.
25. *Fetzer, A.* If I may say so: Indexing appropriateness in dialogue / A. Fetzer // *Context and Appropriateness: Micro meets macro / ed. by A. Fetzer.* – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2007. – P. 115–145.

Appropriateness as a category of interpersonal communication can be researched from different perspectives: cognitive, cross-cultural, stylistic and pragmalinguistic. Recognition of the independent status of the category of appropriateness raises the question of its more precise definition as a category and its differentiation from such closely-related concepts and categories as speech etiquette, politeness, effectiveness, acceptability and felicity conditions.

Поступила в редакцию 20.09.2011

М.В. Козылева

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ АНТРОПОНИМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В статье исследуются способы *передачи антропонимов*. В ней обсуждаются возможности перевода имен собственных (антропонимов), устанавливается значимость имени собственного в процессе перевода, анализируются существующие способы передачи и перевода антропонимов в зарубежной и славянской лингвистике и дается их классификация.

По вопросу перевода личных имен высказываются полярные мнения. Представление о переводе имени собственного с практической точки зрения может показаться странным. В переводоведении рассматривались лишь некоторые конкретные случаи перевода имен собственных (ИС). Вопросы общего характера до сих пор остаются во многом нерешенными. Среди теоретических работ по данному вопросу наиболее значительны исследования В.С. Виноградова, Д.И. Ермоловича, А.А. Реформатского, Н.Л. Любимова, Б.А. Старостина, С. Влахова, С. Флорина, P. Newmark, Th. Hermans, A.P. Vermees и др. Среди лингвистов нет однозначной интерпретации этой категории слов, нет единого взгляда на то, обладают ли имена собственные семантическим значением, наиболее спорным является вопрос о переводимости имен собственных, исследователи так и не определились с универсальной терминологией в отношении способов передачи и перевода онимов.

Цель статьи – в комплексном описании существующих способов перевода антропонимов для создания классификации, обнаружения закономерностей при их переводе, в анализе возможностей и ограничений передачи и перевода антропонимов.

Передача иноязычных антропонимов представляет значительные трудности для переводчиков на всех языковых и внеязыковых уровнях: не все звуки речи исходного языка (ИЯ) могут быть точно изображены средствами алфавита переводного языка (ПЯ). Поэтому передача имен собственных носит более или менее приблизительный характер.

Все исследователи считают, что решение вопроса о возможности перевода имен собственных связано с поиском эквивалентных средств в ПЯ. Как правило, имена собственные относят к безэквивалентной лексике. Однако среди ИС существуют типы, основанные на фонетических, графических и семантических ассоциациях. Такие ИС едва ли можно считать безэквивалентными лексическими единицами. Дело в том, что в разных языках есть сходные источники происхождения реальных фамилий, лексические значения основ ИС, аналогичные словообразовательные модели, сходные приемы создания значимого звукового облика имени. Перевод имен собственных всегда рассматривался как простой автоматический процесс передачи слов с одного языка на другой по причине того, что имена собственные – это всего лишь обозначения (*labels*), используемые для определения человека или

вещи [1, р. 89]. Вопреки этому распространенному мнению, перевод имен собственных – это нетривиальная задача, тесно связанная с проблемой *значения имени*. Значение его – сложный комплекс, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте, поскольку имя собственное во всей полноте своих характеристик представляет собой точку соприкосновения лингвистического и экстралингвистического планов [2, с. 7]. В состав сведений о слове, т.е. в лингвистическую часть значений, входят и особые мотивы именованного, и специфика существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, и степень известности объекта и его имени. Все эти факторы свидетельствуют в пользу возможной иноязычной передачи имен собственных всех типов.

Во второй половине XVIII–XIX вв. для передачи онимов широко использовался способ *графического переноса*, или трансплантация (по Ключову), т.е. пунктуальное, факсимильное воспроизведение графической формы имени при переводе [3, с. 40]. Так как в последнее время возросла тенденция к точности документации, сохранение исходной графической оболочки заимствуемого имени приобрела особую значимость. Например, в средствах массовой информации наблюдается тенденция оставлять английские имена и названия в их оригинальном варианте. Очевидно, это связано с тем, что в настоящее время очень многие знают английский язык. Тем самым необходимость перевода практически отпадает. Однако такая тенденция находит другое объяснение. Подобным приемом переводчики снимают с себя ответственность за орфографию иностранных имен. С. Хервей и И. Хиггинс (S. Hervey, I. Higgins) рассматривают данный способ как автоматическую передачу имени ИЯ в неизменной форме в ПЯ [4, р. 29]. Исследователи называют этот способ экзотизмом (exotism).

Белорусский лингвист Г.Н. Ключов отмечает, что для близкородственных языков достаточно надежным показателем надежности трансплантации являются отдельные буквенные различия и диакритические знаки при однотипных буквах [3, с. 41]. Например, белорус. *Цімох, Арыём, Лук'ян, Дадзіёмаў* в русском контексте будут восприняты как трансплантаты по буквенным различиям (*i, ё, ў*) и по апострофу.

Непосредственное включение иностранного имени в переводном тексте (ПТ) широко применяется во многих языках, когда ИЯ и ПЯ пользуются одинаковой графикой. Все спорные вопросы передачи при графическом переносе автоматически отпадают. Однако остаются проблемы склонения имени, например, в белорусском и русском языках – склонение грузинских фамилий (*Кикнадзе, Яшвили*). Точное произношение слова при его включении в контекст другого языка невозможно ни при каком способе передачи. Удобнее всего сочетать данный прием с транскрипцией, приводя в скобках исходную форму при первом употреблении имени. Но в тексте, предназначенном для чтения, имена на чужой графике недопустимы.

По мнению А.А. Реформатского, одним из широко используемых способов передачи онимов является *заимствование*. Для передачи (Transference, Adaptation) антропонимов **з а и м с т в о в а н и е** выступает в качестве

способа номинации, при котором именование инокультурной лексической единицы происходит путем использования с соответствующими изменениями средств того языка, к культуре которого принадлежит данная единица. В таком случае мы ищем ответ на вопрос: каким образом именуется в первичном тексте то, что специфично для иной культуры? Реформатский рассматривает заимствование как разновидность перевода и полагает, что способы реализации заимствования соответственно являются способами перевода [5, с. 312].

Таким образом, для реализации заимствования существует два пути: *транслитерация* и *транскрипция* (англ. *Caroline* – рус. *Каролина*, *Каролайн*). В переводоведении *транслитерация* определяется как способ передачи лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв ПЯ, а *транскрипция* – как способ передачи лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв ПЯ [6, с. 250].

В разных языках по-разному относятся к фонемно-графической передаче: имя передают либо максимально близко к его подлинному звучанию, либо вводят фонетические ограничения, например, буквы и буквосочетания заменяются другими, традиционными: нем. *ei* (*Einstein*) – в русском и белорусском языках *эй* вместо *ай* (*Эйнштейн*), белорус. *г* – англ. *h* или *g* (фамилия белорусского футболиста *Глеб* – англ. *Hleb* или *Gleb*) и т.д. Как правило, из латиницы в латиницу имена передаются без графических изменений, т.е. транскрипции как таковой не существует. При разных алфавитах транскрипция осуществляется с учетом фонетических особенностей имени на основе произносительных норм ИЯ и ПЯ. В англоязычных текстах о транскрипции говорят с большей долей условности в связи с особенностью звукобуквенных соответствий, характерных для английского языка.

Отдельное использование транскрипции или транслитерации крайне редко. Обычно переводчики используют транскрипцию–транслитерацию или заимствование, при котором передается частично графическая, а частично звуковая форма имени. Транскрипция–транслитерация сохраняет национальный колорит названия при номинации и тем самым помогает соотнести его с иной страной и культурой.

К недостаткам данного способа передачи можно отнести тот факт, что при фонемно-графической передаче могут возникнуть определенные колебания в написании, произношении и акцентуации слова, причины которых необходимо искать в особенностях систем обоих контактирующих языков. Освоение иноязычных заимствований – это их подчинение грамматическому и фонетическому строю ПЯ.

Транспозиция (*transposition*) – принцип этимологического соответствия. Антропонимы в разных языках могут различаться по форме, но иметь общее лингвистическое происхождение, использоваться для передачи друг друга. В христианских странах одно и то же имя может появляться в различных

вариантах, но его нельзя перевести адекватно. Т р а н с п о з и ц и я , или субституция (по Ключову), наблюдается в тех случаях, когда в разных языках существуют различные национальные варианты каких-либо этимологически общих имен. Тогда условно можно говорить о том, что *John* – это французский *Jean*, немецкий *Hans*, испанский *Juan*, итальянский *Giovanni*, польский *Jan*, ирландский *Sean*, уэльский *Iain*, белорусский *Іван*.

Транспозиция четко наблюдается на примере трех близкородственных славянских языков, пользующихся кириллицей [7, с. 24]. В отличие, например, от западноевропейских языков, где практикуется транслитерация, одно и то же имя или название имеет разное произношение и написание в русском, украинском и белорусском языках. Например, англ. *Alexander* – укр. *Olexandr* – белорус. *Аляксандр*. Не все имена имеют свои соответствия в разных языках, применение данного способа грозит стиранию национального колорита, частичному, а иногда и полному изменению имени ИЯ. По мнению Г.Н. Ключова, если субституция «не освящена традицией, она всегда сопровождается определенной деформацией смысла, приращением или потерей существенных коннотатирующих признаков имени» [3, с. 44]. Например, неправильно *Альжбету* из «Паўлінкі» Я. Купалы называть *Елизаветой*, потому что при этом теряется «шляхетный» паспорт имени.

Питер Ньюмарк (Peter Newmark) утверждает, что имена людей не нужно переводить, если они не несут никакого значения в тексте [8, р. 214]. Исключением являются имена святых, монархов, римских пап, которые имеют свои традиционные эквиваленты (английский король *James* – белорус. *Якаў*, римский папа *John II* – белорус. *Ян II* или *Іаан II*). П. Ньюмарк также считает, что в коммуникативном переводе, там, где имена имеют какой-либо смысл, следует прибегнуть к собственно переводу [8, р. 151].

Антропонимы выступают в качестве проводников авторского замысла, могут выражать национальный и социально-исторический колорит. Имена собственные в произведении способны влиять друг на друга, могут создавать дополнительные ассоциативные значения друг у друга. Итак, к «говорящим», «аллюзивным», «крылатым», «смысловым», «характеристическим» именам – именам с более или менее уловимой внутренней формой – чаще всего относят клички, прозвища, указывающие на какую-либо характерную черту наружности, деятельности и т.д. Только контекст позволяет выявить их смысл, внутреннее содержание. Перевод значимых имен допустим лишь когда необходимо показать внутреннюю форму, когда имя собственное приобретает черты имени нарицательного, что часто происходит в текстах художественной литературы, где практически каждое имя символизирует определенное явление, состояние, служит образным названием человека, в котором гиперболизируется наиболее существенная, с точки зрения носителей языка, черта. Функция характеристики скрыта функцией именования. Если назывная функция такого имени преобладает над коммуникативной (план выражения стоит выше плана содержания), то имена не подлежат переводу. Собственно перевод зависит от контекста, который может

«высветлить» их содержание. Когда нужно воспринять данное имя как назывное, так и семантическое, применяются различные смешанные способы и переводческие операции.

Замена исходного имени эквивалентом в ПЯ может встречаться даже в тех случаях, когда имена ИТ и ПТ не связаны друг с другом ни по форме, ни по содержанию. По мнению А.П. Вермес (A.P. Vermes), такова, в частности, передача многих названий известных городов (*Париж* вместо *Пари*, *Стамбул* вместо *Истамбул*), стран (*Финляндия* вместо *Суоми*, *Япония* вместо *Нихон*; нем. *Deutschland* – англ. *Germany*, исп. – *Alemania*, белорус. – *Нямеччына*, *Германія*), личных имен (нем. *Heinrich* – англ. *Henry* – белорус. *Генрых*). Замена, таким образом, может включать и воспроизведение графической оболочки имени, транслитерацию [1, р. 93]. Объединение двух способов обосновано, с одной стороны, наличием общепринятого варианта тех или иных графических элементов имени, а с другой стороны, тем, что их использование мотивировано сложившейся необходимостью в процессе перевода (исп. *Ernesto* и *Eduardo* (аллитерация) – англ. *Harvey* и *Harold*).

В случаях, когда национальность и коннотация являются важными аспектами, самым подходящим способом перевода, по мнению П. Ньюмарка, будет сначала перевести значимую часть имени, а затем подобрать новый формант, соответствующий ПЯ [8, р. 215]. Таким образом, данный способ состоит из трех этапов: 1) передачи графической или звуковой формы имени; 2) адаптации к морфологической системе ПЯ, по Т. Хермансу; 3) адаптации на уровне орфографии или фонологии [9, р. 13]. Например, исп. *Sr. Olivares* – англ. *Mr. Ollivander*.

Способ перевода, когда имя оригинала заново создается в ПТ таким образом, что может производить впечатление на читателя ПЯ, называется *модификацией (naturalization)*.

А.П. Вермес под модификацией подразумевает выбор для единицы ИЯ такого имени в ПЯ, которое, как правило, полностью не связано или частично связано с именем в ИТ (рус. *Винни Пух* – англ. *Winnie-the-Pooh*; англ. *Cinderella* – фр. *Cendrillon* – исп. *Cenicienta* – нем. *Achenputtel* – белорус. *Папялушка*).

С. Хервей и И. Хиггинс (S. Hervey, I. Higgins) называют этот способ *культурной трансплантацией (cultural transplantation)*, когда имя ИТ заменяется на равнозначное имя ПТ, т.е. собственное ПЯ и имеющее одинаковую культурную коннотацию с именем в ИЯ [4, р. 29]; Р. Ньюмарк – *натурализацией (naturalization)*; Л. Фернандес – *преобразованием (recreation)*.

Т. Херманс полагает, что возможны и другие способы перевода, а именно различные комбинации вышеописанных приемов [9, р. 14]. Также допускается *опущение* имени оригинала в ПТ. У Клава Льюиса в «Хрониках Нарнии» для указания на пол животного добавляется местоимение *he*: *Well? Said the He-Beaver at last. What, in the name of Aslan, are these?* Встречается перевод *гиперонимом*, или замена имени собственного в ИТ на имя нарицательное в ПТ: *Now, Mr. Siddey, you just tend to your own business* (M. Twain) – *Вот что, сударь, не лезьте не в свои дела* (пер. Н. Дарузес) [7, с. 48].

Переводчики используют *добавление* имени собственного в ПТ, в то время как в ИТ его нет: *She was wearing big round glasses, like Jackie.* – *На ней были большие круглые очки, как у Жаклин Кеннеди.* Если перевести здесь данное имя как *Джеки*, то читатель, во-первых, вероятно, не узнает, о ком идет речь; во-вторых, может не понять, что носитель имени – женщина. Поэтому – необходимо, назвать ее тем именем, под которым она известна читателю, дополнив имя фамилией. *Фонетическое замещение (phonetic replacement)* в переводах – звукоподражание, имитация фонетическими средствами ПЯ тех или иных звуков, элементов имени ИЯ. Например, фр. *Dupont et Dupond* – англ. *Thompson and Thomson*.

Вопрос о переводе имени собственного и сегодня остается спорным. Можно лишь утверждать, что антропонимы являются переводимыми единицами. Антропонимы в ПТ передаются различными способами: с помощью графического переноса, транскрипции и транслитерации; функциональную адекватность значащих имен обеспечивает использование для перевода нарицательной основы лексико-семантических трансформаций (замена, модификация); их национальные ассоциации воссоздаются с помощью графических, фонетических, морфологических средств, или формантов. Случаи перевода имен с одного языка на другой выходят за рамки данной классификации, так как перевод ориентируется на семантическое содержание имени, а передача – только на его форму. Указанная классификация охватывает самые типичные способы передачи иноязычных антропонимов. В переводческой практике встречаются случаи промежуточные и смешанные. Мы считаем, что в процессе передачи антропонимов при переводе нельзя пренебрегать ни малейшей возможностью сохранить их максимально близко к оригинальному звучанию в любом языке в интересах сохранения их национального колорита.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Vermes, A.P.* Proper Names in Translation: an Explanatory Attempt / A.P. Vermes // *Across Languages and Cultures.* – 2003. – № 4 (1). – P. 89-108.
2. *Суперанская, А.В.* Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1973. – 366 с.
3. *Клюсов, Г.Н.* Белорусско-русские параллели в передаче личных имен / Г.Н. Клюсов // *Русский язык : сб.* – Минск, 1982. – Вып. 2. – С. 38–57.
4. *Hervey, S.* Thinking Translation / S. Hervey, I. Higgins. – London ; N.Y. : Routledge, 1992. – 258 p.
5. *Реформатский, А.А.* Перевод или транскрипция? / А.А. Реформатский // *Восточно-славянская ономастика : сб. науч. тр.* – М. : Наука, 1972. – С. 317–333.
6. *Комиссаров, В.Н.* Теория перевода / В.Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
7. *Ермолович, Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 199 с.

8. *Newmark, P.* A textbook of Translation / P. Newmark. – London : Prentice Hall, 1988. – 304 p.

9. *Hermans, Th.* On Translating Proper Names, with reference to De Witte and Max Havelaar / Th. Hermans // Michael WINTLE ; ed. Modern Dutch Studies. – London : The Athlone Press, 1988. – P. 11-24.

The paper discusses the possibilities of the translation of proper names, highlights, contrary to popular views, the importance of names in translating any text type and proves that translation of proper names is a non-trivial question, closely related to the problem of the meaning of the proper name. It offers a classification of translation procedures that were identified in the researches of foreign linguists.

Поступила в редакцию 06.07.2011

С.Н. Панкратова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Несмотря на давние традиции изысканий в области французской фразеологии, она не теряет своей актуальности и в наши дни. В последние десятилетия постоянно поддерживается интерес к языковым фактам, которые с наибольшей очевидностью отражают особенности культуры и национального менталитета. К таким языковым фактам относятся и фразеологические единицы с компонентом цветообозначения.

Национально-культурная маркированность языкового феномена проявляется наиболее очевидным образом в процессе межкультурного общения: познание мира зависит от языка, который использует субъект познания. У самых различных культур, «разнесенных» во времени и пространстве, обнаруживаются принципиально схожие символические значения цвета. Исторический экскурс в происхождение наименований цветов во французском, английском и русском языках позволяет лучше понять эволюцию цветовой гаммы и особенности символических значений цветоименований в каждом языке.

Проблема связи языка с мышлением является многоаспектной и исследуется в рамках разных наук, прежде всего в психологии, лингвистике и философии. Одной из основных задач современной лингвистической семантики стало исследование концептуализации мира языком, его лексикой и грамматикой, т.е. исследование того, как язык членит мир и как он его представляет.

Поскольку различные языки по-разному концептуализируют мир, принципиально важной считается задача сравнения картин мира, стоящих за разными языками. Национально-культурная маркированность языкового феномена проявляется наиболее очевидным образом в процессе межкультурного общения, ставшего чрезвычайно популярным в настоящее время.

Познание мира зависит от языка, который использует субъект познания: сходные языки задают сходные картины мира, а сильно различающиеся – непохожие. Ярким примером тождества «знак языка – знак культуры» являются единицы фразеологического фонда. По мнению М.А. Суровцовой, «поскольку лексика и фразеология больше, чем какая-либо другая область языка, связаны с внеязыковой реальностью, а на формирование национальных признаков может непосредственно влиять своеобразный способ восприятия и моделирования “картины мира” носителями разных языков, то становится ясно, что именно лексические и фразеологические единицы ярче и чаще других лингвистических единиц передают эти признаки» [1, с. 137].

Фразеологические единицы, целью которых является синхронная передача, как смыслового содержания, так и эмоциональной диспозиции говорящего, приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, оценивают ее. Важной целью употребления фразеологизмов является и выявление психологии национального характера, его страноведческого, исторического и культурного наследия. На протяжении веков фразеологические единицы могут менять характер употребления, что свидетельствует об их диалектической динамике и востребованности.

Слова-цветообозначения, выражающие жизненно необходимые понятия, являются стержневым компонентом многих фразеологических выражений и отличаются широким употреблением, многозначностью и значительным сочетаемостным потенциалом. В силу своей семантической природы они приносят во фразеологические единицы эмоционально-экспрессивное качество и образность. Цвет выступает для человека как одно из элементарных и одновременно значимых зрительных ощущений, а система цветообозначений является одной из древнейших терминологических систем.

Имена прилагательные цветообозначения характеризуются древним происхождением, семантическим богатством и способностью к созданию новых экспрессивно-образных значений. Развиваясь во времени и пространстве, цветообозначения сохраняют некое стабильное ядро, состоящее из старых однокоренных слов, зафиксированных в древних памятниках письменности.

Важнейшей областью лексического фона является образный символизм, придающий речи особую национальную окраску, так как само познание мира нередко осуществляется через образ, а выражение абстрактного – через конкретный объект.

Образная символика конкретного языка имеет определенную завершенность и структурированность, а ее специфика определяется национально-культурным контекстом, в котором образуется и функционирует данный язык. Этот контекст, в свою очередь, формируется в конкретных социальных условиях, в функциональности восприятия окружающего мира.

Обозначения цвета вызывают у представителей разных культур свои определенные, достаточно стабильные ассоциации, порожденные внеязыковой действительностью, национальным мышлением, ассоциативными лакунами. Цветовая символика является чрезвычайно распространенным явлением в культурах мира: она используется в геральдике, богослужении,

изобразительном искусстве. Большую роль символика цвета играет в политической жизни, так как на протяжении истории человечества цвета довольно часто выступали в качестве указателей межгрупповых и межнациональных отношений [2]. Роль цвета в символизме того или иного народа меняется в зависимости от историко-культурного контекста. Цвет для древних культур выражал мировые силы и начала «высшего» уровня, он как бы и был самой высшей силой, которая тем самым (визуально) являла себя людям. Только посвященные знали сакральную тайну цвета. При этом считалось, что носитель священного цвета получал от него определенную силу, значимость, а зачастую и сам становился земным воплощением силы.

В цветовой символике многое базируется на принципе соответствия, который заключается в том, что некоторому объекту должен жестко соответствовать другой объект (например, *красное – горячее*).

Цвета соответствуют стихиям, сторонам света, добродетелям и порокам, нотам, буквам и т.д. У самых различных культур обнаруживаются принципиально схожие символические значения цветов. Особенно это касается знаменитой «цветовой триады» – красного, белого и черного. «Три основных цвета – не просто различия в зрительном восприятии различных частей спектра, а сокращенное или концентрированное обозначение больших областей его психобиологического опыта, затрагивающее как разум, так и все органы чувств... Поэтому символический смысл цветовой триады является принципиально схожим в самых различных культурах» [3, с. 71].

Давно замечено, что у каждого народа с древнейших времен цвет является одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке. Со временем цвета стали употребляться для характеристики пространства и времени, стали обозначением определенных социальных групп, они потеряли познавательное значение и приобрели эстетическое и духовное, и именно цвет стал выражать внутренний мир человека. Но не стоит игнорировать тот факт, что цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, от одного языкового сообщества к другому: «Каждый народ, накапливая свой жизненный и исторический опыт, привыкает смотреть на мир под собственным углом зрения, поэтому и рассматриваемые нами цвета также отражены в культуре и языке тех или иных народов по-разному» [4, с. 46].

В языке цвет обычно находил свое особое выражение. У представителей разных культур обозначение цвета вызывали свои определенные, достаточно стабильные ассоциации, порожденные внеязыковой действительностью и национальным мышлением. Каждый народ по-своему сегментирует фрагменты мира, по-своему их называет, используя средства языка. Таким образом формируется специфическая концептуальная картина мира, запечатленная в лексике, грамматике, фразеологии [3, с. 73].

Красный цвет с первобытных времен связывался с *огнем* и *пламенем* – жарким, опасным, провоцирующим. Еще одной из древних ассоциаций с *красным цветом* является *кровь* – изначальная, дающая жизнь субстанция,

наполненная жизненной энергией, деятельностью и силой. В английском языке распространенной ассоциацией с красным является *ярость*: *see red* ‘прийти в ярость, рассвирепеть’; *to see the red mist* ‘потерять самообладание, прийти в ярость’. Безумная *ярость* или *гнев* – такие ассоциации с красным возникают и у многих французов: *se fâcher tout rouge* ‘рассвирепеть, рассердиться, дойти до белого каления’; *avoir la crête rouge* ‘быть вспыльчивым’; *marquer qn à l’encre rouge* ‘затаить злобу на кого-либо’.

Красный во французском и английском языках – это и цвет свежести, здоровья: *red as a cherry* ‘румяный, с румянцем во всю щеку’. В русском языке красный цвет имеет специфическую исконную коннотацию ‘красота’, ‘гостеприимство’: *красна девица, красное солнышко*. Праздничные дни выделяются в календаре красным цветом и называются в славянских странах *красными днями* (в прошлом они связывались со светлыми мучениками). А существование таких фразеологизмов, как *красный угол, красное крыльцо* свидетельствует о существовании в русском языке устойчивой ассоциации красного цвета с чем-либо праздничным, почетным.

Нечто подобное можно заметить в английском и французском языках, однако здесь эта ассоциация получает несколько другой оттенок значения – ‘торжественный, изысканный’. Принимая высокопоставленных гостей, им под ноги стелют красную ковровую дорожку. Отсюда и американизм *red carpet* ‘элегантный, изящный, парадный’. Эта изысканность прослеживается и в ассоциациях французов: *être talon rouge* ‘быть изысканным в одежде, в манерах’; *faire le talon rouge* ‘подчеркнуто изысканно одеваться’.

Белый цвет – абсолютный цвет света и поэтому – чистоты, истины и безупречности [4, с. 46]. Во французском языке эта ассоциация прослеживается в выражениях: *être blanc comme un cygne* ‘быть безупречным, незапятнанным’; *linge blanc* ‘чистое белье’. Так же и в английском: *a white man* ‘порядочный, честный человек’. В сознании говорящих на русском языке значение невинности и безупречности связаны не менее тесно: оба они могут выражаться словом *чистый*. Близка к этой ассоциации и существующая в русском языке символика белого – *ясный, светлый*, а также исключительность: *белая ворона, белая кость*. Во французском языке встречаются: *éléphant blanc* ‘заморское чудо, невидаль’; *rare comme un merle blanc* ‘очень редкий, диковинный’. В английском *white elephant* ‘нечто чрезвычайно дорогостоящее, но не приносящее практической пользы’; *a white crow* ‘белая ворона, редкое явление’.

Специфическое для французского языка значение прилагательного *белый* – ‘лишенный существенной черты’. Оно представлено в выражениях: *voix blanche* ‘бесцветный голос’; *mariage blanc* ‘фиктивный брак’; *nuit blanche* ‘бессонная ночь’. Весьма редко можно найти нечто подобное в английском языке, например, *white war* ‘война без кровопролития’. Можно предположить, что подобные проявления – это всего лишь калька с французского, так как такое значение в целом не свойственно для английского языка. Близкое, но все же более узкое значение встречается и в русском языке: не заполненный текстом, рисунками, не исписанный – *белый стих*. Однако б е л ы й ц в е т может воплощать и неопытность, неведение: *oie blanche* ‘простушка’.

В отличие от русского языка, во французском и английском этот цвет имеет и некоторые негативные значения – страх, холодность, трусость, пустота: *foie blanc* ‘трус’; *soldat de fer blanc* ‘трусливый человек’; *show the white feather* ‘струсить, смалодушничать’. Негативными ассоциациями являются также и бледность, незагорелость. Во французском языке: *blanc comme un cachet d’aspirine* ‘очень белый’; *blanc comme un plâtre* ‘белый как мел’. В английском: *to turn white* – ‘побледнеть, побелеть’. Белый цвет зачастую ассоциативно связывается в сознании людей со снегом. Так, в английском языке: *white Christmas* ‘снежное белое Рождество’, а в русском *белые мухи* означают ‘снежинки’. Во французском языке отсутствует связь прилагательного *белый* со снегом, хотя выражение, используемое для обозначения падающего снега, напоминает аналогичное выражение в русском языке: *des touches d’hiver*.

В различные времена и в разных странах *черный цвет* считали цветом печали и траура, колдовским и загадочным. Самая первая ассоциация, возникающая со словом *черный* во всех исследуемых языках – это смерть, что-то неприятное, пугающее, мрачное. Так, во французском языке *l’onde noire* ‘перейти в царство теней, умереть’; *le noir trajet* ‘кончина’. Английский язык содержит и такое шутивное выражение: *the old gentleman in black* ‘старый джентльмен в черном, дьявол, сатана’. Прилагательное *черный* часто воспринимается различными языковыми сообществами как неудача, провал: *черный день*, *черная полоса в жизни*, *черные страницы истории*. В английском языке во время трагических событий говорят: *it’s a black week* ‘черная неделя’ или *things look black* ‘дело плохо’. Во французском: *four noir* ‘полный провал, полная неудача’. Еще ч е р н ы й ц в е т обозначает ‘плохой, злой’. В русском языке этот цвет реализуется в таких устойчивых словосочетаниях, как *черные замыслы*, *черное дело*. Во многих языках черный цвет символизирует жестокость. Во французском языке детективные романы названы черными: *série noire*. А также существуют такие выражения, как *humour noir* ‘юмор висельника, черный юмор’.

Черный цвет – это и сила строгого самоограничения. На протяжении веков черная одежда символизировала отказ от чувственной жизни: монахи, священники, безутешные вдовы – все они преимущественно одевались в черное. *Черное духовенство*, *держат в черном теле* – это распространенные фразеологизмы в русском языке. В английском языке закрепились выражения *black coat*, что означает ‘черная сутана’, или ‘священник’; *black-robed* – ‘одетый в траур’. Во французском встречаются: *être en noir* ‘быть в трауре’. Во Франции в XIV веке черный цвет использовали не только в одежде: во время траура черным занавешивали стены и застилали постели.

Наряду с этой ассоциацией существует, однако, и противоположное: черный цвет – цвет элегантности. Эта символика стала особо актуальной в последние десятилетия: это цвет шика, элегантности и хорошего вкуса. Так, для английского языка характерно выражение *black tie*, что в дословном переводе означает ‘черный галстук’ или ‘строгий вечерний костюм’. Французский эквивалент *habit noir* означает ‘фрак’. Такие русские выражения, как *черный рынок*, *черный нал*, *черная бухгалтерия* и другие демонстри-

руют еще одно значение слова *черный* – ‘незаконный’. *Черный рынок* известен и английскому языку: *black market*; во французском языке встречаются подобные выражения *travail noir, caisse noire*. Русский язык закрепил в себе не свойственную остальным исследуемым языкам ассоциацию слова *черный* – ‘неквалифицированный, подсобный, не требующий высокого мастерства, физически тяжелый, грязный’: *черный ход, черная лестница, выполнять черную работу*.

Итак, цвет – бесспорная универсалия, он может проявлять как субъективное отношение индивида к окружающей действительности в определенных ассоциативных значениях, так и типовое отражение наивной картины мира во фразеологических единицах, ассоциирующихся с уже закрепленными в языковом сознании значениями.

Под влиянием сложившихся в обществе языковых и культурных традиций в словаре цветов соответствующего языка формируются коннотации символического характера. Семантическое поле цветов, их ассоциативный фон структурированы по-разному в различных языках, что обусловлено связью семантического развития слов с историей, культурой, бытом и религиозными воззрениями народа. В семантике каждого языка есть отражение как общего, универсального компонента культур, так и своеобразия культуры конкретного народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суровцева, М.А.* Выражение цветовых значений в общеславянском языке / М.А. Суровцова // *Этимологические исследования по рус. языку* : сб. науч. ст. ; под ред. Н.М. Шанского. – М. : МГУ, 1976. – С. 136–155.
2. *Кульпина, В.Г.* Лингвистика цвета / В.Г. Кульпина. – М. : Моск. лицей, 2001. – 470 с.
3. *Хомич, В.В.* Проблема восприятия цветообозначений разными культурами / В.В. Хомич // *Национально-культурный компонент в тексте и языке* : материалы III Междунар. науч. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7–9 окт. 2005. – Минск : МГЛУ, 2005. – С. 71–73.
4. *Колтавская, А.А.* Цветообозначения сквозь призму культурологии / А.А. Колтавская // *Единство системного и функционального анализа языковых единиц* : сб. науч. ст. ; под ред. В.М. Руденкова. – Минск : БГУ, 1999. – С. 44–49.

National and cultural peculiarities of phraseological units containing adjectives of colour become very explicit in the process of intercultural intercourse.

Historical insights into the origins of colour denomination in French, English and Russian languages help us elucidate the evolution and peculiarities of symbolic meaning of color denomination in each language.

Поступила в редакцию 29.06.11

ФАТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Статья посвящена проблеме определения сущности фатической коммуникации. В частности, анализируются существующие сегодня определения фатики, уточняются термины *фатическая функция* и *фатика*, разграничиваются понятия *метакоммуникативная*, *контактоустанавливающая* и *фатическая* функции. Фатика понимается как многофункциональное явление, выступающее членом оппозиции *фатика – информатика*. В качестве критериев разграничения этих видов общения предлагаются первичная интенция, провоцирующая речевое взаимодействие, и коммуникативная ситуация.

В статье рассматриваются основные подходы к исследованию фатики, существующие сегодня в лингвистике, а также обозначаются дальнейшие перспективы лингвистического анализа, а именно: сопоставительное изучение фатики в различных языках с целью выявления этнокультурной специфики языкового менталитета представителей исследуемых лингвокультур.

Изучение языка как формы социального поведения и средства организации человеческого общения всегда было центром лингвистического анализа. За последние годы в лингвистике заметно вырос интерес к проблеме фатического речевого взаимодействия в глобальном контексте человеческой деятельности. Различные аспекты *фатики* стали предметом многих лингвистических исследований, однако вопрос о сущности *фатической коммуникации* остается дискуссионным. Поэтому целью настоящей статьи является определение онтологического статуса *ф а т и к и* по отношению к схожим речевым явлениям.

Общепризнанным основоположником теории *ф а т и ч е с к о й* *к о м м у н и к а ц и и* считается польский ученый Б. Малиновский, хотя идея о выделении “повседневной или условной болтовни” как одного из видов общения высказывалась еще В. фон Гумбольдтом [1, с. 224]. Б. Малиновскому лингвистическая наука обязана термином *phatic communion*, который он поясняет следующим образом: “phatic communion serves to establish bonds of personal union between people brought together by the mere need of companionship and does not serve any purpose of communicating ideas” [2, p. 316]. Речь идет о явлении, цель которого заключается в создании уз общности между людьми, нуждающимися в дружеском общении, а не в обмене идеями фактуального характера. Здесь возникает первое противоречие. В лингвистических работах, посвященных проблеме фатической коммуникации термин *phatic communion* трактуется как фатическое общение, хотя понятия *communion* и *communication* не являются тождественными. Так, в словаре современного английского языка издательства Longman *communion* определяется так: “a special relationship with someone or something which makes you feel that you understand them very well” [3, p. 333]. Иными словами, при определении понятия *communion* подчеркиваются особенные отношения с кем-либо, которые обязательно предполагают взаимопонимание, т.е. особое

эмоционально-интеллектуальное состояние, обеспечивающее эффективную коммуникацию. Термин communication имеет следующую дефиницию: “the process by which people exchange information or express their thoughts and feelings” [3, с. 333], т.е. общение предусматривает любой обмен информацией, мыслями и чувствами. Таким образом, термин *phatic communion*, на наш взгляд, целесообразней переводить как фатическое единение, предполагающее условие эмоционального состояния людей в процессе контактно-ритуального общения, конечным результатом которого является достижение психологического комфорта. Отсюда также следует, что *phatic communion* само является целью фатической коммуникации. В процессе такого общения важен сам факт речи как реализация психологической потребности человека в контакте с себе подобными, а не содержание сказанного. Несмотря на то, что фатическое единение является скорее социально-психологической категорией, нежели лингвистической, Б. Малиновскому удалось привлечь внимание к проблеме фатического речевого взаимодействия и тем самым положить начало активному лингвистическому осмыслению данного явления. Впоследствии Р. Якобсон выделил фатическую функцию языка как одну из шести его фундаментальных функций в соответствии с описанной им шестикомпонентной моделью акта речевого общения. Он обозначил, что фатическая функция языка реализуется в общении, целью которого является установление и поддержание контакта [4, с. 202], в связи с чем данная функция часто называется контактной. Очевидно, что в трактовках Б. Малиновского и Р. Якобсона фатическая функция выступает как явление, имеющее различную природу. Так, Б. Малиновский, говоря о психологическом контакте, видит в фатической коммуникации лишь имманентную потребность человека в общении (“to a natural man another man’s silence is not a reassuring factor, but on the contrary, something alarming and dangerous”) [2, p. 314]. Р. Якобсон же характеризует фатическую функцию прежде всего через физический канал связи, относя к фатическим высказывания, направленные на установление и поддержание контакта, например: “Алло, Вы меня слышите?” [4, с. 202]. В этой связи представляется справедливым замечание Д.Х. Хаймса о том, что психологическая связь между участниками не зависит от природы и состояния канала связи: “Канал связи может быть свободным, но связи может и не быть” [5, с. 74]. Иными словами, даже при исправности физического канала связи и отсутствии внешних помех, препятствующих взаимопониманию, психологический контакт между коммуникантами может отсутствовать. Терминологическая путаница, существовавшая на ранних этапах исследования фатики, вероятно, предопределила дальнейшую неясность и противоречивость данных в теории фатической коммуникации. Попытка преодолеть это противоречие была предпринята Т.Г. Винокур, которая в своих работах интегрировала фатическое единение Б. Малиновского и фатическую функцию Р. Якобсона в многофункциональное понятие фатики, включающее в себя формальную организацию интеракции (вступление в контакт, его поддержка и проверка)

и виды коммуникации – бытовой диалог, бытовое повествование и речевой этикет. В понимании Т.Г. Винокур, фатика выступает как речевая деятельность особого рода, совершающаяся в рамках установленных правил поведения; как специфического рода занятие, но занятие не профессиональное, провоцируемое когнитивными интенциями, а занятие социальное, провоцируемое этикетно-коммуникативными интенциями и осуществляющееся в жанрово-ограниченных ситуациях [6, с. 136]. Иначе говоря, Т.Г. Винокур подчеркивает социальную природу фатического общения, выделяя первоначальную интенцию, провоцирующую речевое взаимодействие, в качестве критерия для выделения фатики как вида коммуникации. Однако, по нашему мнению, нецелесообразно сводить фатику к общению, реализующемуся в жанрово-ограниченных ситуациях, так как вопрос о таксономии речевых жанров, в частности, фатических, до сих пор не решен.

Наряду с дефиницией, предложенной Т.Г. Винокур, существует еще ряд нередко неоднозначных определений фатики, что свидетельствует об отсутствии единого толкования этого вида общения. Так, Е.С. Вострикова, вслед за Р. Браун и С. Левинсоном, определяет фатическую коммуникацию как особую стратегию вежливости, направленную на минимизацию ущерба, наносимого лицу собеседника, благодаря тому, что подчеркивается общность интересов адресата и адресанта [7, с. 4]. В учебнике З.Д. Поповой и И.А. Стернина фатическое общение понимается как общение-времяпрепровождение, цель которого установить или поддержать контакт с собеседником [8, с. 54]. В новейшем психологическом словаре фатика трактуется как бессодержательное общение, использующее коммуникативные средства исключительно с целью поддержания самого процесса общения [9, с. 329]. Несправедливо считать фатическое общение бессодержательным, так как в процессе фатического речевого взаимодействия происходит обмен информацией, однако информацией не фактуального, а индексического типа. Так, коммуниканты получают сведения о настроении собеседника, его личных характеристиках и образовании, его расположенности к общению и так далее, что является необходимым условием для дальнейшей эффективной интеракции.

Как видно из приведенных выше определений, область фатики оказывается слабо структурированной, а отношение к данному явлению является неоднозначным. Фатическое общение либо сводится к бессодержательной коммуникации, либо к установлению и поддержанию контакта, либо к одной из стратегий вежливости, в частности, к этикетным высказываниям, реализующимся в рамках определенных речевых жанров. На наш взгляд, наиболее исчерпывающим определением фатической коммуникации является дефиниция, предложенная Л.А. Азнабаевой, а именно: фатическое общение выступает как речевое взаимодействие, в котором, с точки зрения коммуникантов, преобладает индексическая информация, а когнитивный тип информации ослаблен [10, с. 3]. Такое взаимодействие подразумевает переход от фатического общения к информативному, и наоборот, в пределах одной

коммуникативной ситуации без соотнесенности с определенными речевыми жанрами, т.е. фатика и информатика представляют собой особую лингвистическую дихотомию. Мы также поддерживаем точку зрения Т.Г. Винокур, согласно которой в качестве основополагающего критерия разграничения фатики и информатики может выступать первичная интенция, служащая импульсом к общению. При фатической коммуникации такой интенцией является желание вступить в социально-психологический контакт с адресатом как следствие конститутивной потребности человека в общении с себе подобными, при информативном – вступить в контакт с собеседником с целью передать какие-либо сведения предметно-фактуального характера. Дополнительным критерием разграничения фатики и информатики, по нашему мнению, является учет коммуникативной ситуации, так как одни и те же высказывания могут выступать как фатические или информативные, в зависимости от речевой ситуации. Приведем пример. Вопрос “*Куда Вы едете?*”, заданный *попутчику* в купе поезда выступает как фатический. Тот же вопрос, задаваемый *работником таможи*, уже является информативным. В первом случае коммуникативным намерением говорящего является общение с попутчиком с целью скоротать время или прервать молчание, которое в подобной ситуации воспринимается как неловкое. Семантика сказанного в такой ситуации отходит на второй план: важен сам факт речи, так называемый “контакт ради контакта”. Данный вопрос выступает иницирующей разговор репликой-стимулом, предполагающей дальнейшее развитие диалога. Во втором случае адресант задает тот же вопрос с целью получения конкретной фактуальной информации, например, для заполнения таможенной декларации. Здесь первостепенную роль играет семантика сообщения, обусловленная речевой ситуацией, и говорящий ожидает четкого ответа на поставленный вопрос. Любое отклонение от темы, так же как и слишком развернутый ответ, не будет соответствовать коммуникативным ожиданиям адресанта. Таким образом, при дифференциации видов общения необходимо учитывать как намерения говорящего и слушающего, так и коммуникативную ситуацию, т.е. на первый план выходит прагматический анализ речевой ситуации.

Отсутствие общепринятой точки зрения относительно сущности фатики провоцирует, в свою очередь, дальнейшую терминологическую неоднозначность. В современной лингвистической науке наряду с термином *фатическая* функция употребляются понятия *метакоммуникативная* и *контактоустанавливающая* функции. При этом часто происходит их смешение. Посмотрим, является ли данная точка зрения обоснованной. Проблема *метакоммуникации* анализировалась в трудах таких исследователей, как А.Н. Сеницына, Е.М. Воробьева и других. А.Н. Сеницына трактует *м е т а - к о м м у н и к а ц и ю* как процесс организации и управления динамикой интеракции посредством метакоммуникативных единиц, характеризующихся высокой степенью конвенциональности [11, с. 4]. Е.М. Воробьева рассматривает метакоммуникацию как особый тип общения, который передает

информацию не об окружающих предметах и явлениях, а о самой коммуникации, выявляя и характеризуя особенности ее развертывания [12, с. 4]. Эти определения позволяют сделать общий вывод, что мета-коммуникация является периферийной частью процесса речевой интеракции и характеризуется регулятивным назначением. Лингвисты сходятся во мнении, что функция метакоммуникации заключается прежде всего в восстановлении и поддержании согласия между коммуникантами. Идентичным функциональным назначением, несомненно, характеризуется и фатика, вследствие чего данные термины часто употребляются как синонимы. Однако в ряде лингвистических работ указывается на тот факт, что цели метакоммуникативного и фатического речевого взаимодействия различны. Так, целью фатической коммуникации является достижение психологического контакта, в то время как метакоммуникация выполняет прежде всего функцию регуляции процесса речевого взаимодействия посредством конвенциональных метакоммуникативных единиц, основное назначение которых, по замечанию А.Н. Сеницыной, – установить, продолжить или прервать коммуникацию [11, с. 4]. К числу таких единиц лингвисты относят реакции на речевые неправильности, высказывания относительно физических параметров речи (ее четкости, громкости, темпа, артикуляции), комментарии речевых навыков говорящего (его умения излагать мысли, разговорчивости, манеры говорить) и так далее. Таким образом, метакоммуникация представляется эквивалентом фатической функции (см. ее трактовку Р. Якобсоном) и, по сути, эксплицитует контактную функцию языка. Следовательно, и фатика, и фатическая функция представляют собой явления разного порядка, а именно фатическая (или метакоммуникативная) функция входит в объем понятия фатика.

Контактоустанавливающая функция является еще одним термином, употребляющимся в некоторых работах параллельно с фатической функцией, очевидно, принимая во внимание тот факт, что основной целью фатического общения является установление контакта между коммуникантами. Говоря о фатическом речевом взаимодействии, имеют в виду установление контакта в широком смысле, т.е. установлении психологического контакта и взаимопонимания между собеседниками. Контактоустанавливающая же функция реализуется на инициальной стадии коммуникативной ситуации, в основном, посредством конвенциональных этикетных клише. Дальнейшие речевые действия, направленные на пролонгацию контакта, являются, по замечанию Л.В. Гузиной, контактоподдерживающими [13, с. 9]. Таким образом, контактоустанавливающая и фатическая функции соотносятся как частное и общее.

Неоднозначность теоретических постулатов, вероятно, предопределила наличие различных подходов и направлений в изучении феномена фатики. Как в постсоветской, так и в зарубежной науке можно обозначить два основных подхода к исследованию фатического общения: *узкий* и *широкий*. При узком подходе (Дж. Лич, Н.И. Формановская и другие) фатическое общение, или, как его называют в зарубежной лингвистике, *small talk*,

понимается как развернутый обмен репликами приветствия и прощания, а анализ фатических высказываний происходит с точки зрения фазового подхода (начало, продолжение и завершение речевой коммуникации). Фатические высказывания, таким образом, являются маргинальными фазами информативного общения, или *big talk* [14, с. 102]. А это значит, что к сфере фатики при таком осмыслении относится только область речевого этикета, который и выступает объектом исследования, в то время как основная фаза коммуникативной ситуации рассматривается как информативное общение. При широком понимании фатическое общение трактуется с точки зрения доминирующего в таких высказываниях типа информации, т.е. объектом исследования выступают все три фазы коммуникативной ситуации. В зарубежной лингвистике такое общение получило название *social talk*, или *casual talk* [14, с. 102], в постсоветском языкознании типичным примером фатической коммуникации при ее трактовке в широком смысле является так называемый разговор на кухне, к которому побуждают социальные, а не обиходные причины. Таким образом, в русле данного подхода этикет является лишь частным случаем фатики. Не будем утверждать, что применение одного из этих подходов является более целесообразным, чем другого. Использование той или иной точки зрения должно определяться целью, задачами и предметом лингвистического анализа.

Говоря о функциональном аспекте проводимых сейчас научных изысканий, можно сделать вывод, что исследование фатической коммуникации в языковедении происходит в разных направлениях. Так, в российской лингвистике анализ различных аспектов фатической коммуникации ведется как на *микроуровне*, т.е. со стороны языковых средств, так и на *макроуровне*, с позиции отдельных речевых жанров. При первом подходе анализируются языковые единицы, эксплицирующие фатическую функцию языка. Например, фатическая функция обращения изучалась Л.В. Гущиной (на материале английского языка); синтаксические конструкции как средство фатического общения исследовались С.В. Былковой (на материале русского языка); фатические эмотивы анализировались О.С. Солдатовой (на материале английского и русского языков) и др. В русле второго подхода активно исследуются отдельные фатические речевые жанры и их функционирование в системном, прагматическом и семантическом аспектах. Например, *анекдот* изучался Е.Я. Шмелевой и А.Д. Шмелевым, жанр *светской беседы* – В.В. Фениной, *комплимент* – Е.В. Мудровой, *жалоба* – Н.А. Емельяновой и т.д. Рассматривая *комплимент* как первичный речевой жанр, Е.В. Мудрова анализирует его функции и типологии как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах с позиции теории *речевых жанров*, а также средств художественной выразительности. Автор приходит к выводу, что на комплименте, с точки зрения его содержания, формы и функций, очень отчетливо отражаются изменения, происходящие в обществе. В частности, она отмечает тенденцию к использованию все более лаконичных компли-

ментов без применения средств художественной выразительности, а также к проникновению в комплимент фамильярных, грубых слов и выражений вплоть до ненормативной лексики [15]. В.В. Фенина при сопоставлении речевых жанров *small talk* и светская беседа в английской и русской лингвокультурах дает их комплексную характеристику и выделяет как их общие свойства, так и концептуальные различия. Исследователь приходит к выводу, что *small talk* и светская беседа суть разные жанры, которые поддерживаются разными системами национально-культурных ценностей и концептов. Так, в англо-американском языковом сообществе *small talk* является высококонвенциональным речевым жанром и входит в общенациональную коммуникативную компетенцию. В русской речевой культуре владение светской беседой является признаком элитарности языковой личности и выходит за пределы общей коммуникативной компетенции [16]. Н.А. Емельянова характеризует жалобу как особый речевой жанр, направленный на достижение перлокутивного эффекта и выделяет ее конститутивные признаки. Рассматривая варианты речевого жанра жалоба в бытовом, медицинском, деловом и юридическом типах дискурса, она заключает, что различия между этими вариантами обусловлены характеристиками соответствующих типов дискурса, и определяет их важнейшие различительные признаки [17]. Е.Я. Шмелева и А.Д. Шмелев, исследовав общую концепцию функционирования современного русского анекдота как текста и как речевого жанра, полагают, что в современной русской системе анекдот занимает особое место и обладает уникальными характеристиками, такими, как воспроизводимость, новизна и другие [18, с. 20–21]. Таким образом, изучение отдельных речевых жанров фатички представляет собой актуальное направление современного лингвистического анализа, которое позволяет выявить структурные, прагматические и функциональные признаки определенных речевых жанров в различных лингвокультурах, тем самым обогащая теорию лингвопрагматики, психолингвистики, этнолингвистики и других речеведческих направлений.

В зарубежной лингвистике исследования проводятся преимущественно на макроуровне и характеризуются большей практической направленностью. Работы зарубежных ученых ориентированы, главным образом, на выявление особенностей фатички в зависимости от обстановки общения. Помимо изучения *социальной беседы*, которая прототипически ассоциируется с разговором на вечеринке или приеме [14, с. 103], широко анализируется фатическое общение в деловой коммуникации (Д. Таннен, Дж. Холмз, К. Чипен, М. Клайн и другие). Лингвисты единогласно сходятся во мнении, что владение навыками фатического общения является необходимым условием успеха в бизнесе. Анализ литературы по данному вопросу позволил нам заключить, что в исследовании фатички в деловой коммуникации наблюдается две основные тенденции: 1) сопоставительное изучение характеристик фатического делового общения, присущих различным языковым коллективам, и 2) анализ фатички внутри одного и того же языкового сообщества.

Ученые, работающие в русле *первой* тенденции (Д. Таннен и другие), пришли к выводу, что в разных языковых коллективах уделяется различное внимание фатическому общению при ведении переговоров. Знание специфики фатического делового общения, свойственной различным этносам, особенно актуально в настоящее время для осуществления полноценного общения и сотрудничества в условиях все более глубоких интеграционных процессов и межкультурного взаимодействия.

Вторая тенденция направлена на исследование фатического общения в пределах одного и того же языкового коллектива, например, на рабочем месте. В рамках данного направления происходит изучение взаимодействия между коллегами, а также между начальником и подчиненными.

По нашему мнению, исследование фатической коммуникации должно быть не только целью, но и средством изучения языкового менталитета различных лингвокультур. Важным достижением фатической теории является утверждение Т.Г. Винокур о том, что фатическое общение приближает нас к языковой личности говорящего [6, с. 135], так как именно в процессе фатической коммуникации актуализируются национально-культурные характеристики речевого взаимодействия, которые носитель того или иного языка усваивает в процессе социализации. Знание этнокультурной специфики бытовой коммуникации необходимо в условиях учащающихся межнациональных контактов с целью достижения согласованного речевого взаимодействия. Таким образом, представляется перспективным исследовать фатику в сопоставительном плане с целью выявления лингвоэтнических различий, присущих тому или иному языковому коллективу, расширяя при этом диапазон рассматриваемых языков. По нашим данным, широко анализировались различные аспекты фатической коммуникации на материале английского языка (Л.В. Гущина, Ю.В. Матюхина и другие), русского (Л.В. Самойленко, С.В. Былкова), французского (В.Ю. Федотова) и немецкого языков (С.А. Быковская). Сопоставительное изучение фатики проводилось, в основном, на материале английского и русского (В.В. Фенина, О.С. Солдатов). Однако не обнаружено исследований аспектов фатической коммуникации на материале итальянского и белорусского языков, что, несомненно, представляет новизну нашего исследования.

Сложившаяся в лингвистике научная парадигма, в которой фатика отождествляется с целью общения и видом коммуникации, позволяет рассматривать данный феномен как многофункциональное явление, выступающее членом оппозиции “фатика – информатика”. Основываясь на определении фатики, данном Л.А. Азнабаевой, согласно которому фатическим является общение, в котором преобладает информация индексического типа, а когнитивный тип информации ослаблен, мы будем применять широкий подход к изучению этого явления, в соответствии с которым все три фазы коммуникативной ситуации могут выступать как фатическое общение. В качестве критериев разграничения фатики и информатики мы рассматриваем первичную интенцию, служащую импульсом к вступлению в контакт с собеседником, и коммуникативную ситуацию. Целесообразно сопостави-

тельное исследование фатической бытовой речи на материале нескольких языков с целью выявления этнокультурных признаков языкового менталитета представителей исследуемых лингвокультур, что является необходимым знанием для обеспечения эффективной речевой интеракции в условиях все более частых межнациональных контактов и глубоких интеграционных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В.К. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода / В.К. Гумбольдт ; пер. П. Билярского. – СПб. : [тип. Императ. Акад. наук], 1859. – VI [2]. – 366 с.
2. Malinowski, B. The problem of meaning in primitive languages / B. Malinowski // The meaning of meaning / С.К. Ogden & I.A. Richards. – Kegan Paul, 1936. – P. 296–336.
3. Mayor, M. Longman Dictionary of Contemporary English / M. Mayor. – 5th ed. – Harlow : Longman, 2009. – 2081 p.
4. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: “за” и “против” : сб. ст. ; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–231.
5. Хаймс, Д.Х. Этнография речи / Д.Х. Хаймс // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып. 7. – Социолингвистика. – С. 58–90.
6. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур ; отв. ред. Е.А. Земская. – 2-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2005. – 176 с.
7. Вострикова, Е.С. Комплимент как одна из форм фатического общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.С. Вострикова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена [Электронный ресурс]. – СПб., 2010. – 17 с. – Режим доступа : ftp://lib.herzen.spb.ru/text/vostrikova_es_akd.pdf. – Дата доступа : 12.03.2011.
8. Попова, З.Д. Общее языкознание : учеб. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 408 [8]с.
9. Шапарь, В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Россоха, О.В. Шапарь. – 2-е изд. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 808 с.
10. Азнабаева, Л.А. Критерии выделения фатических высказываний и особенности их функционирования в художественном тексте : авторефер. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л.А. Азнабаева. – М., 1989. – 17 с.
11. Сеницына, А.Н. Метакоммуникативные единицы и их роль в организации и регуляции англоязычного диалогического общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Н. Сеницына ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена [Электронный ресурс]. – СПб., 2005. – 19 с. – Режим доступа : ftp://194.226.213.129/text/sinicina_an_akd.pdf. – Дата доступа : 20.02.2011.

12. *Воробьева, Е.М.* Функциональные характеристики метакоммуникативных речевых действий : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.М. Воробьева ; Волгоград. гос. пед. ун-т [Электронный ресурс]. – Волгоград, 2006. – 19 с. – Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru>. – Дата доступа : 15.02.2011.
13. *Гущина, Л.В.* Фатическая функция обращения в диалогической речи: На материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Гущина ; Ростов. гос. пед. ун-т [Электронный ресурс]. – Ростов н/Д, 2006. – 19 с. – Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru>. – Дата доступа : 14.02.2011.
14. *Schneider, K.P.* Variational pragmatics. A focus on regional varieties in pluricentric languages / K.P. Shneider, A. Barron. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publ. Com. – 2008. – 392 p.
15. *Мудрова, Е.В.* Комплимент как первичный речевой жанр : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.В. Мудрова ; Таганрог. гос. пед. ин-т [Электронный ресурс]. – Таганрог, 2007. – 27 с. – Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru> – Дата доступа : 18.02.2011.
16. *Фенина, В.В.* Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В.В. Фенина ; Саратов. гос. акад. права [Электронный ресурс]. – Саратов, 2005. – 22 с. – Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru>. – Дата доступа : 17.02.2011.
17. *Емельянова, Н.А.* Речевой жанр “Жалоба” в различных типах дискурса в английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.А. Емельянова ; Астрахан. гос. пед. ун-т [Электронный ресурс]. – Астрахань, 2004. – 181 с. – Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru>. – Дата доступа : 17.02.2011.
18. *Шмелева, Е.Я.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр / Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев. – М. : Языки слав. культуры, 2002. – 144 с.

The article is devoted to one of the topical problems of linguistics – phatic communication. The purpose of the article is to specify the concept of phatic communication and to identify the perspectives of its further investigation. The paper gives a brief overview of theoretic literature with the main notions being analyzed.

Поступила в редакцию 21.09.2011

А.И. Смирнов

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ДИСКУРСЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В процессе идеологической коммуникации адресант стремится изменить установки массового адресата, убедить его действовать в соответствии с основными ценностями и интересами социальной группы, идеологический дискурс которой воспроизводится в

коммуникативной ситуации. Для достижения этой цели адресант прибегает к средствам оптимального решения поставленных задач идеологического общения. В совокупности данные средства направлены на реализацию коммуникативной стратегии, подчиненной основным целям идеологической коммуникации.

В настоящей статье рассматриваются языковые средства реализации одной из двух коммуникативных стратегий, выделенных в идеологическом дискурсе глобализации.

Значительная часть лингвистических исследований второй половины XX века, выполненных в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы, посвящена изучению различных типов дискурса, их социолингвистических аспектов и жанровых разновидностей. Наблюдающийся в настоящее время интерес социологии и других гуманитарных наук к феномену *глобализации* обуславливает актуальность рассмотрения связанного с ним дискурса, понимаемого в настоящей работе как *идеологический*. С лингвистической точки зрения *дискурс глобализации* представляет собой генеральную совокупность текстов, объединенных группой центральных понятий, фиксирующих основную проблематику темы «Глобализация». Анализ средств языкового воплощения любого дискурса прежде всего вызывает необходимость изучения его прагматических характеристик. Многие современные исследования прагматического направления, основы которого заложены в трудах Дж. Остина, Дж. Серля и Г.П. Грайса [1; 2; 3], обращены к освещению вопросов речевой манипуляции сознанием, выявлению средств убеждения, описанию коммуникативных стратегий и тактик воздействия на адресата [4–14]. Вместе с тем лингвопрагматические характеристики *идеологического дискурса* до сих пор не получили детального освещения в научной литературе, что предопределяет важность нашего исследования для углубления знаний об особенностях функционирования такой его разновидности, как **д и с к у р с г л о б а л и з а ц и и**.

Целью предпринятого исследования было определение основных и вспомогательных коммуникативных стратегий, проявляющих себя в дискурсе глобализации и составляющих его качественную основу, в совокупности с выделением языковых средств их реализации. Работа проведена на базе аналитических материалов, размещенных на сайтах ведущих печатных изданий и телевизионных каналов Великобритании и США (“The BBC”, “The Guardian”, “The Daily Telegraph”, “Financial Times”, “The New York Times”, “The Economist”, “The Forbes”, “The Foreign Affairs”, “The US News”, “The Washington Post”), которые охватывают период с 2004 по 2010 годы.

Дискурс глобализации понимается как исторически обусловленная разновидность **идеологического дискурса** неолиберализма, которая выражает фундаментальные интересы владельцев транснациональных компаний и руководства международных финансовых организаций, осуществляющих свою деятельность с позиции главенства законов рынка и конкуренции во всех социально значимых сферах любой страны мира посредством таких инструментов экономического реформирования, как

приватизация, дерегулирование и либерализация экономики [15 ; 16]. Этот дискурс является одной из доминирующих разновидностей дискурса в сфере экономики и государственного управления Великобритании и США.

В основе групповой идеологической идентификации лежит бинарная когнитивная оппозиция «мы – они», «свои – чужие» [12 ; 17]. Цель идеологической коммуникации заключается в воздействии на ценности и установки адресата и, как следствие, формирование в его сознании определенного заранее запланированного адресантом отношения к происходящим событиям. Достигается это путем признания адресатом истинности новой информации на основании принятия пресуппозиций адресанта. По сути, имеет место переосмысление вводимой информации, сообщающей о «фактах, событиях процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном и воображаемом» [18, с. 27–28], посредством концептуальной информации, содержащей авторское понимание отношений между явлениями объективной действительности.

Коммуникация имеет стратегический характер, поскольку человек целесообразно использует языковые знаки для достижения предполагаемого им результата по изменению окружающего мира в желательном для него направлении. Как отмечает О.С. Иссерс, «коммуникация стратегична в силу того, что осуществляется под давлением двух постоянно присутствующих факторов – социальной приемлемости и эффективности» [7, с. 102]. Коммуникативная стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации партнера» [7, с. 100]. Согласно определению О.Н. Паршиной, коммуникативная стратегия рассматривается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего, как определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации [10, с. 10–11]. Это определение легло в основу используемого в настоящей статье принципа *прагматического анализа* материала.

В зависимости от «глобальности» намерений можно выделить *общие* и *частные* стратегии. *Общие* стратегии направлены на достижение более общих социальных целей (например, установление или поддержание статуса), *частные* стратегии связаны с более конкретными целями (например, обратиться с просьбой). Так, общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, оскорбления, насмешки, предполагающих определенный семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего. С функциональной точки зрения выделяют *основные* и *вспомогательные* стратегии. *Основной* можно назвать стратегию, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей отправителя сообщения. *Вспомогательные* стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата [7].

Классификация коммуникативных стратегий в идеологическом дискурсе напрямую зависит от его системных признаков, каковыми являются *конфронтационность* и *корпоративность* [19, с. 148]. Когнитивно-коммуникативная оппозиция «свои – чужие» предопределяет *конфронтационный* характер идеологического дискурса. Воплощение конфронтационности осуществляется средствами реализации коммуникативной стратегии дискредитации противника. К ним относятся, например, экспрессивная лексика, лексика с отрицательным оценочным значением, стилистические и композиционные средства противопоставления своей позиции и позиции оппонента, отстранения от этой позиции и создания негативного образа «чужого» путем «навешивания ярлыков». Функция групповой идентичности обуславливает такой системный признак идеологического дискурса, как *корпоративность*. Она эксплицируется средствами осуществления стратегии солидаризации, или стратегии создания круга «своих», подразумевающей позитивную самопрезентацию группы.

Изучение практического материала позволило выделить в идеологическом дискурсе глобализации две основные коммуникативные стратегии: 1) стратегию «*Ассерция: глобализация – единственная желательная модель общественного развития*» и 2) стратегию «*Ассерция: глобализация неизбежна*». В данной статье представлены особенности актуализации первой из них.

Коммуникативная стратегия «*Ассерция: глобализация – единственная желательная модель общественного развития*» направлена на выведение из фокуса внимания массового адресата иных подходов к регулированию общественных отношений, нежели рыночный. Происходит это в основном за счет наделения глобализации свойствами, положительно оцениваемыми в социокультурной среде Великобритании и США. Реализация данной стратегии осуществляется главным образом посредством двух вспомогательных стратегий следующим образом.

а) *Стратегия позитивной презентации глобализации* воплощается за счет употребления слов с положительным оценочным значением в сочетании с лексемами, обозначающими ключевые понятия дискурса глобализации, т.е. с лексическими маркерами исследуемого дискурса. К последним относятся такие, как *globalisation* ‘глобализация’, *international business* ‘международный бизнес’, *foreign investment* ‘иностранные инвестиции’, *international trade* ‘международная торговля’, *transnational corporation* ‘транснациональная корпорация’, *global companies* ‘транснациональные компании’, *the IMF* ‘МВФ’, *the World Bank* ‘Всемирный банк’, *NAFTA* ‘Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)’, *free market* ‘свободный рынок’, *international competition* ‘международная конкуренция’, *privatization* ‘приватизация’, *financial market deregulation* ‘дерегулирование финансового рынка’, *cutback in governmental spending* ‘сокращение правительственных расходов’, *constraining inflationary growth* ‘сдерживание роста инфляции’, *tax cuts* ‘сокращение налогов’, *money supply reduction* ‘сокращение денежной массы’, *austerity measures* ‘меры жесткой экономии’, *entrepreneurial spirit*

‘предпринимательский дух’, *individualism* ‘индивидуализм’, *integration forces* ‘интеграционные силы’, *economic growth* ‘экономический рост’.

Базовые лексемы дискурса глобализации могут обозначать способы организации бизнеса, которые получают в тексте более высокую оценку по сравнению с другими вариантами. Данное утверждение хорошо иллюстрирует следующий пример: *Recent controversies involving product quality and safety underscore the importance of **protecting** consumers in our globalized world. Looking to **government regulators** is a first step. **Beyond** government regulation, there is a powerful emerging market force that imposes a more potent and far-reaching natural corrective – "worldsourcing"* [F1]. В приведенном контексте имя существительное *worldsourcing* ‘мировой аутсорсинг’ само по себе представляет гибридный авторский термин, полученный в результате сложения основ *world* ‘мир’ + *outsourcing* ‘аутсорсинг’, где *outsourcing* обозначает передачу части функций компании более мелким компаниям-подрядчикам (*outsourcing* ‘when a company uses workers from outside the company to do a job’). Добавление компонента *world* ‘мир’ придает названному таким образом способу организации бизнеса значение глобальности, чем делает его менее конкретным. Лексическое новообразование позволяет автору обозначить абсолютно новое явление и, соответственно, по-новому объяснить существующие социальные отношения. *Worldsourcing* несет благо (*protecting consumers in our globalized world, imposes a more potent and far-reaching natural corrective*) и в то же время оказывается более мощным инструментом экономического регулирования, чем государство (*beyond government regulation, there is a powerful emerging market force*).

Важным способом реализации стратегии позитивной презентации глобализации является имплицирование положительных характеристик глобализационных процессов посредством противопоставлений, где второй компонент имеет негативную экспрессивную окраску (*globalization forces U.S. companies to innovate or die* ‘глобализация вынуждает американские компании внедрять инновации или умереть’; *companies must **worldsource or die*** ‘компании должны начать выносить производство за рубеж или погибнуть’; *perish or adapt* ‘погибнуть или приспособиться’). При этом использование таких лексем, как *die* ‘умереть’, *perish* ‘погибнуть’, по сути, дает реципиенту выбор, один из двух вариантов которого не является для него желательным. Адресат указывает реципиенту необходимое направление интерпретации информации, представляющее псевдоальтернативу.

Антитеза играет важную роль в имплицировании положительных качеств глобализации, что можно наблюдать в следующем контексте: *Since Democrats took control of Congress, **free trade** has been on the knife's edge: Will they or won't they replace **globalization** with **economic nationalism**?* [F2]. В данном примере нереперентное имя *globalization* ‘глобализация’ соотносится с нереперентным словосочетанием *free trade* ‘свободная торговля’. При этом имя прилагательное *free* ‘свободный’, имеющее положительные коннотации, актуализирует аналогичную оценочную семантику и в существительном *globalization*. Оно, в свою очередь, противопоставляется

словосочетанию *economic nationalism* ‘экономический национализм’, где *nationalism* ‘национализм’ имеет негативный оценочный компонент (‘чрезмерный патриотизм’: *excessive patriotism*). Негативное значение усиливается посредством логического повтора: *free trade* ‘свободная торговля’ (положительное оценочное значение), *on the knife's edge* ‘на острие ножа’ (отрицательное оценочное значение) реализуется параллельно с единицами *globalization* ‘глобализация’ (положительное оценочное значение), *replaced by economic nationalism* ‘замененная экономическим национализмом’ (отрицательное оценочное значение).

Во многих статьях позднего кризисного периода, относящихся к 2008 году, глобализационные процессы оцениваются критически, однако авторы статей находят в глобализации больше преимуществ, чем недостатков, аргументируя последние 1) несогласованностью внутри системы мировой экономики, 2) неправильными действиями отдельных компаний, правительств, международных организаций либо 3) провокациями международного терроризма. Первый аргумент наглядно подтверждается следующим примером: *The international system thus faces a paradox. Its prosperity is dependent on the success of globalization, but that process produces a dialectic that can work counter to its aspiration. The managers of globalization have few occasions to manage its political processes. The managers of the political process have incentives not necessarily congruent with the economic managers* [NYT]. Здесь международная экономическая система характеризуется противоречивостью (*the success of globalization* ‘успех глобализации’ – *that process produces a dialectic that can work counter to its aspiration* ‘этот процесс создает диалектическое противоречие, которое может оказаться помехой’), но при этом адресант, возможно, неосознанно, подчеркивает положительную сторону глобализации. Во-первых, словосочетание с положительным оценочным значением *the success of globalization* ‘успех глобализации’ предшествует фразе, несущей негативные коннотации, *a dialectic that can work counter to its aspiration* ‘этот процесс создает диалектическое противоречие, которое может оказаться помехой’. Во-вторых, *the success of globalization* представляет собой непредикатную, номинализованную структуру, в то время как выражение *a dialectic that can work counter to its aspiration* содержит модальный глагол *can*, имеющий в своем значении сему возможности, но не действительности. Позиционирование глобализации как противоречивой и неконтролируемой системы усиливается анафорической конструкцией, содержащей антитезу: *The managers of globalization have few occasions to manage its political processes. The managers of the political process have incentives not necessarily congruent with the economic managers*.

Положительные качества явлений глобализации могут подчеркиваться контрастом с образом врага. Контекст *Don't forget that the 9/11 attacks were, to a great extent, the start of a war on globalization, as symbolized by the World Trade Center. "The towers are economic power," Osama bin Laden said in an October 2001 interview. It's globalization – the worldwide spread of people, capital, products, brands, and ideas – that's the real threat to the terrorists* [USN] показывает, что благо, создаваемое глобализацией, является угрозой,

а значит, объектом ненависти террористов. Тем самым имплицитно предполагается возможная заинтересованность террористов в уничтожении благ Западного мира. В примере очевидным образом выделяются две группы лексических единиц – с *положительными* и *отрицательными* коннотациями. Слова с *положительным* компонентом относятся к группе с абстрактной референцией *globalization* ‘глобализация’: *the worldwide spread of people, capital, products, brands, and ideas* ‘перемещение по всему миру людей, капитала, товаров, брендов и идей’. Слова с *отрицательным* семантическим компонентом относятся к группе с обобщенным значением: *the 9/11 attacks* ‘атаки 11 сентября’, *the start of war on globalization* ‘начало войны против глобализации’, *terrorists* ‘террористы’. Императив *Don't forget* ‘Не забудьте’ в начале фразы представляет последующую информацию как известный факт. Обособление *to a great extent* ‘в значительной степени’ является маркером авторского мнения, который усиливает эффект последующего сообщения о том, что глобализации была объявлена война террористами, зачастую ассоциирующимися в массовом сознании с представителями ислама.

б) *Стратегия негативной презентации* подходов государственного регулирования экономики направлена на дискредитацию нерыночных принципов государственного управления, действий правительств по защите интересов граждан и социальной политики государств.

В первую очередь, рассматриваемая стратегия реализуется за счет номинации действий, совершаемых государственными институтами регулирования экономики, с использованием слов и словосочетаний, обладающих отрицательным оценочным значением, иногда через “навешивание ярлыков” метафорического характера – например, *tariff barriers* ‘тарифные барьеры’, *protectionism* ‘протекционизм’, *protectionist trade measures* ‘протекционистские меры в сфере торговли’, *regulatory hangover* ‘регуляционное похмелье’. Перечисленные языковые средства нацелены на то, чтобы подчеркнуть негативные свойства регуляторов рыночных отношений.

В высказывании *Since 1960, increased trade has been made easier by international agreements to lower tariff and non-tariff barriers on the export of manufactured goods, especially to rich countries* [BBC] акцентируется негативность самого подхода регулирования рыночных отношений. Такой эффект достигается за счет семантики выражения *tariff and non-tariff barriers* ‘тарифные и нетарифные барьеры’, где лексема *barrier* ‘барьер’ имеет в своем значении семантические компоненты ‘препятствовать’; *prevent* и ‘ограничивать’ *limit*. Устранение барьеров должно видеться реципиенту информации желательным и необходимым, что выражается семантикой используемых в контексте структур *increased trade* ‘растущая торговля’ и *made easier* ‘стала проще’. Обобщенность значения также предполагает, что высказывание нерелевантно, т.е. оно не соотносится с положением вещей в прошлом, а является не подкрепленной фактами генерализацией. Для достижения коммуникативной цели автор анализируемого текста представляет на суд читателя собственную интерпретацию положения дел, устраняя какие бы то ни было указания на то, что реципиенту предлагается

интерпретация, мнение, а не факт. Производится это средствами выражения временного дейксиса, отсылающего к прошлому (*since 1960* ‘с 1960 года’), и совершенной формой предиката (*has been made easier* ‘стала проще’), которые в совокупности придают контексту эффект историчности.

Негативная оценка подходов экономического регулирования может подчеркиваться в дискурсе глобализации эпитетами и экспрессивной лексикой. Так, в контексте *Protectionist trade measures, perhaps in the form of a stiff US tariff on Chinese imports, would be profoundly self-destructive, even absent the inevitable retaliatory measures. But make no mistake: the ground for populist economics is becoming more fertile by the day* [G1] меры по регулированию торговых отношений освещаются в негативном ключе, получая эпитеты *protectionist* ‘протекционистский’ и *self-destructive* ‘саморазрушительный’, располагающиеся в позиции определения к подлежащему и предикатива сказуемого. Дискредитация политики экономического регулирования достигается посредством ассоциирования принимаемых мер с типом политики, которую автор статьи называет *populist economics* ‘популистская экономическая модель’ – словосочетанием, подразумевающим недальновидность проводимой государством политики. При этом автор прогнозирует негативные последствия, используя сослагательное наклонение (*would be*), и предупреждает массового адресата об угрозе, употребляя императив *but make no mistake* ‘несомненно (букв. не обманывайтесь на этот счет)’, тем самым описывая ситуацию как потенциально опасную.

Рассмотрим следующий пример: *The protectionist and anti-trade rhetoric evident in the presidential primaries suggests that many Americans see global economic change in zero-sum terms. Asia rises, we decline. Economic inequality is reduced between countries, but widens within our own societies. Globalisation is no longer something we do, it is something that others do to us. An increasing number of Europeans feel the same way. Only stable, cooperating states can manage the coming squeeze on resources. For 60 years, the US has underwritten economic internationalism with openness of its own. A crisis of American confidence in globalisation could knock it off course* [G2]. Здесь опасения американцев по поводу стабильности уровня жизни, публично выражаемые политиками накануне выборов, названы *the protectionist and antitrade rhetoric* ‘протекционистская и антиторговая риторика’, – с использованием идеологически и экспрессивно окрашенной лексики. Для усиления содержания высказывания в приведенном примере употребляется ряд параллельных синтаксических конструкций, построенных с применением антитезы (*Asia rises* ‘Азия поднимается’, *we decline* ‘мы приходим в упадок’). Протекционистской политике, связанной с наивными страхами граждан США и европейских государств, предложена альтернатива, которая вводится словами и словосочетаниями с положительным оценочным значением – *stable, cooperating states* ‘стабильные государства, сотрудничающие друг с другом’, *economic internationalism* ‘экономический интернационализм’, *openness* ‘открытость’. Весь этот ряд лексических средств фокусирует внимание реципиента на последнем предложении, в котором обозначены

положительные характеристики глобализации. Адресант предупреждает о негативных последствиях, связанных с отрицанием глобализации как желательной альтернативы развития: *A crisis of American confidence in globalisation could knock it off course* 'Кризис доверия американцев к глобализации может сбить ее с курса'. Тем самым политика регулирования экономики имплицитно дискредитируется как основанная на политических спекуляциях и способная пагубно сказываться на развитии мировой экономики.

Результаты проведенного исследования позволили выделить в идеологическом дискурсе глобализации две основные коммуникативные стратегии – «Ассерция: глобализация – единственная желательная модель общественного развития» и «Ассерция: глобализация неизбежна». В настоящей статье рассмотрена коммуникативная стратегия «Ассерция: глобализация – единственная желательная модель общественного развития», которая воплощается средствами двух вспомогательных коммуникативных стратегий – стратегии позитивной презентации глобализации и стратегии негативной презентации подходов государственного регулирования экономики. Выделенные вспомогательные стратегии являются отражением двух базовых системных признаков идеологического дискурса (корпоративность и конфронтационность) и направлены на достижение нелингвистических целей следующим образом. Во-первых, используемые в дискурсе глобализации лексемы и лексические конструкции с положительным оценочным значением способствуют внедрению в сознание массовой аудитории положительного образа социальных процессов, именуемых глобализацией. Как утверждается в анализируемых статьях, субъекты и явления, приводящие к мировой экономической интеграции, приносят, в конечном счете, пользу большому количеству людей. Во-вторых, для воспроизводства рассматриваемого идеологического дискурса принципиальным оказывается принятие массовым адресатом негативных установок по отношению к возможным противоречащим глобализации подходам, основывающимся на принципах экономического регулирования. Для этого в статьях аналитического характера применяются лингвистические средства актуализации отрицательной оценки в отношении понятий *государство* и *регулирование*. В свете вышеизложенного перспективным является дальнейшее исследование и более детальная классификация стратегий, способствующих достижению коммуникативных целей идеологического дискурса в целом и дискурса глобализации в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Остин, Дж.Л.* Слово как действие : сб. науч. ст. / Дж.Л. Остин // Новое в зарубеж. лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 22–140.
2. *Серль, Дж.* Классификация иллокутивных актов : сб. науч. ст. / Дж. Серль // Новое в зарубеж. лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С. 170–195.

3. *Грайс, Г.П.* Логика и речевое общение : сб. науч. ст. / Г.П. Грайс // Новое в зарубеж. лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 217–237.
4. *Михалева, О.Л.* Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.
5. *Задворная, Е.Г.* Речевые тактики уклонения в повседневном общении / Е.Г. Задворная // Теория коммуникации. Языковые значения. – Минск : МГЛУ, 2002. – Вып. 2. – С. 22–38.
6. *Тулупов, В.В.* Коммуникативные стратегии в российской журналистике нового времени / В.В. Тулупов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 197–211.
7. *Иссерс, О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
8. *Мишланов, В.А.* Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе: на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг. / В.А. Мишланов, Н.С. Нецветова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. Российская и зарубеж. филология. – 2009. – № 6. – С. 5–13.
9. *Самарина, И.В.* Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации : прагмалингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / И.В. Самарина ; Ростов. гос. пед. ун-т. – Ростов н/Д, 2006. – 21 с.
10. *Паршина, О.Н.* Российская политическая речь: теория и практика / О.Н. Паршина ; под ред. О.Б. Сиротиной. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : URSS/ЛКИ, 2007. – 227 с.
11. *Dijk, van T.A.* The Semantics and Pragmatics of Functional Coherence in Discourse [Electronic Resource] / T.A. van Dijk. – Mode of access : <http://www.discourse-in-society.org/OldArticles/The%20Semantics%20and%20Pragmatics%20of%20Functional%20Coherence%20in%20%20Discourse.pdf>. – Date of access : 20.06.2007.
12. *Шейгал, Е.И.* Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 435 л.
13. *Кунцевич, С.Е.* Коммуникативные и когнитивные аспекты современного военно-политического дискурса / С.Е. Кунцевич // Язык – когниция – коммуникация : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3–6 нояб. 2010 г. Минский гос. лингв. ун-т ; редкол. : З.А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 222–224.
14. *Карпилович, Т.П.* Когнитивные и коммуникативные основания теории сопоставительного анализа текстовых жанров / Т.П. Карпилович // Язык – когниция – коммуникация : тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3–6 нояб. 2010 г. / Минский гос. лингв. ун-т ; редкол. : З.А. Харитончик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 41–42.
15. *New-Liberal Speak: notes on the new planetary vulgate / P. Bourdieu [et al.] // Radical Philosophy. – 2001. – Vol. 105. – P. 2–5.*
16. *Tickell, A.* Making global rules: globalisation or neoliberalisation? / A. Tickell, J. Peck // Remaking the global economy: economic-geographical perspectives ; eds. J. Peck, H. Yeung. – London : Sage, 2003. – P. 163–182.

17. *Urban, M.* Cultures of Power: Political Discourse in Post-Communist Russia / M. Urban. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. – 240 p.
18. *Гальперин, И.П.* Текст как объект лингвистического исследования / И.П. Гальперин. – 6-е изд. – М. : URSS/ЛКИ, 2008. – 144 с.
19. *Акулов, В.* Еще раз об идеологии и идеологах / В. Акулов // Неман. – 2004. – №11. – С. 137–152.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

F1 – *Amelio, W.J.* Worldsource or Perish / W.J. Amelio // Forbes [Electronic resource]. – 2007. – Aug. 17. – Mode of access : http://www.forbes.com/2007/08/16/lenovo-world-sourcing-oped-cx_wja_0817lenovo.html. – Date of access : 05.06.2010.

F2 – *Pieler, G.A.* Who Needs Free Trade, Anyway? / G.A. Pieler, J.F. Laurson // Forbes [Electronic resource]. – 2007. – Oct. 16. – Mode of access : http://www.forbes.com/2007/10/15/trade-free-pieler-oped-cx_gap_1016trade.html. – Date of access : 05.06.2010.

NYT – *Kissinger, H.A.* Globalization and its discontents / H.A. Kissinger // The New York Times [Electronic resource]. – 2008. – May 29. – Mode of access : http://www.nytimes.com/2008/05/29/opinion/29iht-edkissinger.1.13311978.html?_r=1. – Date of access : 03.03.2009.

USN – Globalization: Bin Laden's vs. the West's // U.S. News [Electronic resource]. – 2007. – Jul. 3. – Mode of access : <http://money.usnews.com/money/blogs/capital-commerce/2007/07/03/globalization-bin-ladens-vs-the-wests>. – Date of access : 05.06.2010.

BBC – *Schifferes, S.* Globalisation shakes the world / S. Schifferes // BBC News [Electronic resource]. – 2007. – Jan. 21. – Mode of access : <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/business/6279679.stm>. – Date of access : 24.08.2008.

G1 – *Rogoff, K.* Globalisation at the crossroads / K. Rogoff // The Guardian [Electronic resource]. – 2010. – Nov. 7. – Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2010/nov/07/globalisation-global-economy>. – Date of access : 11.01.2011.

G2 – *Mandelson, P.* Globalisation is good / P. Mandelson // The Guardian [Electronic resource]. – 2008. – Jun. 9. – Mode of access : <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2008/jun/09/globalisation.eu/print>. – Date of access : 11.01.2011.

In the ideological communication the addresser aims at changing the mass addressee's attitudes and at persuading him/her to act according to the values and interests of the social group whose ideological discourse is being reproduced in the communicative situation. The article deals with the linguistic means of realization of one of the two basic communicative strategies revealed in the globalization discourse.

Поступила в редакцию 19.07.2011

А.Р. Чернецкий

КОНФРОНТАЦИОННЫЙ ТИП КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ЕГО КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Статья посвящена исследованию особенностей диалогической интеракции конфронтационного типа и обусловленности эффективности языковых и речевых средств оформления конфронтационных тактик общения элементами контекста (в широком понимании). Конфронтационное коммуникативное взаимодействие рассмотрено в сопоставлении с характеристиками кооперативного взаимодействия. Контекстуальная зависимость употребления определенных тактик, их эффективность и исход коммуникативного эпизода проанализированы на примере реализаций тактики упрека во французском языке. Описание влияния различных параметров контекста базируется на их разделении на четыре области: социальных, тактико-стратегических, физических и языковых параметров.

Вступая в диалог, партнеры по общению стремятся реализовать в нем свои коммуникативные намерения, которые могут совпадать частично или полностью, а также различаться или противоречить друг другу. В зависимости от ряда сложившихся в процессе социализации относительно устойчивых черт характера и индивидуальных характеристик коммуникативной компетенции собеседники могут варьировать способы достижения поставленных перед собой целей и задач общения. Такая вариативность обеспечивает, с одной стороны, более эффективное воздействие на коммуникативного партнера, а с другой – поддержание определенного уровня взаимоотношений с ним с залогом на гармоничное общение в будущем.

В самом общем смысле речевое взаимодействие в диалоге может развиваться по двум более или менее стандартизированным схемам поведения партнеров по коммуникации, которые в прагмалингвистике обычно называют типами общения. Это кооперативное взаимодействие, связываемое с установкой обоих коммуникантов на согласие, и взаимодействие конфронтационное (у некоторых исследователей именуемое также конфликтным), проявляющееся в атмосфере противоречия и несовпадения интересов, о чем открыто сообщает хотя бы один из коммуникантов.

Кооперативный тип взаимодействия в речевом общении неоднократно подвергался всестороннему исследованию учеными различных ответвлений языкознания, психологии и философии языка. Сформулированные ими правила общения (в частности, принцип кооперации Г.П. Грайса и принцип вежливости Дж. Лича), которыми должны руководствоваться собеседники для создания благоприятной обстановки слаженности и попеременного достижения коммуникативных намерений, хорошо известны прагмалингвистике. Несмотря на их неуниверсальный характер, нередко вызывавший критику современных исследователей, соблюдение норм речевого общения – так называемого кодекса коммуникативного поведения – все же способствует протеканию интеракции по кооперативному типу.

Как правильно отмечает С.А. Сухих, “нарушение ... норм приводит к недопониманию, недоумениям, коммуникативным конфликтам, разрыву общения” [1, с. 97]. Кроме того, нельзя не согласиться и с Н.Д. Арутюновой, которая считает, что “не только их нарушение, но и их усердное соблюдение вызывает дискомфорт” [2, с. 27]. Маркером начала дисгармоничного развития интеракции по конфронтационному типу может также выступать отсутствие какой-либо вербальной и/или невербальной реакции на высказывание собеседника, предполагаемой диалогическим общением (например, отказ отвечать на вопрос).

Характеристики дисгармоничного общения в диалоге наиболее обобщенно и полно были представлены Т.Н. Колокольцевой. К их числу она относит несогласованность реализации речевых намерений собеседников (например, перехват коммуникативной инициативы, перебивание, резкое обрывание контакта), возможность неприемлемой хотя бы для одного из партнеров тональности речи (например, повышение голоса, приказной тон, уговаривание, настойчивость), отсутствие истинной заинтересованности темой или содержанием разговора (например, медлительность, невнимательность, уход от ответа, переключение темы), языковое или паралингвистическое выражение предвзятого отношения к содержанию диалога или личностным особенностям коммуникативного партнера (например, грубость, колкость, унижение, оскорбление), отсутствие эффективного результата общения (иными словами, коммуникативная неудача) [3, с. 169].

Дисгармоничные диалоги могут различаться факторами возникновения дискомфорта и степенью его интенсивности. В.С. Третьякова отмечает, что в конфронтационной коммуникативной интеракции “структура и содержание речевых действий определяется рядом несоответствий и противоречий, которые имеются между участниками” [4, л. 3]. Такие расхождения могут находиться на уровне информационных и интеллектуальных потребностей, эстетических взглядов, мировоззренческих суждений, коммуникативных интересов, профессиональных убеждений, социальных мнений и установок. По мере того, как собеседники удовлетворяют свои потребности, указанные противоречия утрачивают актуальность и отходят на задний план, свидетельствуя о том, что их межличностные отношения вновь развиваются по модели гармоничного общения.

И.Н. Борисова рассматривает конфликтность как рассогласованность, противоречивость, вплоть до столкновения иллюкутивных намерений и реакций. Она полагает, что конфликтность в наибольшей степени соотносится с дисгармоничным развитием межличностного диалогического общения [5, с. 380].

В различных гуманитарных науках чаще всего понятие конфликта рассматривается как процесс зарождения, развития и разрешения противоречивости установок, целей, взаимоотношений и поступков людей, определяемых причинами объективного и субъективного характера.

В соответствии с коммуникативно-дискурсивным подходом Н.А. Белоус [6] вводит понятие *конфликтный дискурс* и анализирует особенности развития различных типов конфликтного дискурса в конфронтационной

интеракции. Он описывает основные вербальные действия, открывающие, поддерживающие и прекращающие речевое общение в конфликтном дискурсе.

Ученые, разрабатывающие теорию речевых жанров (А.Г. Баранов [7], В.В. Дементьев [8]), определяют конфликт как стандартную ситуацию, в которой находят свое отражение принятые в рамках отдельной социальной группы правила речевого поведения. Представители теории речевых жанров выделяют и описывают в повседневном бытовом общении такие жанры, как, например, “ссора”, “упрек”, “обвинение”, “осуждение”, “оскорбление”, которые устойчиво соотносятся с конфликтной речевой интеракцией.

С точки зрения психолингвистики (И.Н. Горелов [9], К.Ф. Седов [10]), конфликт представляет собой открытое агрессивное речевое столкновение; ситуацию, в которой собеседники под действием фрустрации – психологического дискомфорта при невозможности добиться своей цели, – стремятся снизить или вовсе устранить психологическое напряжение при общении с коммуникативным партнером. С позиций социально-психологического аспекта психолингвистики (Ю.М. Орлов [11], Ю.В. Щербинина [12]), конфликт – это вид социального взаимодействия, способ вербального разрешения противоречий, возникающих в ходе диалога. Некоторые исследователи (например, Л.Л. Федорова [13]) считают конфликт формой проявления речевой агрессии и описывают вербальные и невербальные способы демонстрации превосходства над соперником в коммуникации.

Представители лингвоконцептологии (Е.Н. Горбачева [14], О.А. Евтушенко [15], Е.Н. Ермолаева [16], А.К. Соловьева [17]) рассматривают конфликт как концепт (многоуровневое смысловое образование), анализируя его ценностный, образный и понятийный аспекты. Современная наука разрабатывает лингвистические модели концептологического отображения феномена конфликта, выявляет лексические средства представления концептуальной модели конфликта, выделяет и описывает его компоненты.

В.С. Третьякова рассматривает речевой конфликт как “состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне...” [4, л. 2]. Для того чтобы описать конфликт, она выделяет *два параметра*, характеризующие причины и характер конфликта.

Первый параметр – социопрагматический – включает основных участников конфликта, речевое поведение которых определяется *социальными* (внешними) и *психологическими* (внутренними) факторами. **К с о ц и а л ь - н ы м** факторам, управляющим речевым поведением коммуникантов, относятся: традиции и правила речевого поведения, сформировавшиеся в конкретной этнокультуре, в профессиональной среде, к которой принадлежат собеседники; нормы и правила, принятые в обществе; социально значимые и усвоенные личностью принципы речевого поведения; социальные роли коммуникантов в соответствии с их социальным статусом, Национальной принадлежностью, профессией, образованием, возрастом, гендером. **К п с и х о л о г и ч е с к и м** факторам, обуславливающим поведение участ-

ников конфликта, относятся факторы, которые определяются психологическим и коммуникативным типами личности коммуникантов, их мотивами, коммуникативными намерениями, мировоззрением, интересами и установками.

Второй параметр – лингвистический – представлен *языком и речью*, которые также соотносятся как внешнее и внутреннее явления. Язык является средством установления контакта в речевом общении и создает условия для понимания общающихся. Его социальная сущность и конвенциональная природа позволяют говорить о языке как коде, общем для всех носителей языка. Речь – это творческий и неповторимый процесс использования языка, поэтому она индивидуальна и зависит от говорящего. Благодаря ситуативной подчиненности речи и наличию у коммуникантов широких возможностей выбирать языковые средства для передачи конкретных интенций речь является неповторимой и отличается от речи другого человека. Поэтому нельзя не согласиться с Л.П. Рыжовой, которая считает, что “выбор языковых средств в каждом отдельном случае обуславливается намерениями и интенциями говорящих, отношениями между ними, их индивидуальными речевыми привычками, обстановкой общения” [18, с. 55].

Направленное вербальное выражение интенций в конфронтационном взаимодействии обладает прагматическим характером: вынудить коммуникативного партнера что-либо сделать против его воли, повлиять на него в нужном говорящему направлении, лишить его уверенности, заставить сомневаться. Произнесение высказывания рассчитано на определенную речеповеденческую реакцию адресата. Конфронтационная интеракция может развиваться в том случае, если коммуниканты влияют друг на друга, регулируя процесс взаимодействия и взаимовлияния.

Итак, в ходе речевого общения диалогическая интеракция может развиваться по двум направлениям – *кооперативному* и *конфронтационному* (конфликтному). *Кооперативная* интеракция предполагает протекание коммуникации по модели гармоничного общения с соблюдением принципов, правил и норм речевого поведения. Ведение межличностного общения с нарушением правил гармоничного общения соответствует *конфронтационной* (конфликтной) интеракции, которая характеризуется нарушением коммуникативных норм, проявлениями негативного отношения к собеседнику, несовпадением и столкновением намерений обоих коммуникантов.

Как правильно замечает Г.В. Колшанский, “...смысл текста всегда контекстуален...” [19, с. 19]. Одно и то же высказывание, произнесенное в разных коммуникативных ситуациях, может нести разный смысл и иметь разный эффект в зависимости от целого ряда переменных параметров контекста. О. Кафкова предлагает “отличать языковой (вербальный, словесный, речевой) контекст как собственно языковой семантический фактор от ситуационного контекста (ситуации)” [20, с. 237]. Оба выделяемых ею вида контекста могут “восполнять элементы семантики высказывания, которые отсутствуют в словесной структуре” [20, с. 240]. Подобный контекстуальный анализ позволяет устранить “несоответствие между формальной стороной высказывания и его семантической структурой” [20, с. 245].

При выведении смысла отдельных высказываний и текста в целом Г.В. Колшанский и С.И. Виноградов предлагают принимать во внимание следующие факторы коммуникации: “значение высказываний, материальные ситуации общения, вербальный контекст, цели общения и пресуппозиция коммуникантов” [19, с. 20], “присутствие посторонних, канал общения..., настроение, эмоциональный настрой, физиологическое состояние” [21, с. 11]. В.С. Третьякова считает, что “необходимо учитывать весь коммуникативный контекст ситуации...” [4, л. 7].

На основе синтеза различных подходов к контексту (в широком понимании) структуру параметров контекстуального оформления коммуникативной ситуации можно представить в виде четырех более или менее однородных групп: 1) тактико-стратегические параметры (реализуемая тактика, эффективность тактики...); 2) социальные параметры (статус коммуникативных партнеров, степень их знакомства, наличие посторонних...); 3) физические параметры (место интеракции, формальная/неформальная обстановка...); 4) языковые параметры (форма реализации тактики, количество употребленных языковых приемов реализации, аргументация...).

Рассмотрим влияние различных переменных контекста на развитие и исход коммуникативной интеракции конфронтационного типа на примере реализаций тактики упрека.

– *Victor, tu ne dors pas? – Je réfléchis, ma chérie. – Dis. Je pensais... Au retour, si on faisait refaire l'appartement? J'aimerais assez du rouge pour le salon. – Excellente idée. – Victor, tu m'écoutes? Qu'est-ce que tu as? – Rien. – Dis tout de suite que je t'embête! – Mais non, mon petit* [DS, p. 21–22].

Женщина, заметив, что ее друг Виктор не сразу реагирует на ее предложения по ремонту квартиры (*si on faisait refaire l'appartement*), имплицитно упрекает его в том, что он ее не слушает, так как ему не интересно (*Dis tout de suite que je t'embête!*). На самом же деле Виктор просто немного дремал и, чтобы не перевести ситуацию в конфликтную, искренне уверяет ее в обратном (*Mais non*), добавляя ласковое обращение (*mon petit*). Умело построенный упрек с имплицированием его причинной основы (*Dis tout de suite que je t'embête!*) не менее умело парируется адресатом (*Mais non, mon petit*). Ему в этом способствуют *равные с говорящим статусы*, чувства, которые они разделяют, и *отсутствие посторонних коммуникантов*.

Ce fut Suzanne qui entra dans la chambre, en coup de vent:

– *Mademoiselle, votre marquis est arrivé! Je l'ai vu, je le trouve...*

– *Taisez-vous, je vous prie! coupa Louison. Je ne veux pas connaître le marquis par ouï-dire.*

– *Bien, bien, fit Suzanne, vexée. Eh bien alors, mis à part mon ouï-dire à ne pas dire, je venais vous prévenir que Monsieur vous attend chez lui* [DF, p. 70].

Служанка Сюзанна прибегает в комнату молодой аристократки Луизон, чтобы сообщить о приезде маркиза, потенциального жениха Луизон (*votre marquis est arrivé*). Служанка не может удержаться, чтобы не рассказать, как он выглядит (*Je l'ai vu, je le trouve...*). Луизон тут же останавливает ее, упрекая в несдержанности (*Taisez-vous, je vous prie*).

Здесь речевая формула *je vous prie* (*прошу вас*, или *пожалуйста*) выступает, скорее, как *дополнительный показатель упрека*. Далее Луизон *мотивирует* свой упрек-запрет тем, что хочет сначала увидеть маркиза, чтобы лично оценить его (*Je ne veux pas connaître le marquis par ouï-dire*). Сюзанна правильно распознает упрек, несколько обидевшись (*vexée*), но, *ввиду более низкого статуса*, смиряется с ним (*Bien, bien*), чтобы избежать конфликта.

“Hartani! Harta-a-ni!” crie Lalla. Elle est tombée à genoux sur les cailloux, parce que ses jambes ne veulent plus marcher...

Soudain, le Hartani est là, de nouveau. “Hartani, je ne peux plus...” Lalla murmure, en montrant ses jambes écorchées, pliées sous elle. “Va-t’en! Laisse-moi, va-t’en!” Le berger hésite, toujours accroupi à côté d’elle. Il va peut-être s’en aller? [CJ, p. 216–217].

Молодая пара Хартани и Лалла пересекают пустыню, Лалла устала и хочет сделать перерыв, но Хартани не слушает ее и идет дальше. Не имея сил продолжать путь (*Hartani, je ne peux plus...*), Лалла падает на землю и просит Хартани оставить ее, а самому убраться прочь (*Va-t’en! Laisse-moi, va-t’en!*). В этом высказывании проступает *имплицитный упрек*, ведь на самом деле она не хочет, чтобы Хартани уходил (*Il va peut-être s’en aller?*), поэтому Лалла упрекает его в ненужной спешке и отсутствии сострадания к ней. Такой *косвенно выраженный упрек* довольно легко распознается адресатом упрека (Хартани) (*Le berger hésite*), но обладает *низкой степенью эффективности* из-за *абсолютной противоположности прямого и косвенного значений*.

– *Je fais ce que je peux et toi, je te défends de monter dans les étages!*

– *Même si je me perds dans les couloirs?*

– *Lauren, ne fais pas l’andouille! Tu joues avec le feu. Tu es à quelques mois de la fin de ton internat, ne va pas tout mettre en péril maintenant!* [LM, p. 261–262].

Студентка интернатуры Лорен приходит в больницу, в которой проходит практику, но где ей временно запрещено появляться. В регистратуре ее подруга Бетти запрещает Лорен подниматься на этажи (*je te défends de monter dans les étages!*) и, когда та предлагает обходной путь (*Même si je me perds dans les couloirs?* – ‘Даже если я сделаю вид, что заблудилась в коридорах?’), упрекает ее в ребячестве (*ne fais pas l’andouille!*), безответственности (*Tu joues avec le feu*), а также в том, что она ставит тем самым под угрозу свою карьеру (*ne va pas tout mettre en péril*). Три *безапелляционных эксплицитных упрека, следующие друг за другом в пределах одной реплики*, оказываются тем не менее *малоэффективными*: Лорен, возможно, осознает правоту подруги, но никак не отвечает на ее упреки-советы, меняя тему разговора.

– *Ma soeur a mis au monde une fille.*

– *Comment cela, une fille? lança Mabilles avec colère. Une fille! Alors, elle n’est pas de Bohémond! Jamais un homme comme lui n’aurait procréé autre chose qu’un garçon!*

– *Par tous les saints, comment une femme peut-elle parler comme vous le faites? S’écria-t-elle sans se soucier du rang de celle à qui elle s’adressait de la sorte. N’en êtes-vous pas une, vous aussi, dame, et contente de l’être, semble-t-il!* [BJ, p. 421–422].

Сестры Брюниссен, Фламиния и Алаис приходят к свекрови последней Мабийе, чтобы сообщить, что Алаис родила девочку. Услышав от Брюниссен эту новость (*Ma soeur a mis au monde une fille*), Мабийя в возмущении отвергает мысль, что от ее сына мог появиться на свет не мальчик (*Comment cela, une fille?.. Alors, elle n'est pas de Bohémond!* – ‘Как это девочку?.. Тогда она не от Богемонда’). Ее обрывает Фламиния и, *не считаясь с более высоким положением адресата*, упрекает ее в косвенной форме, что женщина не должна так говорить (*comment une femme peut-elle parler comme vous le faites?*). Выбранная форма упрека в виде вопроса, имплицитно выражающего побуждение к соблюдению социальных норм, *недостаточна для достижения возмущающего эффекта*, поэтому упрек *подкрепляется аргументацией с апелляцией к гендерным стереотипам* (*N'en êtes-vous pas une, vous aussi, dame, et contente de l'être* – ‘А разве вы сами не женщина и не довольны ею быть?’).

– *Mon camarade a raison. Je vais partir avec lui.*

– ***Non! cria la patronne, vous n'avez pas le droit de me laisser... On ne trouve pas un homme pour le travail... mon garçon est prisonnier...***

– *Il faut que je parte... Ça vaut mieux. Il faut que je parte* [СВ, р. 306–307].

Во время Второй мировой войны в небольшой деревне в одном из домов мэр требует, чтобы Энрике, один из беглых испанских военнопленных, наемный работник хозяйки дома, срочно покинул деревню до предстоящего прихода немцев. Другой наемный работник Пабло, друг и соратник Энрике, вызывается уйти из деревни вместе с ним (*Je vais partir avec lui*), на что хозяйка тотчас же негативно реагирует, говоря, что у них нет права оставить ее одну (*vous n'avez pas le droit de me laisser*). Ее *прямо выраженный упрек сопровождается объяснением причин осуждения их ухода*: в деревне сложно найти работников, особенно в военное время (*On ne trouve pas un homme pour le travail*). Тем не менее *правильно построенная и обоснованная тактика упрека* (*vous n'avez pas le droit de me laisser*) оказывается *неэффективной*, так как адресаты упрека (Пабло и Энрике) решительно настроены на совершение задуманного действия (*Il faut que je parte... Ça vaut mieux. Il faut que je parte*. – ‘Я должен уйти... Так будет лучше. Я должен уйти’).

Итак, контекст позволяет более точно идентифицировать коммуникативное намерение говорящего, влияет на развитие эпизода общения в целом, служит для описания языковых единиц и речевых структур, составляющих основу лингвистического оформления коммуникативных тактик. Исследование функционирования языковых и речевых средств в контексте реальной коммуникации обеспечивает более точное определение их эффективности.

Таким образом, само понятие диалога подразумевает взаимодействие коммуникантов, некоторое сотрудничество, учет желаний и намерений партнера по общению. Если оба коммуниканта соблюдают эти правила развития общения по модели сотрудничества и гармоничного хода диалога, то такая интеракция будет кооперативной. Но если хотя бы один из собеседников поставит свои интересы выше интересов партнера и нарушит правила и нормы неконфликтного взаимодействия, то интеракция примет конфронтационное направление развития по типу предконфликтной

коммуникативной ситуации. Если оппонент “агрессора” ответит ему тем же, интеракция может развиваться в речевой конфликт и протекать по типу собственно конфликтной коммуникативной ситуации.

Коммуникативные тактики, реализуемые речевыми высказываниями, функционируют не изолированно, а в контексте языкового окружения (предшествующих высказываний, под воздействием которых они формируются, и последующих высказываний, на которые они направлены) и коммуникативной ситуации (физических условий протекания общения). Кроме того, в каждой конкретной ситуации общения социальные параметры коммуникантов, в особенности социальный вектор общения (нисходящий, восходящий или ненаправленный), также влияют на употребление того или иного типа высказываний. Все эти переменные вербального, тактико-стратегического, физического и социального контекстов обуславливают вариативность реализации аналогичных речевых намерений участников интеракции и влияют на эффективность используемых средств оформления тактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сухих, С.А.* Организация диалога / С.А. Сухих // Языковое общение : единицы и регулятивы : межвуз. сб. науч. тр.; редкол. : И.П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1987. – 138 с. – С. 95–102.
2. *Арутюнова, Н.Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики : Вступ. ст. / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. – С. 5–42.
3. *Колокольцева, Т.Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи / Т.Н. Колокольцева. – Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2001. – 260 с.
4. *Третьякова, В.С.* Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В.С. Третьякова. – Екатеринбург, 2003. – 301 л.
5. *Борисова, И.Н.* Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений / И.Н. Борисова // *Stylistyka*. – 1997. – №6. – С. 371–386.
6. *Белоус, Н.А.* Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н.А. Белоус. – Краснодар, 2008. – 48 с.
7. *Баранов, А.Г.* Формы языковой игры / А.Г. Баранов // Человек играющий : язык, личность, социум. – М. ; Тверь : Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 5–11.
8. *Дементьев, В.В.* Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
9. *Горелов, И. Н.* Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1980. – 238 с.
10. *Седов, К.Ф.* Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) / К.Ф. Седов // *Вопр. стилистики. Язык и человек*. – Саратов: Сарат. ун-т, 1996. – Вып. 26. – С. 8–14.
11. *Орлов, Ю.М.* Саногенное размышление обиды. – М.: Импринт-Гольфстрим, 1996. – 36 с.

12. Щербинина, Ю.В. Вербальная агрессия / Ю.В. Щербинина. – М. : УРСС; КомКнига, 2006. – 360 с.
13. Федорова, Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л.Л. Федорова // Вопр. языкознания. – М. : Наука, 1991. – № 6. – С. 46–50.
14. Горбачева, Е.Н. Спор как лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Горбачева. – Волгоград, 2006. – 20 с.
15. Евтушенко, О.А. Институциональный концепт «порицание» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Евтушенко. – Волгоград, 2006. – 19 с.
16. Ермолаева, Е.Н. Концепт “conflict” и его объективация в лексико-семантическом пространстве современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.Н. Ермолаева. – Кемерово : КемГУ, 2005. – 212 л.
17. Соловьева, А.К. О некоторых общих вопросах диалога / А.К. Соловьева // Вопр. языкознания. – 1965. – №6. – С. 103–110.
18. Рыжова, Л.П. Речевой этикет и языковая норма / Л.П. Рыжова // Языковое общение : единицы и регулятивы. : межвуз. сб. науч. тр.; редкол. : И.П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1987. – 138 с. – С. 51–57.
19. Колшанский, Г.В. Коммуникативные основы адекватной интерпретации семантики текста / Г.В. Колшанский // Содержательные аспекты предложения и текста : межвуз. тематич. сб. науч. тр.; редкол. : И.П. Сусов (отв. ред.) [и др.]. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1983. – С. 15–21.
20. Кафкова, О. О роли контекста в разных типах коммуникантов / О. Кафкова // Синтаксис текста / отв. редактор Г.А. Золотова. – М. : Наука, 1979. – С. 236–247.
21. Виноградов, С.И. Культура русской речи / С.И. Виноградов [и др.]. – М., 1999. – 243 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- DS – *Dervin, S. La Vénitienne* / S. Dervin. – Paris : Éd. Albin Michel, 1990. – 248 p.
- DF – *Deschamps, F. Louison ou l'heure exquise* / F. Deschamps. – Paris : Éd. Albin Michel, 1990. – 505 p.
- CJ – *Le Clézio, J.M.G. Désert* / J.V.G. Le Clézio. – Paris : Éd. Gallimard, 1980. – 446 p.
- LM – *Levy, M. Vous revoir* / M. Levy. – Paris : Éd. Robert Laffont, S.A., Susanna Lea Associates, 2005. – 320 p.
- BJ – *Bourin, J. Les Pérégrines* / J. Bourin. – Paris : Éd. François Bourin, 1992. – 539 p.
- CB – *Clavel, B. L'Espagnol* / B. Clavel. – Paris : Éd. Robert Laffont, S.A., 1959. – 448 p.

The article is devoted to the analysis of confrontational interaction features and contextual conditionality of linguistic means expressing speech tactics in real communication. The confrontational communicative interaction is considered in comparison with characteristics of the cooperative interaction. The description of the influence of various context parameters is based on their division into four areas: social, tactic-strategic, physical and language parameters.

Поступила в редакцию 11.07.2011

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА»
В КИТАЙСКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА
(на материале паремий)

В статье моделируется концепт «женщина», описываются гендерные стереотипы, сформированные в течение тысячелетий существования китайской культуры. Исследовано 420 пословиц и поговорок, в которых отражено положение женщины в традиционном китайском обществе. Концепт «женщина» в китайских паремиях вербализован двумя группами концептов «супружество» и «социальные роли». Исследованный паремийный материал позволяет выявить, что к прототипическим чертам, которыми наделен концепт «женщина», относятся: покорность; красота; опасность, коварство, вред; отсутствие ума; болтливость; верность; безраздельная власть мужа над женой, непрекаемое превосходство мужчины; место женщины – в пределах дома.

Гендерные отношения были предметом внимания китайского народа с древних времен. Особенности взаимоотношений мужчины и женщины зафиксированы в паремиях китайского языка. Предметом нашего анализа стал концепт «женщина» в китайской паремиологии.

Концепт в пословичной картине мира – это определенная ментальная репрезентация некой сущности, которая стоит за обозначаемой вещью или признаком вещи [1, с. 10]. По мнению А. Вежбицкой, для осмысления информации, полученной человеком по разным каналам, недостаточно только одних концептов, «нужны осмысленные комбинации концептов» [2, с. 299].

Выборка производилась на основе «Сборника китайских народных речений, пословиц и поговорок», изданного в Шанхае в 2004 г. [3], и сборника «Китайские пословицы и поговорки», изданного в Шанхае в 2001 г. [4]. Это наиболее полные издания, вышедшие в Китае. Из двух сборников, содержащих 41 404 изречения, мы выбрали 420 пословиц, репрезентирующих концепт «женщина». При переводе выбранных паремий стремились сохранить жанровое своеобразие народных выражений.

По принадлежности к семантическим областям можно выделить две основные группы концептов, связанных с концептом «женщина» :

– супружество (в китайском языке эта группа концептов представлена наиболее широко);

– социальные роли: мать, невеста, теща, сваха и др.

Во всех группах доминирует андроцентричный взгляд, что в целом характеризует положение женщины в китайском обществе как подчиненное. В группе «Супружество», значительное место занимают следующие подгруппы: отношение к факту супружества, бытовая и хозяйственная деятельность, зависимость жены и взаимозависимость супругов, принадлежность женщины к семье мужа. Спецификой китайского языка является наличие отдельных лексем для концептов «злая жена» и «добрая жена».

В подгруппе «Отношение к браку» при концептуальном сходстве в представлениях мужчин и женщин о роли брака: **男大当婚 女大当嫁** – Взрослый мужчина должен жениться, взрослая женщина должна выйти замуж, можно отметить и существенные различия в видении брака женщинами и мужчинами. Что касается схожих представлений, для женщин брак выглядит следующим образом: **嫁夫不好一世错** – Женщины боятся вступить в неправильный брак. Для мужчин: **种不好庄稼一季子, 说不好媳妇一辈子** – Плохой урожай на один год, но плохая жена влияет на тебя всю жизнь. Различия в представлении о браке у китайских мужчин и женщин заключаются в том, что *плохая жена* в китайской пословичной картине мира является неоспоримым злом, в то время как *плохой муж* может быть исправлен хорошей женой: **快马载笨蛋 聪明女人找傻男** – Рысак часто везет на себе дурака, мудрая женщина часто живет с глупым мужчиной.

В целом, большинство китайских пословиц и поговорок представлено в виде предложения из двух синтагм, разделенных запятой. Эти синтагмы могут представлять собой две равновеликие части, основанные на количественном, лексико-семантическом и грамматическом параллелизме. Такие пословицы и поговорки выделяются в особую группу – *яньюй* (谚语) параллельной конструкции. В китайских пословицах и поговорках, структурно представляющих собой параллельные построения, может наблюдаться как частичный, так и полный параллелизм.

Рассмотрим концепты «злая жена» и «добрая жена». «Злая жена» – это типично китайский концепт, который характеризует непокорную жену: **世间三件休轻惹 黄蜂老虎狠家婆** – На белом свете лучше не встречаться с тремя существами: осой, тигром и безжалостной женой; **毒妇心是鹤顶红** – Яд черного скорпиона или зеленой змеи не так опасен, как яд, находящийся в сердце женщины. В данных паремиях мы видим множество метафор, использование которых характерно для китайских пословиц. К примеру, *тигр* и *оса* олицетворяют *опасность*, а в сочетании с данными лексемами в числе однородных членов слово *жена* приобретает эту же коннотацию. Отметим, что сравнение выступает основным приемом, применяемым в китайских паремиях, описывающих характер женщины.

Невинная женщина, хорошая женщина, добродетельная женщина – это определения покорных женщин. В китайской пословичной картине мира положительно коннотирована женская безграмотность: **女子无才便是德** – Безграмотность – женская добродетель.

Одно из основных качеств жены и женщины вообще – красота: **女为悦己者容** – Женщина устремляется к красоте для любимого. В данной паремии ярко выражен мужской голос, который в целом характерен для китайской наивной картины мира. Критерии женской красоты определяются мужчинами: **凡笑语 莫高声** – Смех обязательно должен быть тихий; **笑不露齿, 食不出声, 行不露足** – При улыбке зубы не видны, при приеме пищи звуки не слышны, при ходьбе не видна подошва обуви. Использование повелительных коннотаций весьма характерно для данной группы паремий. Типичным для китайских пословиц является логический прием индукции, когда частный пример используется в обобщенном значении: к примеру,

тихий смех коннотирует *скромность, сдержанность*. Примечательно, что требование быть красивой относится только к женщине.

Согласно паремийному материалу, внутренняя красота жены должна находиться в соответствии с внешней: *出得厅堂 下得厨房* – Жена должна выглядеть так, чтобы с ней можно было выйти на прием, и уметь приготовить вкусное блюдо. В данном случае мы также видим индуктивность логики паремий. Так, за выражением *выйти на прием* – стоит более общее требование *быть красивой, уметь себя преподнести*.

В случае, когда мужчина выбирает партнера на всю жизнь, народная мудрость советует: *与其择漂亮的脸 不如择善良的心* – Красивому лицу предпочитай доброе сердце; *美妇悦人眼 贤妇悦人心* – Красивая женщина веселит глаза, мудрая женщина веселит сердце.

В подгруппе паремий «Быт и хозяйство» отмечается, что при разделении труда мужчина должен работать на улице, женщина – дома: *女正位乎内, 男正位乎外, 男女正 天地之大义也* – Правильное место женщины – дома, мужчины – на улице, мужчина и женщина должны каждый находиться на своем месте, это правое дело Вселенной. Трудовые обязанности женщины и мужчины различны и выражены в следующих паремиях: *姑娘讲绣花 秀才讲文章 农民讲种地 渔民讲海洋* – Девушка должна уметь вышивать, ученый – писать статьи, фермеры – заниматься сельским хозяйством, рыбаки – ловить рыбу; *男勤耕 女勤织 丰衣又足食* – Мужчина должен пахать землю, женщина должна ткать. Только тогда одежда и пища будут богатыми. Глаголы в этих пословицах указывают на типичные занятия женщин: ткать и шить, готовить пищу. Форма долженствования для китайских пословиц исследуемой группы весьма характерна. Если модальность долженствования не употребляется, она подразумевается глаголами настоящего времени несовершенного вида: *男主外女主内* – Мужчина работает на улице, женщина остается дома.

Роль женщины, связанная с ведением домашнего хозяйства, ставит ее в подчиненный мужчине статус, и исключает для нее любой общественный статус: *女子无才便是德* – Если у женщины нет таланта – это уже добродетель.

Традиционной китайской этике характерна абсолютная власть мужа над женой, это отмечается в подгруппе паремий «Место жены в семье мужа»: *天字当头 夫做主* – Муж, как небо, все зависит от него; *娶到的媳妇买到的马, 任我骑来任我打* – Жена, как купленный конь, на котором можно ездить, которую можно и бить. В то же время, подчеркивается, что тихая незаметная женщина выполняет важную функцию поддержки своего мужа: *头发丝绑得住老虎 善良妻劝得转恶夫* – Волосами можно связать дивного тигра, добрая жена может повлиять на плохого мужа.

При этом лексемы *муж* и *жена* в пословицах и поговорках также фиксируют взаимозависимые отношения: *鲜花虽美怕寒霜, 夫妻恩爱寿无疆* – Свежие цветы хоть красивы, но боятся мороза и инея, а если супруги любят друг друга, нет предела жизни. Данные паремии чаще всего имеют двухчастную структуру, в которой часть предложения, сообщающая об отношениях, соседствует с сообщением о том или ином явлении природы, метафорически описывающем эти отношения.

После вступления в брак женщины становятся частью семьи мужа: *生是夫家人 死做夫家鬼*, “*有夫从夫无夫从子* – Когда женщина жива, она принадлежит семье мужа, когда умирает, ее привидение принадлежит семье мужа. Большинство китайских пословиц отражает конкретные требования к женщине, связанные с ее покорностью: слушаться матери мужа, жить в гармонии с женами братьев и сестрами мужа, служить мужу, заниматься домашним хозяйством: *好妻子听从婆婆 好儿子听从老师* – Любящая жена почитает свекровь, любящий сын почитает отца и учителя.

Таким образом, женщина наделяется следующими прототипическими чертами.

1. Покорность в противовес непокорности (добрая или злая жена): *妇善夫成 妇恶夫败* – Жена добрая – муж знатен, жена злая – муж ничтожен.

2. Красота в противовес уродству (в китайской наивной картине мира некрасивая женщина – неприукрашенная или пожилая): *十八 廿三 塞过牡丹* – 18-летняя или 23-летняя девушка красивее, чем пион; *白头花钿满面 不若徐娘半妆* – Красивые цветы стыдятся, когда их втыкают в волосы пожилым женщинам. Стоит отметить, что внутренняя красота считается более важной, чем внешняя: *丑妻近地家中宝* – Занятие некрасивой жены сельским хозяйством принесет имущество и счастье семье.

3. Опасность, коварство, вред: *女人是上帝犯的錯誤* – Женщина – вторая ошибка Бога; *毒妇心似鹤顶红* – Сердце злой женщины, как страшный яд.

4. Отсутствие ума: *女人头发长 见识短* – У женщины волос долог, ум короток.

5. Болтливость: *一个女人一个锣, 两个女人一台戏* – Одна баба – гонг, а две бабы – гонг на гонг.

6. Верность в противовес неверности: *好女不吃两家饭* – Порядочная женщина не может есть рис двух мужчин.

7. Безраздельная власть мужа над женой, непререкаемое превосходство мужчины: *九个姑娘不如一个跛腿男儿* – Девять девочек не могут сравниться с одним мужчиной с хромой ногой; *天字当头 夫做主* – Абсолютная власть мужа над женой;

8. Место женщины – в пределах дома: *男子走州又走县, 女子围着锅台转* – Мужчина проехал по всей стране, женщина занимается только в кухне.

В исследуемой группе «Социальные роли» мы выделили 50 единиц паремий, в которых встречаются наименования социальных ролей женщины, представленных преимущественно в сфере родства: жена (20 упоминаний), мать (12), невестка (4), дочь (4), теща (3), свекровь (3) сестра (2), бабушка (2).

В китайских пословицах с лексемами родства часто используются устаревшие значения слов, например, в пословице *姑娘是个菜籽命, 撤到哪得哪得生* – Судьба девушки как семя, где вывел, там должно вырасти имеется диалектизм *哪得* где-нибудь, который используется только на юге Китая. В пословице *长兄如父, 老嫂比母* – Старший брат – как отец; старшая невестка – как мать есть прилагательное *老*. Его прямое значение – ‘старый’, которое в данной паремии используется в значении ‘старший’.

Китайские пословицы и поговорки с семами родства могут представлять собой простое или сложное предложение с различными типами сказуемого,

при этом бессюзная связь преобладает над союзной, часто опускаются предлоги и послелогии: *公公婆婆都是对* – Свекор говорит – свекор прав, свекровь говорит – свекровь права.

В двучленных китайских пословицах возможны различные преобразования. Чаще всего в пословицах параллельной конструкции, состоящих из двух равновеликих частей, построенных на количественном, грамматическом и лексико-семантическом параллелизме, встречается такой способ варьирования, как перестановка частей пословицы, например: *子不嫌母丑 狗不嫌家贫* – *狗不嫌家贫, 子不嫌母丑* – Дети не брезгуют, что мать некрасива, собака не брезгует, что семья бедна.

В группе «Социальные роли» наиболее важными для анализа концепта «женщина» являются, на наш взгляд, концепты «материнство» и «девичество» – они являются самыми многочисленными подгруппами в данной группе.

В традиционном китайском сознании, женщина несет на себе ответственность за воспитание детей: *娘好女好, 苗好米好* – Какова мать, такова и девушка, из лучшей рассады растет вкусный рис. В китайских пословицах и поговорках с лексемами родства широко используются переносные значения слов. Например, основное значение слова *女* – ‘девушка’, однако в этой пословице оно используется в значении ‘дочь’.

Важнейшая обязанность женщины – рождение детей: *母以子贵* – Мать почтенна благодаря ребенку; *有子方为妻, 无子便算婢* – Женщина с сыном называется женой, без сына – рабыней. Неудивительно, что в китайском традиционном обществе женщина, способная родить детей и родившая больше детей, имела больше уважения. И наоборот, если женщина не могла родить или родила мало детей, она подвергалась дискриминации и плохому обращению, даже могла быть изгнана из семьи мужа.

В китайской культуре мать и отец не могут быть равными: *母亲而不尊, 父尊而不亲* – Мать близка, но ее не стоит уважать; отец не близок, но его стоит уважать. Близкие отношения подразумевают чувства, а уважение – статус и власть. Пословица *既嫁从夫, 夫死从子* – После вступления в брак надо подчиняться мужу, после смерти мужа – сыну красноречиво свидетельствует о положении женщины. О дискриминации в отношении женщин свидетельствует и отношение к рождению мальчика, что называется «радостным событием с нефритом», и рождению девочки, которое называется «радостным событием с черепицей». Что стоит за сравнением драгоценного камня с черепицей? Думается, комментарии излишни.

Рассмотрим концепт «невеста», который напрямую связан с концептом «целомудрие»: *女要藏, 男要浪* – Женщины должны быть скрыты, мужчины должны быть открыты; *男女不同席* – Мужчинам и женщинам нельзя сидеть за одним столом. В приведенных контекстах лексема *женщина* употребляется в значении ‘незамужняя девушка’. Использование лексем родства в переносном значении характерно для китайской народной мудрости.

Обратившись к анализу лексем, описывающих другие социальные роли, связанные с концептом «женщина», в частности, лексем родства, мы выявили несколько специфичных для китайской наивной картины мира традиций, связанных с отношениями между родственниками. К примеру, пословица

岳母一声吼 蛋壳一番斗 – Теща, услышав от зятя «мать», от радости разбила корзину яиц свидетельствует о теплых отношениях между тещей и зятем, чего не наблюдается в паре «свекровь – невестка»: *河埠头讲婆母 念佛堂讲媳妇* – Невестки стирают – жалуется на свекровей, свекровь молится – жалуется Будде на невесток.

Различия в социальных ролях в семье в китайской культуре связаны с возрастом (старших уважают) и принадлежностью к родственникам со стороны мужа или со стороны жены (первых надлежит почитать больше): *好妻敬婆婆 好儿敬师长* – Не нужно говорить о достоинствах невестки, надо просто понаблюдать за ее поведением в доме свекрови; *好儿媳顶儿子* – Лучшее уважение невестки, чем сына; лучшее уважение зятя, чем дочери; *好儿媳不怕恶婆婆恶公* – Хорошая невестка не боится злых свекра и свекрови; *好妻敬婆婆 幸福* – Уважай свекра и свекровь – будет счастье.

Обобщая рассмотренный материал, можно сделать следующие выводы.

При анализе паремий выявлено, что женщина в китайском обществе занимает подчиненное положение по отношению к мужчине. Жена по отношению к мужу и его родственникам обязана быть покорной, целомудренной, подчиняться мужу, его семье и собственному сыну. Красота женщины – важнейшее требование патриархального общества, в то же время внутренняя красота преобладает над внешней в случае выбора мужчиной партнера на всю жизнь.

Материнство связано с социальным престижем, но мать, как и вообще женщина, находится в подчиненном положении сначала по отношению к мужу, затем по отношению к сыну. Женщина, которая не могла родить и воспитать детей подвергалась дискриминации.

Спецификой китайского языка является наличие отдельных лексем для концептов «злая жена» и «добрая жена», наличие разных лексем для обозначения родственников по линии жены или мужа, родственников разного возраста (*старшая* и *младшая сестра* именованы разными лексемами), а также использование лексем родства в переносном значении (*девушка* – *дочь*, *женщина* – *невеста*) или в качестве обращения к незнакомым женщинам (*сестра мужа* – к любой замужней женщине).

Гендерный стереотип на концепт «женщина» в китайских паремиях позволяет выявить национально-культурный компонент, обнаружить специфику китайского традиционного восприятия прототипических черт исследуемого концепта, которыми являются: покорность; красота; опасность, коварство, вред; отсутствие ума; болтливость; верность; безраздельная власть мужа над женой, непререкаемое превосходство мужчины; место женщины только в пределах дома.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Изд. РАН : Сер. лит. и яз. – 1994. – № 2. – С. 3–16.

2. *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / *А. Вежбицкая.* – М. : Наука, 2001. – 447 с.
3. 温端政 中国谚语大全 全两卷 上海辞书出版社 2004年 总页数 2386页 = *Вэнь, Дуаньяжэн.* Сборник китайских народных речений, пословиц и поговорок : в 2 т. / Дуаньяжэн Вэнь. – Шанхай : Shanghai Dictionary Publ. House, 2004. – 2386 с.
4. 王晓娜 歇后语和谚语 商务印书馆 2001年 总页数 270页 = *Ван, Сяона* Китайские пословицы и поговорки / Сяона Ван. – Шанхай: The Commercial Press, 2001. – 270 с.

The article models the concept of “woman”, describes the gender stereotypes formed over thousands of years of existence of Chinese culture. The article examines 420 proverbs and sayings that reflect the position of women in the Chinese traditional society. The concept “woman” in Chinese proverbs and sayings is realized by two groups of concepts: “spousal” and “social roles”. The analyzed proverbs and sayings reveal the prototype features which the concept “woman”, is endowed with: submissiveness, beauty, danger, cattiness, harm, lack of intelligence; trust; husband’s absolute power over his wife, the indisputable superiority of men.

Поступила в редакцию 19.09.2011

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.Н. Бартош

ФУНКЦИИ ДЕМОНСТРАТИВА
В БЕЗЛИЧНЫХ БЫТИЙНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
(МОДЕЛЬ *IL Y A N_{DÉT. DÉM.}*)

В статье на примерах из рекламных и художественных текстов рассматриваются особенности употребления указательных детерминативов перед именным компонентом безличной структуры *il y a*. При указании на реально существующие объекты действительности (преимущественно в рекламе) указательные детерминативы выполняют так называемую памятную/узнавательную функцию, основанную на наличии общей когнитивной базы у автора и адресата. В художественном тексте они ориентируют читателя на восприятие и интерпретацию вводимого структурой *il y a* объекта или явления с позиции субъекта дейксиса (рассказчика или персонажа), который задает его пространственно-временные ориентиры на данном этапе повествования. К этим функциям могут добавляться и иные, прагматические, связанные с намерениями субъекта: выражение оценки и тематическое или эмфатическое выделение элемента повествования.

В исследованиях конца XX – начала XXI в. наблюдается повышенный интерес к проблеме, связанной с функционированием указательных детерминативов в письменной речи (в частности, в художественных описаниях). Особое внимание лингвистов привлекает нестандартное с точки зрения традиционной грамматики употребление демонстративов при первом упоминании референта в тексте. В этом случае формы *ce/cette/ces* «не вписываются» в его канонические функции: ни в дейктическую – «идентификацию видимого объекта путем прямого указания на него в момент речи», ни анафорическую – соотнесение объекта с предшествующим контекстом [1, с. 200].

Грамматисты даже квалифицируют подобные употребления как *необычные* – *insolites* (М. Ноайи, М.-Н. Гари-Приер), *дерзкие* – *insolents* (Ж. Бенар), причем такая «необычность», в значительной степени специфична для высказываний с безличной бытийной структурой *il y a*. Использованию после структуры *il y a* именной группы с демонстративом, на первый взгляд, препятствует его идентифицирующая функция: «Les SN démonstratifs <...> sont peu compatibles avec les constructions existentielles et présentatives en *il y a* qui présentent le complément régime comme nouveau» [2, p. 133].

Тем не менее анализ практического материала показывает, что высказывания *il y a N_{dét. dém.}* не являются редким исключением. Определенное назначение они получают в описаниях рекламного характера (например, в туристических путеводителях):

Et puis il y a ces authentiques jus de fruits frais – pamplemousse, orange, fraise... – centrifugés maison, cet excellent chocolat chaud onctueux de chez Weiss, ou le café bien préparé servi sur un beau plateau, le tout à des prix raisonnables! [PF1, p. 63] (реклама ресторана).

A mi-chemin avec le bourg, il y a cette maison, cette table, cette auberge, assurément une des plus chaleureuses [PF2, p. 202] (реклама гостевых комнат).

Анализ высказываний с именной группой, сопровождаемой указательным детерминативом, требует обращения к участникам их создания и восприятия: говорящему (автору рекламы), адресату (читателю) и их отношению к объекту. Используя существительное с демонстративом, говорящий ставит перед собой задачу не только сообщить адресату о наличии в заданном месте называемого объекта, но и особым образом привлечь к нему внимание. Назначение указательного прилагательного – активизировать творческие и мыслительные процессы адресата. Иначе говоря, демонстратив обращен к памяти адресата, его предшествующим знаниям и опыту, благодаря которым референт может быть идентифицирован: «Le locuteur invite l’allocutaire à faire intervenir une expérience commune en vue du repérage du référent. <...> Le démonstratif mobilise des connaissances qui permettent de réperer le référent par association avec ces connaissances» [3, p. 109].

Можно допустить, что потенциальный адресат никогда не посещал представляемые в рекламе места и не слышал о них (и, следовательно, не обладает знаниями о них), однако это не является препятствием для употребления демонстративов. Сообщая о «тех настоящих свежесжатых фруктовых соках», которые подают хозяева заведения, о «том восхитительном густом горячем шоколаде от фирмы Weiss», «том домике с тем столиком», «той гостеприимной сельской гостинице», автор рекламы предполагает, что у адресата уже имеется положительный опыт, необходимые знания и представление об объектах, похожих на описываемые в рекламе, поскольку рекламные тексты ориентированы на конкретную целевую аудиторию: «Les démonstratifs signalent que le référent doit être inséré dans un univers de connaissances intersubjectives, stéréotypiques» [4, p. 28]. Кроме того, использование демонстративов способствует реализации конативной функции сообщения: привлечь внимание адресата, расположить его к себе, установить с ним отношения доверия, которым обычно способствуют общие знания и воспоминания. А с грамматической точки зрения наличие возможного или реального общего опыта автора и адресата становится обоснованием употребления демонстративов при первом упоминании объекта.

Способность указательных детерминативов осуществлять референцию к тому, что отсутствует в поле зрения коммуникантов и что не упоминается в предтексте, но может быть известно или вполне адекватно воспринято на основании общего опыта или знаний, была названа немецким ученым Н. Химмельманом *узнавательным употреблением (recognitional use)* [5, p. 230]. В современных французских грамматических исследованиях предлагаются термины *памятные демонстративы, памятное употребление демонстративов, памятный дейксис (démonstratifs mémoriels, employ mémoriels des démonstratifs, déixis mémorielle)*. Установлению связи неанафонических демонстративов с дейксисом (*déixis mémorielle*) во многом способствовали идеи К. Бюлера об универсальности этого явления, его способности реализо-

вываться не только в зрительном (*ad oculos*), но и ментальном или вымышленном (несуществующем) пространстве говорящих, что получило название *дейксиса к воображаемому (Deixis am Phantasma)* [6, с. 111–127].

Высказывания с «памятными» демонстративами могут использоваться и с обобщающим значением, если представляемые объекты референтны не к конкретному элементу действительности, а к общему, типизированному представлению/знанию о нем автора и адресата. При этом именная группа, как правило, сопровождается определительным придаточным предложением, указывающим на такие признаки референта, благодаря которым возможно его представление в сознании адресата [3, р. 110]. Например:

Il y a ces femmes qui s'accrochent à un homme parce qu'elles n'ont aucun pouvoir sur leur vie à elles [S.D., р. 122].

В подобных высказываниях указательные детерминативы функционально сближаются с неопределенными артиклями [7, р. 17]. Однако такая замена приводит к «обезличиванию» высказывания, потере авторской субъективности, выражаемой демонстративом. Ср.:

Il y a des femmes qui s'accrochent à un homme parce qu'elles n'ont aucun pouvoir sur leur vie à elles.

Артикль *des (femmes)* лишь констатирует факт существования женщин определенного склада характера, демонстратив же предполагает некоторый личный опыт или знания говорящего: *il y a ces femmes qui...* – это сообщение о женщинах, жизненная позиция которых хорошо известна автору высказывания. Отсюда – возможность выразить через демонстратив оценку (положительную или отрицательную): *ces femmes qui...* может передавать и сочувствие, и иронию по отношению к «тем/таким женщинам», которые не властны над своей жизнью и надеются только на мужчину.

Особое назначение демонстративы могут получать и в художественных текстах. Долгое время их употребление изучалось преимущественно в свете вторичных (прагматических) и стилистических значений. Начиная с конца XX в. внимание лингвистов фокусируется на эгоцентрической природе неанафорического демонстратива: «il (le démonstratif) est dit exprimer la subjectivité du locuteur» [8, р. 16]. Это положение значительно расширяет сферу действия указательного детерминатива как одного из средств раскрытия субъектной многоплановости художественного повествования.

По мнению М.-Н. Гари-Приер, неопределенный артикль при первом упоминании имени лишен субъектных характеристик, что делает его подобным местоимению *il* – «не лицу», в то время как демонстратив позволяет включить третье лицо в систему отношений, образуемой местоимениями «лица» *je – tu* [7, р. 20]. Иными словами, в повествовании от третьего лица демонстративы служат указателями не только на называемый объект, но и на субъекта, с чьей позиции воспринимается и оценивается этот объект.

Способность неанафорических демонстративов «оживлять» повествование, придавать ему оттенок спонтанности, ощущения прямого указания на предметы художественного мира (как бы от лица воспринимающего субъек-

та) Ж. Бенар называет термином *имитирующий дейксис* (*déixis imitative*) [9, p. 110]. Н. Химмельман предлагает термин *дискурсивно-дейктическое* употребление демонстративов (*discourse deictic use*) и включает их в число средств *дискурсивного дейксиса* (*discourse deixis*) [5, p. 224–226]. В русскоязычной лингвистической литературе используется иное обозначение – *нарративный дейксис*, входящий в категорию вторичного дейксиса, называемый также *дейктической проекцией* [10, с. 7]. Эти термины становятся указанием на момент пересказа или воображаемого мира: в художественном тексте меняется пространственно-временная позиция по отношению к описываемым событиям.

Демонстратив как показатель вторичного дейксиса оказывается способен отсылать к любой точке ментального/воображаемого пространства и времени, определяемой не только с позиции автора и читателя, но и персонажа – участника условного мира художественной реальности. Поэтому в свете теории нарративного дейксиса демонстративы исследуются в их непосредственной связи с субъектом восприятия. В исследованиях французских лингвистов они рассматриваются как указатели/маркеры дейктического центра повествования, точки зрения (*point de vue*)¹, эмпатии (*empathie*)² [8].

Мы также попытались выявить специфику функционирования демонстративов на примере употребления высказываний с безличной структурой *il y a* в художественных текстах.

В моносубъектном тексте, в котором повествование ведется от первого лица, демонстратив может указывать лишь на точку зрения (перспективу видения) самого говорящего субъекта. Так, в отрывке *Je tentai de réfléchir. Je pouvais peut-être faire du stop... Mais il y avait cette chaleur...* [P.R., p. 17] описываются события, пережитые говорящим. Рассказывая о них, он вспоминает сильную жару («*ту жару*») и сообщает об этом читателю (*il y avait cette chaleur*). Вместо неопределенного артикля и «интенсивного» прилагательного типа *une chaleur écrasante/étouffante/forte* и т.п. употребляется демонстратив, что как бы заставляет читателя представить «*ту жару*» именно *такой*, какой она осталась в памяти самого субъекта. Благодаря *cette* создается эффект условного приближения к читателю пространственно-временной рамки описываемых событий: «le narrateur ou un personnage se rappelle un événement dont les ingrédients désignés à l'aide d'un démonstratif, deviennent

---

¹ В лингвистической науке и литературоведении существует множество подходов к определению категории *точки зрения*. Одно из наиболее полных и развернутых определений было предложено Н.Д. Тамарченко: «точка зрения в литературном произведении – положение «наблюдателя» (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое, с одной стороны, определяет его кругозор – как в отношении «объема» (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого; с другой – выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [11, с. 221].

² *Эмпатия* – это сближение позиции автора/говорящего с позицией одного из персонажей. Данное явление также называют *фокусом эмпатии*: под этим термином понимается «носитель точки зрения», «тот исходный пункт, в который помещает себя говорящий, строя имена для других объектов» [12, с. 205].

tout à coup plus proches, comme s'il les voyait ou ressentait et comme s'il invitait le lecteur à partager cette expérience» [2, p. 132–133]. Таким образом, читатель воспринимает изображенный мир с позиции/точки зрения говорящего субъекта, как бы «видит» события его глазами.

В полисубъектном тексте возможна множественность точек зрения – «полископия» (*polyscopie* – от греч. *poly* – ‘много’ и *skopeo* – ‘смотрю’) [13, p. 203], так как «угол обзора» описываемой ситуации меняется. Появление в таких текстах неанафорического указательного детерминатива может служить сигналом смещения точки видения (дейктического центра) из сферы рассказчика в сферу персонажа, и наоборот: «le rôle du déterminant démonstratif <...> c'est de forcer le lecteur à repérer un focalisateur, un centre déictique» [14, p. 286]. Однако, как отмечает Ж. Клебер, для того, чтобы однозначно ответить на вопрос, с чьей позиции/перспективы воспринимается описываемая ситуация, недостаточно исходить лишь из формальных признаков (каковыми являются указательные дейктики), необходим тщательный анализ контекста и всех используемых в нем лексико-грамматических средств [8, p. 17–20].

В связи с замечаниями Ж. Клебера представляет интерес анализ статуса высказываний *il y a N_{dét. dém.}* в полископическом тексте. В этом плане следует отметить теоретические и практические исследования А. Рабателя, который пришел к заключению, что *il y a*, наряду с другими презентативными конструкциями (*c'est, voici/voilà*), используется не только для введения информации о новых объектах или лицах, но и является «идеальным способом» репрезентации нового источника точки зрения. Это объясняется тем, что презентативные конструкции (как и демонстративы) предполагают присутствие *субъекта сознания (sujet de conscience)*, т.е. инстанции, непосредственно воспринимающей объекты и осмысливающей явления, о существовании или наличии которых сообщается в тексте [15, p. 114–115].

В следующем художественном отрывке от первого лица субъект речи рассказывает историю знакомства своих родителей; его отец, артист бродячего цирка, бросил мать еще до рождения сына:

Ma mère se promenait dans la vieille ville. <...> L'air était chaud et il y avait des spectacles à presque tous les coins de rue. <...> Et là, sur une petite place, il y avait ce jongleur, faisant tournoyer autour de lui des boules de feu. Il avait des réparties brillantes, captivant son auditoire et ma mère, le fut aussi [A.Th., p. 41].

Первые высказывания относятся к говорящему субъекту – сыну (также субъекту дейксиса) и сохраняют дистанцию по отношению к событиям прошлого: он не видел, а только знает то, о чем повествует, со слов матери. Таким образом, говорящий – сын выступает в роли «посредника» между своей матерью и читателем, который воспринимает и интерпретирует пережитые ею события так, как их воспринял в свое время он сам. Высказывание *Et là, sur une petite place, il y avait ce jongleur* становится новой точкой зрения: то, что происходит на площади («этот жонглер, подбрасывающий вокруг своего тела огненные шары»), воспринимается уже как бы глазами самой матери (непосредственного субъекта восприятия). Несмотря на

сохранение временной формы прошедшего времени, у читателя возникает эффект приближения к ее временному пространству и ощущение ее собственных впечатлений от увиденного.

Однако возможна трансформация: *Et là, sur une petite place, elle vit ce jongleur, faisant tournoyer autour de lui des boules de feu.*

Употребление перцептивного глагола вместо структуры *il y a* воспринимается как логическое продолжение пересказа «чужих» воспоминаний, начатых в первых высказываниях текста (часть цепочки *ma mère se promenait – elle vit ce jongleur – elle fut captivée*). Субъектом дейксиса (и носителем точки зрения) в течение всего описания остается сын. И хотя «этого жонглера» увидела мать, употребление дейктика *se* связывается скорее с субъектом пересказа (сыном). Функция демонстратива, на наш взгляд, состоит в эмфатическом выделении нового (и одновременно ключевого для описываемой сцены) персонажа. Таким образом, если демонстратив *se* только сигнализирует о потенциальном сдвиге дейктического центра, без структуры *il y a* этот процесс остается незавершенным. Именно благодаря безличности *il y a* на какое-то время происходит «устранение» сына: читатель сам (не через «посредника» – сына) интерпретирует описываемые события, связывает увиденное («этого жонглера») с матерью и «наблюдает» за событием ее глазами.

Способность демонстратива выделять называемый объект из общего событийного фона, акцентировать его значимость на определенном этапе описания событий требует обратить внимание еще на одну функцию высказываний *il y a N_{dét. dém.}*. Если традиционные анафорические указательные детерминативы служат признаком ‘непрерывности’ (*continuité*) повествования, то «нетрадиционные» могут свидетельствовать о ‘разрыве’ (*rupture, détachement*) с предыдущим участком текста, что позволяет выделить информативно значимый объект, сфокусировать на нем внимание читателя: «le narrateur à l’aide d’un SN_{dém.} isole le référent et le sort du cadre narratif pour fournir des renseignements supplémentaires à son sujet» [14, p. 292]. Этот факт говорит о том, что демонстратив выполняет тематизирующую функцию: «le démonstratif signale que le référent du SN qu’il introduit devient le thème du discours» [4, p. 23–24]. Эффект *тематизации*¹ (или *тематического выделения* – термин Е.В. Падучевой) может усиливаться благодаря экзистенциальной структуре *il y a*, которая выступает в роли ‘указателя на место смены топика’ – «relais topique» [15, p. 128]. Таким образом, структура *il y a N_{dét. dém.}* оказывается эффективным способом привлечения внимания читателя к важному для сюжетной линии художественного текста объекту или событию, о котором пойдет речь в дальнейшем.

Например, в следующем отрывке речь идет о молодом человеке, который ищет спутницу жизни через брачные объявления в газетах. О его пристрастии к такому способу знакомства с женщинами известно из предтекста – накануне у него было свидание с незнакомкой:

---

¹ Под *тематизацией* понимается этап информирования говорящим адресата о последующем предмете своего сообщения, с тем, чтобы «соответствующим образом ориентировать его восприятие» [16, с. 72].

Encore hier, après son travail, il avait rendez-vous avec une jeune femme qu'il n'avait encore jamais vue [J-R.F., p. 85].

Далее рассказчик как бы забывает об этом эпизоде, поскольку упомянул о нем в связи с подробным описанием личности персонажа и его привычек. Он продолжает рассказывать читателю, каким застенчивым, нерешительным и невезучим в личной жизни был молодой человек. Однако в начале следующего абзаца спохватывается:

Oui, hier soir. Il y avait ce rendez-vous avec une jeune femme dans un bar de la ville [J-R.F., p. 86].

Значимость данного эпизода (свидания) в жизни персонажа подчеркивается его повтором в начальном высказывании абзаца и употреблением демонстратива *ce*. Читатель тем не менее не воспринимает существительное *ce rendez-vous* как простой анафорический повтор. Высказывание *Il y avait ce rendez-vous* вводит свидание как отдельный эпизод, сообщив о котором автор сразу переходит к его детальному описанию, раскрывающему сущность и целевое назначение данного события в сюжетной линии романа.

Таким образом, основной функцией демонстративов в высказываниях *il y a N_{dét. dém.}* в письменной коммуникации является указательность, имеющая своим источником вторичный дейксис: «памятный/узнавательный» как указание на потенциально известный или узнаваемый адресатом объект и нарративный как указание на объект виртуального мира художественного повествования. Кроме того, употребление дейктических демонстративов содержит указание на субъект, воспринимающий и отражающий в своем сознании называемые объекты и явления, что также позволяет использовать их для выражения дополнительных прагматических значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Charolles, M. La référence et les expressions référentielles en français / M. Charolles. – Paris : Editions Ophrys, 2002. – 258 p.
3. Carlier, A. Du démonstratif à l'article défini: le cas de ce en français moderne / A. Carlier, W. De Mulder // Langue française. – Paris, 2006. – Vol. 4, № 152. – P. 96–113.
4. De Mulder, W. Du sens des démonstratifs à la construction d'univers / W. De Mulder // Langue française. Langue française. – Paris, 1998. – № 120. – P. 21–32.
5. Himmelmann, Nikolaus P. Demonstratives in Narrative Discourse : A Taxonomy of Universal Uses / Nikolaus P. Himmelmann // Studies in Anaphora. – Amsterdam : John Benjamins, 1996. – P. 205–254.
6. Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2001. – 504 с.
7. Gary-Prieur, M.-N. Le démonstratif dans les textes et dans la langue / M.-N. Gary-Prieur, M. Léonard // Langue française. – Paris, 1998. – № 120. – P. 5–20.

8. *Kleiber, G.* Démonstratifs: emplois à la mode et mode(s) d'emploi / G. Kleiber // *Langue française*. – Paris, 2006. – Vol. 4, № 152. – P. 9–23.
9. *Bénard, J.* Démonstratifs insolents. De quelques emplois du démonstratif dans le texte célinien / J. Bénard // *Langue française*. – Paris, 1998. – № 120. – P. 110–124.
10. *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян // *Семиотика и информатика*. – М. : ПИК ВИНТИ, 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
11. *Бройтман, С.Н.* Теория литературы : учеб. пособие для вузов : в 2 т. / С.Н. Бройтман, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа ; под ред. Н.Д. Тamarченко. – М. : Академия, 2007. – Т. 1 : Теория художественного дискурса; Теоретическая поэтика. – 512 с.
12. *Падучева, Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью : Референциальные аспекты семантики местоимений / Е.В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
13. *Wilmet, M.* Grammaire rénovée du français / M. Wilmet. – Bruxelles : De Boeck, 2007. – 336 p.
14. *Jonasson, K.* Deux marqueurs de polyphonie dans les textes littéraires: le pronom ON et l'article démonstratif CE / K. Jonasson // *Dialogisme et polyphonie: approches linguistiques*. – Bruxelles : De Boeck Supérieur, 2005. – P. 281–295.
15. *Rabatel, A.* Valeurs énonciative et représentative des «présentatifs» *c'est, il y a, voici/voilà*: effet point de vue et argumentativité indirecte du récit / A. Rabatel // *Revue de Sémantique et Pragmatique*. – Orléans, 2001. – № 9. – P. 111–144.
16. *Микута, И.В.* Тематизация высказывания во французской разговорной речи / И.В. Микута // *Вопросы филологии и методики преподавания романогерманских языков*. – Омск, 1999. – С. 72–76.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- PF1 – *Auzias, D.* Le Petit Futé Haute-Savoie / D. Auzias. – Petit Futé, 2010. – 396 p.
- PF2 – *Auzias, D.* Le Petit Futé Finistère : 2010–2011/ D. Auzias. – Petit Futé, 2010. – 336 p.
- S.D. – *Desrosiers, S.* Retour à Lointainville / S. Desrosiers. – Montréal : Éditions La courte échelle, 2005. – 199 p.
- P.R. – *Restoueix, P.* Bascules / P. Restoueix. – Editions Le Manuscrit, 2007. – 104 p.
- A.Th. – *Thoreau, A.* Le retour du Sorcier Noir / A. Thoreau. – Books on Demand France, 2010. – 264 p.
- J-R.F. – *Fournier, J.-R.* Douceur de vivre à Oaxaca / J.-R. Fournier. – Editions Publibook, 2011. – 300 p.

The article studies textual uses of the demonstrative determiners in existential sentences constructed around *il y a*. The analysis shows that they are related to the phenomena of secondary deixis, i.e. they serve to designate an object in the text universe. Moreover, the demonstrative determiners can perform pragmatic functions in a text.

Поступила в редакцию 23.09.11

О.В. Василевская

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТА «СПОРТСМЕН» В МЕДИЙНОМ ТЕКСТЕ

В статье представлено описание фрагмента языковой картины спортивного мира, отраженной в печатных средствах массовой информации на английском и белорусском языках. В исследовании устанавливается субъектная структура событий, освещаемых в газетных текстах спортивной тематики, формализуются коммуникативно релевантные характеристики субъекта «спортсмен» и определяются способы их языковой репрезентации. Посредством анализа семантики событий с участием данного субъекта выявлены его типовые действия и роли, а также средства их вербализации в структуре спортивного медиатекста

Интерес к спорту в современном обществе определяет растущее значение спортивной коммуникации в рамках институционального и межличностного общения. Спортивный дискурс актуализируется в ходе спортивных мероприятий, их обсуждении и комментариях, освещении связанных со спортом событий в СМИ и т.д. Подобный дискурс можно определить как «процесс тематически обусловленного общения, детерминированного социально-историческими условиями, специфика которого отражается в совокупности текстов (в широком – семиотическом – понимании этого термина), характеризующихся концептуальным, речевым и прагматическим своеобразием» [1, с. 16]. Данное Е.Г. Малышевой определение основано на теориях Т.А. ван Дейка, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Г.Н. Манаенко и позволяет эксплицировать специфику дискурса через исследование совокупности текстов, «которые продуцируются субъектами дискурса в процессе общения в рамках какой-либо сферы человеческой деятельности» [Там же].

Медиаопосредованная спортивная коммуникация представляет собой тип институционального дискурса, который характеризуется В.И. Карасиком как «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [2, с. 193]. К признакам институционального дискурса традиционно относят участников коммуникации, хронотоп, цель, ритуальные стратегии (речевые действия в типовых ситуациях) [3], определенные речевые ограничения, коммуникативные роли, глобальную организацию [4]. Помимо этого В.И. Карасик выделяет сферу общения и коммуникативную среду, тональность, стиль и жанр общения, а также знаковое тело общения (тексты и/или невербальные знаки), утверждая данные признаки дискурса в качестве конститутивных [2].

Настоящее исследование нацелено на формализацию характеристик участников спортивной деятельности и выявление инвентарного набора речевых действий авторов спортивного медиадискурса, манифестирующих

данные характеристики в тексте. Такие тексты опосредуют дискурс спортсменов, фанатов, тренеров, спортивных чиновников, которые пересекаются с другими типами дискурса: идеологическим, политическим, медицинским, экономическим, обиходно-бытовым. Участник в настоящем исследовании определяется как субъект, т.е. любой агент деятельности (индивид, группа индивидов, организация, институт), транслируемой автором спортивного сообщения. В нашем случае такие сообщения представлены новостными и аналитическими текстами, отобранными из белорусско- и англоязычных газет.

Характеристики субъектов имеют дискурсивную, культурную и социальную обусловленность. Для идентификации участника говорящий субъект (автор сообщения) обращается к доступным ему и реципиенту прецедентным моделям (вербальным и ментальным) [5]. В исследовании устанавливается субъектная структура событий, освещаемых в рамках спортивной коммуникации в белорусской и английской прессе, определяются вербальные способы идентификации одного из важнейших ее субъектов – спортсмена, а также определяются присущие ему характеристики и типовые ситуативные роли. Коммуникативно релевантные для изучаемых текстов характеристики субъекта «спортсмен» представляют собой его категориальное описание, которое задается типичными признаками соответствующего денотата, с одной стороны, и семантикой реализующих их языковых средств, с другой. Выявление данных характеристик осуществлялось на основании интерпретации, логического анализа, анализа словарных дефиниций и метода семантического развертывания.

Субъектная структура спортивного дискурса представлена множеством единичных субъектов, объединенных в нашем исследовании в классы на основании сходства выполняемых ими экстралингвистических функций. Так, в спортивном дискурсе белорусско- и англоязычной прессы были выделены классы «участники», «любители спорта», «спонсоры», «социум», «СМИ». Спецификой белорусскоязычных текстов является наличие субъектного класса «государство», реализующего тесную связь белорусских государственных институтов и непосредственных участников спортивных событий.

Субъект «спортсмен» был включен в класс «участники соревнований» наряду с тренерами, спортивной администрацией, вспомогательным персоналом (медиками, массажистами и пр.), т.е. теми агентами, которые оказывают непосредственное влияние на реализацию состязательного момента. Средства вербальной манифестации исследуемого субъекта подразделяются на *группы* в зависимости от отражаемых ими характеристик денотата и выполняемых им статусных ролей.

В первую группу включен языковой тезаурус, актуализирующий *профессиональную принадлежность* спортсменов. Данные языковые маркеры субъекта реализуют в дискурсе сему 'человек, занимающийся спортом'. Подобные языковые средства представляют общие обозначения спортсменов – лексемы, наиболее обобщенно демонстрирующие принадлежность

денотата к миру спорта (*гулець, зборная, player, team*), и номинацию специализаций спортсменов, лимитирующую их принадлежность к определенному виду спорта (*лёгкаатлет, нападаючы, scrum-half, winger*). Отметим, что в соответствии с данными толковых и энциклопедических словарей кодифицированно «спортивными» являются лишь средства обозначения спортивных специализаций. Они объективируют значение ‘спортивная деятельность человека’ и реализуют спортивную семантику вне зависимости от контекста и типа дискурса.

Значительная часть тезауруса «общих» наименований спортсменов характеризуется коммуникативной релевантностью, т.е. широкой употребительностью в спортивном дискурсе. Однако в словарном значении таких единиц может отсутствовать сема ‘человек, занимающийся спортивной деятельностью’. К подобным средствам мы относим вербальные маркеры субъекта «спортсмен» типа *клуб, супернік, club, rival* и т.п., которые манифестируют свой «спортивный» семантический потенциал только в рамках спортивного дискурса.

К контекстуальным средствам номинации спортсменов относятся дейктические единицы, часто выраженные местоимениями (*мы, яны, we, they*) или общей лексикой. Данные единицы в дискурсе приобретают спортивную семантику окказионально. Например, в статье «Saracens Steal The Show» контекстуальным маркером субъекта «спортсмен» выступает существительное *men*, ‘люди, мужчины’: *When men commit so much to the battle, <...> it is hard to criticise* (The Times, 28.12.08).

Метафорические средства номинации спортсменов реализуют значения ‘соратник по команде’ (*калега па цэху*), ‘сплоченность команды’ (*family*), ‘новый игрок в команде’ (*fresh blood*) и ‘группа игроков’ (*дружына, squad*). Последние, помимо «групповой» семантики, объективируют бойцовские качества денотатов и способствуют реализации одной из наиболее частотных метафорических моделей спортивного дискурса «спорт – это война» [1].

Характерной чертой дискурса белорусскоязычных газет является освещение не только профессионального спорта, но и спорта любительского – физического развития рядовых граждан страны. На языковом уровне данная особенность актуализируется оппозицией следующих лексем: *прафесіянал – амаатар*. В данном случае все перечисленные ранее языковые маркеры будут относиться к средствам номинации профессиональных спортсменов. Семантика второго компонента этой оппозиции актуализируется разнообразными лексическими средствами с интегральной семой ‘человек’ (*дзеці, насельніцтва, грамадзянін*), окказионально преобразующейся в сему ‘человек, занимающийся спортом’: *Для таго, каб дзіця навучылася правільна абыходзіцца з мячом, прапануюцца практыкаванні, якія можна развучаць і дома* (Чырвоная змена, 17.02.10). Аналогично приобретению словом нового значения вследствие словообразовательного процесса – семантическому приращению – данное преобразование можно идентифицировать как дискурсивное приращение семантики.

Следующей коммуникативно релевантной характеристикой спортсменов, объективируемой в спортивном дискурсе, является их *географическая принадлежность*. Данная характеристика на языковом уровне репрезентируется именами собственными и нарицательными и отражает происхождение спортсмена. Возможны словосочетания типа «существительное + существительное» (*прадстаўнік Беларусі*), а также типа «прилагательное + существительное» (*барысаўскі БАТЭ*). Подобные модели характерны для белорусскоязычного дискурса. В текстах на английском языке для вербализации данного признака спортсменов типично использование метонимического переноса (*England will win the next World Cup*), где для определения географической принадлежности команды используется название целой страны. Данная модель языковой репрезентации географической принадлежности спортсменов встречается и в белорусском языке: *мы спецыяльна абралі ў супернікі Казахстан* (Звезда, 4.02.11).

Языковой тезаурус *гендерной принадлежности* спортсмена представлен лексическими единицами, идентифицирующими его пол: существительными (*юнакі, girls*), сочетаниями прилагательного и существительного в белорусском языке (*хланчуковая каманда*) и существительного с существительным в английском (*men's tennis*).

Возрастная принадлежность субъекта «спортсмен» реализуется существительными (*юніёр, juniors*), прилагательными с соответствующей семантикой (*юны спартсмен, young John*), а также словосочетаниями с числительными (*ва ўзросце ад 18 гадоў, Senna, 25*).

Такая дискурсивная характеристика спортсменов, как социальная значимость, в исследуемом дискурсе отражает их популярность и заслуженность. Заметим, что первая характеристика не отмечена в дискурсе британских газет. Статус «популярный спортсмен» в белорусских текстах реализуется посредством лексических единиц, объективирующих сему 'известность, знаменитость'. Они представлены прилагательными (*знакаміты, славуты*) либо существительными (*зорка*). Заслуженность спортсмена определяется результатом его достижений на спортивной арене либо отсутствием таковых, что объективирует семантика следующих лексических единиц: *чэмпіён, лідар, аўтсайдар, winner, champion, loser*.

Характеристика «профессиональный уровень спортсменов», в отличие от профессиональной принадлежности, манифестирующей род занятий денотата, отражает уровень их профессиональной подготовки. Поэтому все объективирующие данный признак языковые знаки характеризуются наличием общей семы 'способность', 'умение': *кваліфікаваны абаронца, Jamie Noon lacks class*. Манифестация профессионализма спортсменов может осуществляться посредством метонимического переноса. Например, существительное *футбол* во фразе *такі слабы футбол*, на наш взгляд, актуализирует сему 'профессиональные качества игроков', представляя перенос слабого уровня подготовки спортсменов на вид спорта в целом.

Коммуникативно релевантным для спортивного дискурса печатных СМИ является отражение психоэмоциональных и физиологических состояний спортсменов. Тезаурус, манифестирующий психоэмоциональное состоя-

ние спортсменов, представлен языковыми средствами, узуально или контекстуально реализующими данную семантику. Среди узуальных средств в текстах на белорусском языке были отмечены глаголы состояния (*нервавацца*), в текстах на обоих языках – существительные и прилагательные с семой 'эмоция' (*быць у шоку, быць у добрым настроі, look nervous, happy*). Контекстуальную семантику переживаемых спортсменом эмоций могут приобретать как отдельные лексические единицы, так и целые предложения. Рассмотрим следующий пример, в котором белорусская легкоатлетка делится своими переживаниями в ожидании результата женской эстафеты: *Калі Алёна Кіевіч на першым этапе перадала палачку першай, мы зразумелі, што трэба працягваць у тым жа духу. Калі прабеглі дыстанцыю, у нас быў шок. Мы ні з кім не размаўлялі, ішлі ўчатырох – і ні слова* (Звезда, 19.03.09). Помимо узуальных средств вербализации эмоций (*шок*) эмоциональность данного фрагмента задается контекстуальными средствами (*не размаўлялі, ні слова*), значение которых окказионально актуализирует волнение, возбуждение и радость от реальной возможности получения места на пьедестале.

Языковая репрезентация физиологического состояния спортсменов в исследуемых текстах маркирована употреблением лексики, свойственной медицинской коммуникации: *be injured, have hamstring tear, be tired, быць здаровым, атрымаць траўму, быць у форме*.

Непременным компонентом дискурсивного образа субъекта «спортсмен» являются его типовые действия. Для исследуемых текстов характерной является деятельность спортсменов по подготовке к соревнованиям, их проведению, достижению ими определенного результата и т.п.

Семантика предсоревновательной деятельности спортсменов в исследуемом типе дискурса объективируется лексическими единицами разных частей речи (глаголами, отглагольными существительными, прилагательными) с общим значением 'подготовка': *трэніравацца, вучэбна-трэніровачны збор, training*. Осуществляемые спортсменами во время подготовки планы и прогнозы предстоящих событий на языковом уровне актуализируются лексемами *hope, chance, ambition, задача, мэта, план* и т.п. в сочетании с определением желаемого результата: *try to stay on top, hope to continue their attack, мэта – прабіцца ў кваліфікацыю, задача заваяваць дзесяць медалёў*.

Для актуализации действий спортсменов во время самого состязательного момента в спортивном дискурсе привлекаются лексические единицы с семой 'участие в соревнованиях' (*гуляць, play*), 'состязание' (*спаборніцаць, compete*), 'движение' (*рухацца, run*). В английском спортивном дискурсе встречаются средства объективации умственной активности спортсменов: *intellectualise a game, concentrate*.

Достижение определенного результата является основной целью спортивной деятельности, что подтверждается данными словарей и частотностью употребления языковых средств, в исследуемом дискурсе актуализирующих соответствующую деятельность спортсмена. Такие действия объективи-

руются лексическими единицами со словарным либо контекстуальным значением ‘достижение’ или ‘отсутствие достижения’. К узуальным языковым маркерам рассматриваемых действий относятся лексические единицы *выйграць, перамагчы, прайграць, забіць, win, beat, lose, score* и т.д. Для вербализации подобных действий характерно использование лексем с семантикой увеличения/уменьшения: *падняцца на трэці радок, slip to fourth in the table*. Среди средств вербализации действий спортсменов по достижению результата в белорусскоязычном дискурсе были отмечены лексические единицы *даказаць, пацвердзіць (пацвердзіць свой высокі ўзровень)*. В данном случае эти лексические единицы демонстрируют окказиональное значение ‘достижение результата’.

Языковая манифестация действий по достижению результата также осуществляется метафорически. Так, к примеру, фраза *надзеі балельшычкаў былі ўтантаны ў газон* манифестирует семантику проигрыша, а английское словосочетание *seize upon a victory* вербализует действия спортсменов по достижению победы. Часто используемые для реализаций подобных действий метафорические средства военной тематики типа *разграміць, fight out* приобретают в контексте спортивного дискурса дополнительный эмоциональный оттенок.

Типичным для дискурса спортивной аналитики является описание нереализованных спортсменами в ходе соревнований возможностей, что представляет читателю всесторонний анализ спортивной ситуации. Например, *Danaher's excellent score hinted at what Irish might have achieved if they had turned up with the sharpness that illuminated their performance in last weekend's demolition of Gloucester* (The Times, 29.12.08). Семантика возможных, но не реализованных спортсменами во время соревнований действий – команда могла бы достичь гораздо большего, если бы сыграла так же, как на прошлой неделе – реализуется сослагательным наклонением глаголов *achieve*, объективирующим достижение результата, и *turn up*, контекстуально реализующим значение ‘выступление спортсменов на соревнованиях’.

В состав дискурсивного образа спортсменов, релевантного для спортивной медиакоммуникации, мы также включили взаимодействие спортсменов с другими субъектами спортивного дискурса и способы его вербальной объективации. К примеру, взаимодействие «спортсмен–говорящий субъект» реализуется в ходе оценки спортсменов автором сообщения, что наиболее характерно для аналитического спортивного дискурса. Оценка может дополнять определенную характеристику спортсмена. Например, во фразе *he is a real fighter (он настоящий боец)* оценке подвергается дискурсивная характеристика спортсмена «профессиональный уровень», что достигается за счет метафорического употребления существительного *fighter*, реализующего значение ‘бойцовские качества спортсмена’, и усиления данного значения посредством прилагательного *real*, указывающего на высокую степень наличия данных качеств. А фраза *аддаць дрэнную*

перадачу актуалізуе негатыўную ацэнку дзеяў спартсмена ў час сьпеўнаваньняў. Кантэкстуальная ацэнка дзеяў спартсменаў можа быць праілюстравана на наступным прыкладзе: *сёння наша каманда здолела ажыццявіць гэтыя дзіцячыя сьнегі* (Зьезда, 19.02.11). Даньні фрагмэнт рэалізуе пазытыўную ацэнку, даньную аўтарам беларускай футбольнай каманды, сумевшай выйграць складаны міжнародны матч. Пазытыўная ацэнка зьдэсь прадставлена сэмантыкай выразу *ажыццявіць дзіцячыя сьнегі*, аб'ектывіруючым нечым пазытыўнае.

Вэрбальную маніфэстацыю ўзаемадзейства спартсмена і мэдыцынскага персанала дэманструе адрывак зь арыку «Britain's Shallow Pool Of Talent Exposed By Ukraine Thrashing»: *Andy Murray, absent from Britain's David Cup defeat by Ukraine which has left the team perilously close to dropping into the third division of the competition, will hope that various illnesses ... are at an end as he prepares for the Master series* (The Guardian, 8.03.09). Адрывак паводле мэдыцынскіх паказаньняў спартсмена (*Andy Murray*) негатыўна сказалося на пазыўненьні брытанскай тэніснай зборнай у рэйтынгу, аднак яго выздаравленьне – рэзультат вэрачэбнай практыкі (*illnesses ... are at an end*) – дае каманды надэжду на ўлучшэньне сытуацыі. Сэмантыка сытуацыі і лэксика мэдыцынскай тэматыкі імпліцыруюць прысутствэ зьдэсь дапаўнэнальнага суб'екта – вэрача, ўзаемадзействуючага са спартсменам у аналізаваных спартыўных збывах.

В публікацыі «Першы плей-оф не камам» аб'ектывіруеця ўзаемадзействэ «спартсмен–судья», гдэ вторм суб'ект такжэ выразу імпліцытна: *Выдаленні ў другой трэці выхаласцілі хлопцаў* (Зьезда, 10.03.11). Спартыўны тэрмін *выдаленне* яўляеця нэміналізацыяй дзейства па накарзаньню спартсмена за нарушэньне правілаў. Прычэм сэмантыка падобнага дзейства прадпалагае абязальнае ўзаемадзействэ спартсмена са сарраветствуючым спартыўным агэнтам.

Статусныя ролі суб'екта «спартсмен» у газэтных тэктах адрываюцца яго сытуацыўнай сэмантыкай, т.э. ўчасціем у стэрэатыпных сытуацыях, прадставленых у спартыўным мэдыадыскусе. Асновываюцца на тэорыі В.І. Богданова, к стэрэатыпным сытуацыўным ролям спартсмена мы атнеслі *агэнтыв, бэнефактыв, пацыэнтыв* і *экспэрыенсыв* [6]. В качэствэ агэнта (прэдувадыцэля дзейства) суб'ект «спартсмен» можа выступатэ ў ісслэдуемых тэктах пры апісаньні яго сарэспэкуватэльнай дэятэльнасці, дэстывжэньні адрываэннага пазытыўнага рэзультата: *Пачатак матча атрымаўся ўдалым, мы забілі першымі і захоўвалі перамогу да заканчэньня матча* (Зьезда, 5.03.11). Суб'ект «каманда», экспліцыруемы мэстоімянем *мы*, яўляеця прэдувадыцэлем дзейства па дэстывжэньню пэбэдэ, каторэ апісываеця аўтарам саррабшэньня. Пры атражэньні прэагрыша ўчастывкаў сарэспэкуватэльнасці даньні суб'ект станавіцца бэнефактывом, чым дэманструе наступны адрывак: *Paul Ince was in defiant mood last night, despite seeing Blackburn lose for the fourth league game in a row* (The Telegraph, 1.12.08). Фраза *Blackburn lose* вэрбалізуе сытуацыю прэ-

игрыша команды, где она является потерпевшей стороной – лицом, во вред которому совершается действие. Для установления взаимосвязи между событиями, отраженными в текстах спортивной тематики, субъект «спортсмен» может выступать как п а ц и е н т и в – лицо, испытывающее на себе какое-либо действие (*хуткі гол аказаў псіхалагічны ўплыў на каманду* (Звезда, 1.03.11). На вербальном уровне он сочетается с лексическими единицами каузативной семантики (*аказаў уплыў*). Если спортсмен является субъектом восприятия, в исследуемом дискурсе ему приписываются характеристики психоэмоционального состояния, вызванного определенными спортивными событиями: *Найперш пераважае пачуццё крыўды ад таго, што ўпусцілі перамогу ў матчы, які маглі выйграць* (Звезда, 3.03.11). В этом примере субъект «спортсмен» испытывает чувство сожаления, реализуемого семантикой существительного *крыўда*, и выполняет семантическую роль э к с п е р и е н с и в а .

Таким образом, дискурсивный образ субъекта «спортсмен» представляет собой совокупность вербальных средств репрезентации его признаков – определенных категорий спортсменов, обладающих коммуникативной ценностью для медиатекстов. Другими словами, данное исследование выявляет инвариант модели субъекта, характерный для спортивного дискурса. Сходство установленных характеристик субъекта «спортсмен» и способов их языкового воплощения в текстах на английском и белорусском языках позволяет предположить наличие определенных дискурсивных универсалий при отражении событий спортивного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Малышева, Е.Г.* Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е.Г. Малышева ; Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2011. – 47 с.
2. *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. *Олешков, М.Ю.* Основные параметры модели профессиональной коммуникации: На примере дидактического дискурса / М.Ю. Олешков // Социокультурные проблемы в образовании: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.А. Вербицкого, Н.В. Жуковой. – М. : РИЦ МГОПУ М.А. Шолохова, 2006. – С. 62–71.
4. *Макаров, М.Л.* Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
5. *Кожемякин, Е.А.* Субъект дискурса / Е.А. Кожемякин // [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=135:discursologia-proyecto-enciclopedico&catid=134:discursologia-proyecto-enciclopedico- &Itemid=55. – Дата доступа : 25.08.2011.

6. *Богданов, В.В.* Речевое общение : Прагматические и семантические аспекты : учеб. пособие / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. – 88 с.

The article deals with modeling the discourse image of a sportsman – the major actor of the events manifested in a media text. The research reveals stereotypical characteristics of the actor and identifies communicatively relative ways of their verbal representation.

Поступила в редакцию 27.09.11

Е.Г. Карапетова

КЛАССИФИКАТОРЫ ПРИЗНАКА В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье представлены существительные-классификаторы лексико-семантического поля «Перцептивные признаки» с точки зрения реализации ими своей семантики в дискурсе. Проведенное исследование позволило выявить, что имеется зависимость выбора того или иного лексико-семантического варианта классификатора признака от выполняемой им синтаксической функции. Первым этапом актуализации значения рассматриваемых лексических единиц, представляющего собой комплекс, выступает профилирование признака или его модификация в семантической структуре отдельной лексемы. Дальнейшая детализация значения продолжается в определенных контекстных условиях, где у слова есть большие возможности реализовать свой семантический потенциал.

Современная парадигма лингвистических исследований потребовала от ученых изучения когнитивных оснований языковых категорий. По словам Е.С. Кубряковой, такая задача подразумевает выявление типов информации, которые они объективируют, и способов «упаковки» связанного с данным типом информации содержания. Последние далее служат, с одной стороны, фиксации и закреплению познанного, а, с другой – целям передачи этого содержания в актах коммуникации [1].

Категория перцепции в английском языке может рассматриваться как семантическая категория, организующая и репрезентирующая знание о восприятии как специфической познавательной деятельности человека. Средством экспликации результатов данной познавательной деятельности выступает семантика языка, охватывающая содержание кардинальных частей речи (глаголов, имен существительных, имен прилагательных и наречий), репрезентирующих данный фрагмент мира и объединенных в лексико-семантическое поле (ЛСП) «Перцептивные признаки».

Рассматриваемое ЛСП представляет собой класс лексических единиц, соотносящихся с ситуацией восприятия, и отражающий совокупный человеческий опыт в перцептивной сфере. Поле имеет четкую структуру и делится на две семантические зоны: признаковую и предметную. Первая выступает

в качестве ядра ЛСП «Перцептивные признаки», последняя составляет периферию. В каждой семантической зоне выделяются микрополя, соответствующие определенным модусам перцепции: «Зрительное восприятие», «Слуховое восприятие», «Вкусовое восприятие», «Обоняние», «Осязание», которые могут быть далее подразделены на еще более мелкие микрополя в соответствии с перцептивными признаками, воспринимаемыми той или иной модальностью: «Форма», «Размер», «Цвет», «Звук», «Вкус», «Запах», «Осязательный признак».

Интерес представляет и тот факт, что в рассматриваемом поле четко прослеживаются уровни, объединяющие лексику разных микрополей в зависимости от степени обобщенности и соответствующие уровням категоризации: высокий, базовый, суперординантный. Наиболее высокий уровень обобщенности характерен для *слов-классификаторов* признаковой зоны. (В статье принято понимание классификаторов, предложенное Е.М. Вольф [2], согласно которой, это слова, обобщенно называющие классы действий, событий, предметов, а также слова, которые соотносятся с признаками предметов или людей.)

Семантика классифицирующей лексики, в частности, существительных-классификаторов перцептивных признаков, вызывает интерес в силу своей сложности и неоднородности. Анализируя многозначность классификаторов типа *sound* 'звук', *colour* 'цвет', *shape* 'форма' в современном английском языке, мы отмечали, что появление нового значения происходит в результате выдвижения на первый план разных аспектов ситуации восприятия на фоне единой общей семантической базы и актуализации их в виде интегрального компонента значения полученного лексико-семантического варианта (ЛСВ). В современной лингвистике такое взаимодействие значений внутри единой семантической структуры получило название профилирования. Существенным представляется тот факт, что, в отличие от базового уровня категоризации, на уровне классификаторов при переходе от одного ЛСВ к другому не наблюдается выход за рамки основного значения. Каждый отдельный ЛСВ представляет собой модификацию исходного значения слова, а вся семантическая структура существительных-классификаторов может быть представлена как семантический комплекс [3].

В современной лингвистике, когда «поиски надлежащих единиц номинации (или их создание) рассматриваются в тесной их связи с тем коммуникативным процессом, неотъемлемой частью которого они являются» [1, с. 327], не менее важным представляется необходимость изучения не только *номинативных*, но и *дискурсивных* особенностей рассматриваемой лексики. В данной статье мы делаем попытку проследить, имеется ли зависимость выбора того или иного ЛСВ классификатора признака от выполняемой им синтаксической функции.

Наши наблюдения показывают, что имеется взаимосвязь между функцией слова-классификатора в предложении (субъект vs предикат) и его семантической функцией, т.е. выбор того или иного ЛСВ для помещения в определенный контекст не является случайным. Проиллюстрируем сказанное

примерами функционирования классификатора *colour* ('цвет'), отобранными из современной англоязычной художественной прозы. (Написание слова *colour/color* 'цвет' сохранено в том виде, в каком оно приводится в литературных источниках.)

Функция субъекта предложения обычно требует употребления ЛСВ *colour*² '(also *colours*) the appearance of something as a result of the way it reflects (throws back) light, especially when its appearance is very bright or is made up of a lot of different colours' в значении, указывающем на цвет вообще, цвет как перцептивный признак (приводимые дефиниции взяты из словаря Longman [5]):

Dark as it was getting, I could still see these changes; though but as mere alternations of light and shade: for colour had faded with the daylight (Ch. Bronte. "Jane Eyre").

В приведенном примере в значении существительного *colour* воплощено совокупное представление о разнообразных проявлениях цвета, о цветовой насыщенности окружающего мира, утраченной с наступлением темноты. В таком употреблении слово часто принимает форму множественного числа. Например: *The colours were so strange that words can hardly tell what a troubling emotion they gave* (W.S. Maugham. "The moon and sixpence").

Тот факт, что позиция субъекта действительно детерминирует реализацию словом-классификатором значения признака вообще, подтверждается примером, в котором несущественным выступает то, о каком конкретно цвете идет речь, важной представляется информация, выраженная предикатом о его утрате:

His coat was dusty and dirty, and smeared with green down the sleeves; his hair disordered, and as it seemed to me greyer – either with dust and dirt or because its colour had actually faded (H.G. Wells. "The Time Machine").

В ряде примеров позиция слова-классификатора в качестве субъекта предложения сопровождается конкретизацией. Для случаев, когда автор конкретизирует, о каком оттенке цвета идет речь, характерна модель предложения-классификации. Например:

The colour of his skin was not quite black, but very tawny; and yet not of an ugly yellow nauseous tawny, as the Brazilians, and Virginians, and other Natives of America are; but of a bright kind of a dun olive colour, that had in it something very agreeable; though not very easy to describe (D. Defoe. "The Life and Strange Surprising Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner").

Конкретизация цвета может быть связана с эмоциональным восприятием цвета субъектом (оценкой), и приписывание оценочного признака цвету (который, кстати, остается не конкретизированным в контексте) происходит с помощью слова, выполняющего функцию предикатива. В следующем примере это прилагательное *crude*:

The colour seemed to me extraordinarily crude (W.S. Maugham. "The moon and sixpence").

Иллюстрацией сразу обеих рассматриваемых функций может служить и следующий пример, в котором *colours* в функции субъекта предложения вводит перцептивный признак ‘цвет’, в функции предиката уточняет его, дополняя информацию о нем:

The colours were the colours familiar to me, and yet they were different. They had a significance which was all their own (W.S. Maugham. “The moon and sixpence”).

Ю.С. Степанов пишет: «...одно и то же имя, помещаемое в предложении в разные позиции – субъекта или предиката, по-разному реализует свое семантическое содержание. <...> Если, например, в предложении классификации *Этот лист есть зеленый лист*, которое в русском языке в поверхностной форме омонимично предложению качества (выражается в одинаковой с ним форме) *Этот лист – зеленый*, слово *лист* входит в предложение два раза – первый раз в качестве субъекта, второй – в качестве предиката, то в каждом из двух случаев оно совершенно по-разному реализует свои семантические потенции: в качестве субъекта оно денотатно и называет предмет внешнего мира, в качестве предиката оно сигнификатно и называет понятие» [4, с. 57–58].

ЛСВ *colour1* ‘red, blue, yellow, green, brown, purple etc.’, употребленный в позиции субъекта и указывающий на конкретный цвет, часто требует лексической (или контекстной) конкретизации:

At midday the sky to the south warmed to rose-color, and marked where the bulge of the earth intervened between the meridian sun and the northern world. But the rose-color swiftly faded (J. London. “White Fang”).

His eyes grew brighter, and a faint colour came into his cheeks (H.G. Wells. “The Time Machine”).

I heard a rush under the hedge, and close down by the hazel stems glided a great dog, whose black and white colour made him a distinct object against the trees (Ch. Bronte. “Jane Eyre”).

Типичной же для классификатора *colour1* выступает предикативная функция, которая позволяет описать цвет объекта с помощью различных сочетаний с рассматриваемым классификатором. Ср.:

It was the colour of milk; but the children did not have their father’s sense of humour, and they looked at him reproachfully as he poured the medicine into Nana’s bowl (J.M. Barrie. “Peter and Wendy”).

They were just the half-bleached colour of the worms and things one sees preserved in spirit in a zoological museum (H.G. Wells. “The Time Machine”).

The rocks about me were of a harsh reddish colour, and all the trace of life that I could see at first was the intensely green vegetation that covered every projecting point on their south-eastern face (H.G. Wells. “The Time Machine”).

Even the grass was not green, for the sun had burned the tops of the long blades until they were the same gray color to be seen everywhere (L.F. Baum. “Wizard of Oz”).

Чтобы показать, что описанное нами распределение семантических функций у слова-классификатора *colour* распространяется на существи-

тельные-классификаторы, обозначающие разные перцептивные признаки, приведем несколько примеров.

Отличием существительного классификатора *sound* является то, что английский язык не располагает двумя ЛСВ для именованя звука вообще и конкретного вида звука, как это происходит, например, в случае со словом *colour*. ЛСВ *sound* ‘звук’ в исходном (не модифицированном) значении ‘something that you hear, or what can be heard’ может функционировать в качестве субъекта предложения. Например:

Sound was curiously flawed by the wind; and I was listening (Ch. Dickens. “Great Expectations”).

Из контекста понятно, что речь идет о наличии звуков (отсутствии тишины), совокупной репрезентации звучащего мира, воспринимаемого субъектом. Причем, детализация информации о звуке, передаваемая семантикой существительного-классификатора *sound*, употребленного в функции субъекта, отсутствует в силу нерелевантности. Для конкретизации информации о получаемых человеком звуках используются развернутые сочетания со словом-классификатором типа: *the sound of a clap of thunder, the sound of loud voices, the sound of one’s entrance* и т.п., употребляемые в различных функциях, как видно из следующих примеров:

There was the *sound of a clap of thunder* in my ears (H.G. Wells. “The Time Machine”).

All this time I had heard the *sound of loud voices* from the cabin; but, to say truth, my mind had been so entirely taken up with other thoughts that I had scarcely given ear (R.L. Stevenson. “Treasure Island”).

The room was lighted as of yore, and at the *sound of her entrance*, she stopped and turned (Ch. Dickens. “Great Expectations”).

The *sound of her iron shoes* upon the hard road was quite musical, as she came along at a much brisker trot than usual (Ch. Dickens. “Great Expectations”).

There came the *sound of boys* scuttling away (W. Golding. “Lord of the Flies”).

Конкретизацию описанию того или иного звука в контексте придает употребление определенного артикля или указательного местоимения:

When we came to the riverside and sat down on the bank, with the water rippling at our feet, making it all more quiet than it would have been without *that sound* (Ch. Dickens. “Great Expectations”).

In about half a Minute I heard; and by *the sound*, knew that it was from that Part of the Sea where I was driven down the Current in my Boat (D. Defoe. “The Life and Strange Surprizing Adventures of Robinson Crusoe, of York, Mariner”).

Аналогичное употребление проявляют и другие английские существительные-классификаторы перцептивных признаков, например, *smell*:

When the wind was in the east *a smell* came across the harbour from the shark factory; but today there was only the faint edge of the odour because the wind had backed into the north and then dropped off and it was pleasant and sunny on the Terrace (E. Hemingway. “The Old Man and the Sea”).

As she opened the door he smelt *the sickly sweet smell* which makes the neighbourhood of the leper nauseous (W.S. Maugham. “The moon and sixpence”).

Таким образом, первый этап актуализации значения существительных-классификаторов лексико-семантического поля «Перцептивные признаки» в современном английском языке составляет профилирование признака или его модификация в семантической структуре отдельной лексемы. Данный процесс продолжается в определенных контекстных условиях: именно в контексте слову предоставляются большие возможности реализовать свой семантический потенциал в плане детализации значения.

Выражаясь терминами современной когнитивной лингвистики, можно сказать, что происходит профилирование информации, содержащейся в значении слова, относительно определенной содержательной базы – ситуации восприятия, подкрепляемое функцией слова в предложении, что и определяет выбор того или иного ЛСВ. По-видимому, за определенными синтаксическими функциями слов-классификаторов закреплены и определенные значения.

Полученные результаты позволяют предположить, что способы репрезентации фрагмента действительности, охваченного семантикой существительных-классификаторов в современном английском языке, носят системный характер.

К выводу о системном характере репрезентации отдельных квантов знания приходят многие лингвисты. И.Ю. Колесов, например, отмечает системный характер отражения концепта восприятия зрением в русском и английском языках, «что проявляется в регулярной оппозиции двух направлений репрезентации знания о восприятии зрением: *манифестации* и *интерпретации*» [6, с. 171]. Под манифестацией определенного содержания ученый понимает его изучение в ракурсе от концепта к единицам и ресурсам языка, которые объективируют данное содержание с помощью группировок лексем. Речь идет о том, как тот или иной концепт обнаруживает себя в семантике единиц языка, какими компонентами он представлен [Там же]. Интерпретация же «предполагает способы и пути интеграции, «инкорпорации», «переработки» концептуального содержания в значения языковых выражений» [6, с. 173].

Подводя итог, можно заключить, что изучение семантики языковых единиц составляет лишь первый этап изучения вербализации определенного содержания в языковых единицах. Однако тот факт, что в предложении семантические возможности слов, в частности, существительных-классификаторов перцептивных признаков, реализуются в зависимости от выполняемой функции, подводит к необходимости анализа языковых единиц в двух системах координат – номинативной и дискурсивной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова; Ин-т языкознания РАН – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 560 с.

2. *Вольф, Е.М.* К вопросу о классификаторах признаков / Е.М. Вольф // Филол. науки. – 1982. – № 2. – С. 32–38.
3. *Карапетова, Е.Г.* Лексическое значение слов-классификаторов признака как семантический комплекс / Е.Г. Карапетова // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2010. – № 2 (45). – С. 116–122.
4. *Степанов, Ю.С.* Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов; под ред. Ю.Н. Караулова. – 2-е изд. стер.– М. : Едиториал УРСС, 2002. – 360 с.
5. Longman Dictionary of Contemporary English / Pearson Education Limited. – Essex : Pearson Education Limited, 2003. – 1949 p.
6. *Колесов, И.Ю.* Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия: На материале английского и русского языков / И.Ю. Колесов. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 354 с.

The article presents classifying words of the lexico-semantic field of perceptual properties in the aspect of actualization of their semantics in discourse. The author shows that there is correspondence between the choice of a lexico-semantic variant and its syntactic function. Certain contextual conditions open up opportunities for a classifying word to realize its semantics.

Поступила в редакцию 08.07.11

Л.Ф. Кистанова, Т.А. Стрельцова

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СДВИГИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗГОВОРНО-ОБИХОДНОЙ РЕЧИ

В статье дана характеристика основных активных процессов синтаксического строя современного французского языка, получивших широкое распространение в синтаксисе разговорно-обиходной речи в последние несколько десятилетий.

Эти процессы обусловлены как противоречиями внутри системы языка, так и внешними факторами, связанными с изменениями социально-коммуникативных условий и социально-психологического климата современной Франции.

Констатация в качестве одного из отличительных признаков эволюции современного французского языка тенденции к сокращению предложного управления подтверждает утверждение некоторых лингвистов о нарастании черт синтетизма в разговорной французской речи.

Будучи явлением общественным, язык постоянно развивается на всех этапах своей истории. Однако изменяет он свой облик очень медленно, постоянно и постепенно накапливая новые элементы во всех сферах своего функционирования и сочетая в себе моменты сохранения и изменчивости.

Система языка изменяется не столько путем появления и исчезновения тех или иных элементов, сколько в результате его новых комбинаций, отражающих вновь открытые связи между предметами [1, с. 134].

Большая часть отклонений от так называемой нормы, представляющих собой чаще всего ростки нового, имеет место в разговорно-обиходной речи, на которую традиции классического языка оказывают весьма слабое влияние. Оно особенно ослабевает в условиях падения престижа литературного, письменного языка, что характерно для современного этапа эволюции французского языка.

Хотя отклонения от нормы продолжают считаться ошибкой, бестактностью и даже грубостью, термин *норма*, а также *ошибка* не в чести у французов. Они предпочитают термин *usage* – *узус, языковой обычай, форма речи*, что позволяет избегать категоричности оценок и споров.

Тавтологический характер *usage* обусловил создание весьма удобного концепта «*bon usage*» – «правильная речь», «хороший язык», антонимичный концепту «*mauvais usage*» – «неправильная речь», «плохой язык».

Эти концепты приобретают коннотацию признака принадлежности говорящего к тому или иному общественному классу. Так в XVII в. правильным считался язык придворных, просвещенных аристократов, который противопоставлялся неправильному языку буржуазии. В XVIII–XIX вв. лингвистическая власть переходит к классу буржуазии, представители которого, вращаясь в аристократических кругах, часто критиковали используемый там язык. Таким рафинированным и просвещенным буржуа был, например, М. Пруст [2, р. 14].

Во второй половине XX в., особенно после событий 1968 г., в связи с широким распространением телевидения господствующее положение постепенно начинает занимать язык представителей мелкой буржуазии и даже пролетариата. Распространяется мода на простонародный язык, что позволяет говорить о «пролетаризации» языка. Вследствие утраты термином *пролетариат* положительной коннотации, связанной с надеждой на революционные преобразования, он стал ассоциироваться с потерей качества и снижением уровня культуры.

По мнению Р. Камю, в настоящее время характерной чертой правильной речи является языковая культура, опирающаяся на «вкус» (*goût*), регулирующий и смягчающий культуру речи и вносящий в нее определенные изменения. В качестве примера он приводит изменения стилистического уровня глагола *manger* (*есть*), употребление которого в качестве переходного считалось вульгарным, а теперь стало стилистически нейтральным [3, р. 16]. Дело в том, что ранее в этом значении *manger* мог иметь в качестве субъекта представителей животного мира, а для человека более подходящим считалось выражение *prendre le repas* (*есть, кушать*).

А. Доза считает основным критерием для допустимого в языке сохранение ясности французского языка, покушение на которую «есть одно из тягчайших преступлений против языка» [3, р. 24].

Следование определенным критериям представляется важным для того, чтобы сделать правильный выбор среди инноваций, не вошедших в общий речевой обиход, т.е. поддержать одни и воспрепятствовать распространению других. В этом, по мнению Е.М. Чекалиной, состоит роль ученого [4, с. 28].

За последние несколько десятилетий в изменившихся социально-коммуникативных условиях современной Франции (расширение коммуникативных процессов в обществе, все более интенсивное внедрение радио и телевидения, Интернета, демократизация форм и средств общения и др.) происходит переориентация разговорной речи на новый оценочный образец. В этом процессе значительную роль играют социально-психологические факторы [4, с. 130]. Социально значимое концептуальное содержание, разнообразные аффективные реакции на действительность, стремление усилить эмоциональное воздействие приводят не только к появлению многочисленных лексических новообразований, но и к сдвигам семантико-синтаксического характера.

Системный подход выдвинул в качестве важнейшей задачи изучение взаимоотношений лексики и грамматики, в частности, лексики и синтаксиса как основных аспектов системы языка, что способствует более адекватному раскрытию механизмов порождения речевых высказываний и структур языка. Вне речи, а, следовательно, вне ее синтаксически организованных единиц не может происходить и становление структуры словаря, его «грамматики», самой системы оппозиций [1, с. 133]. По мнению В.В. Мартынова, «все элементы системы языка порождаются синтаксически и определяются через синтаксис» [5, с. 15]. Синтаксические единицы прямо и непосредственно служат целям общения, сообщения и воздействия, т.е. основным функциям языка в целом.

В связи с тем, что синтаксис является наиболее подвижной частью грамматического строя, без элементарных знаний о сдвигах в современной французской разговорной речи, наиболее заметных изменениях синтаксических структур и формировании новых разновидностей их построения немислимо представить адекватного потребления радио и телеинформации, печатной прессы, знакомства с произведениями современных французских писателей и кинематографистов.

Остановимся еще на одном спорном вопросе, касающемся причин сдвигов в языке, который решался то на основе исключительно внутренних факторов развития языка, то с перекосом в сторону факторов внешне-лингвистических.

Р.А. Будагов считает, что изменения в современной французской речи обусловлены тремя типами отношений: от собственно внутренней причинности (противоречия в системе языка на всех ее уровнях) к причинности не только внутренней (противоречия между потребностями говорящих к адекватному выражению и состоянием языка), а от этой последней – к внешним факторам (общая зависимость состояния языка от уровня развития общества и мышления человека) [6, с. 235].

Значимость этих факторов, их соотношение зависит от уровней языка. Так, роль внешних факторов более значительна в лексике, чем в грамматике. Исследователи отмечают зависимость синтаксических новаций от таких

социальных факторов, как развитие массовой адресованной речи в XX в., связанное с применением массовых средств коммуникации, широких устных контактов, распространяющих устную форму.

Одним из отличительных признаков эволюции французского языка на современном этапе являются изменения в классе предлогов и предложных выражений и тенденция к сокращению предложного управления.

Сокращение предложного управления происходит довольно часто за счет замены его контактными постпозитивным примыканием. Это изменение затрагивает, в основном, словосочетания типа «имя существительное + имя существительное» (S_1+S_2) и «имя существительное + наречие» ($S+Adv$), в которых опускается предлог *de*. Ср., например, *l'espace fumeur* (место для курения), *la cuisine minceur* (подбор блюд для похудения), *semelle cuir* (кожаная обувь), *les rendez-vous poésie* (поэтические встречи) и др. Нередко словосочетания типа S_1+S_2 могут включать три имени существительных, второе из которых чаще всего является субстантивированным прилагательным цвета. Ср., например, *son veston gris tourterelle* (пиджак светло-серого цвета), *une robe couleur feu* (платье огненно-красного цвета), *un restaurant façon auberge* (ресторан в стиле таверны) и др.

Позицию зависимого члена сочетаний S_1+S_2 могут занимать имена собственные (имена исторических личностей, реальных лиц, вымышленных персонажей художественных произведений, исторических эпох, а также топонимы, наименования предприятий, учреждений и т.п.). Ср., например: *lit Louis XIV* (кровать в стиле эпохи Людовика XIV), *prix Goncourt* (Гонкуровская премия), *pourparlers France-Maroc* (переговоры между Францией и Марокко), *son côté Don Juan* (его донжуанские черты). Чаще всего имена собственные выступают в данных словосочетаниях не как имя индивида, а как выразители определенного признака и как указатели на принадлежность к классу предметов, явлений и т.п. [7, с. 20].

Словосочетания типа $S+Adv$ имеют в своем составе наречия *arrière*, *avant*, *devant*. Ср., например: *la poche arrière* (задний карман), *les roues avant* (передние колеса). Возможно распространение имени существительного с отдельными качественными и количественными наречиями, однако их число незначительно: *devant*, *bien*, *mal* и некоторые другие. Ср., например: *un chapeau bon marché* (дешевая шляпка), *une jeune dame pas mal, même très bien* (молодая женщина недурной и даже очень приятной наружности).

Словосочетания рассматриваемого типа, строящиеся по законам так называемого нулевого синтаксиса, характеризуются все возрастающей продуктивностью. Они отражают развитие всех областей жизни общества, именуя новые, но постоянно становящиеся привычными для носителей языка предметы, действия, процессы, мероприятия и т.п. По словам Н.М. Малкиной, с помощью словосочетаний S_1+S_2 современное общество регистрирует свои не только достижения, но и недостатки: дегуманизацию человека (*homme robot*, *nation robot*), обезличивание, стандартизацию людей и вещей (*homme masse*, *homme standart*, *format standart*), головокружительное ускорение темпов жизни (*voyage éclair*, *visite éclair*) и т.п. [7, с. 62].

Замена предложного управления контактным постпозитивным примыканием получила широкое распространение в языке рекламы, прессы, специальных терминологий а также в административно-бюрократическом языке. Ср., например: *Contrex, mon partenaire minceur* (Контрекс, мой партнер по похудению), *fonction personnel* (функция управления кадрами), *contact presse* (связь с прессой). Официальными терминами стали многие беспредложные именные словосочетания: *assurance crédit* (страхование кредитов), *assurance crédit export* (страхование экспортных операций), *compte client* (счет заказчика), *entreprise-fille* (филиал), *fille-mère* (мать-одиночка), *navire-école* (учебное судно), *âge limite* (предельный возраст), *classe touriste* (туристский класс), *ingénieur conseil* (инженер-консультант), *le sous-directeur Relations clientèle* (зам. директора по связи с клиентами), *maison clé en mains* (дом под ключ) и др.

Как видно из приведенных примеров, значительное количество имен существительных, занимающих позицию S_2 , приобретают синтаксически обусловленное значение предикатного типа – признаковое, оценочное, интенсифицирующее. Ср., например: *poste clef* (ключевой, важнейший пост), *avion mammoth* (самолет гигантских размеров), *prix choc* (фантастически низкая цена), *femme taxi* (таксистка), *âge plafond* (предельный возраст), *remède miracle* (чудодейственное лекарство).

В подобных синтаксических условиях S_2 подвергаются определенной степени грамматизации, что расширяет возможности их сочетаемости, а также их регулярной повторяемости и воспроизводимости.

Высокая продуктивность рассматриваемой модели словосочетаний обусловлена тем, что она отвечает стремлению носителей языка к повышению степени информативности наименований, а также позволяет отразить в нем качественные различия именуемых реалий, тонко дифференцировать их свойства [7, с. 39].

Таким образом, несмотря на то, что толковыми словарями фиксируются лишь немногочисленные образования S_1+S_2 , широта и разнообразие сфер их употребления, номинативные потенции позволяют говорить о постепенном закреплении данной модели словосочетаний в языке и переходе на уровень языка правильного (*le bon usage*).

Ошеломляющей и неуклонно растущей называет Р. Камю популярность предлога *sur*, его употреблений вместо предлога *à*, а также *dans* и *vers*, несмотря на то, что они считаются ошибкой, квалифицируются в качестве неправильной речи [2, р. 349]. Например: *Ce produit ne se trouve pas sur notre région* (Этот продукт невозможно найти в нашем регионе); *J'ai lu ça sur un bouquin* (Я прочел это в какой-то книжке); *On est Bretons, on aimerait bien finir nos jours sur la Bretagne* (Мы бретонцы и хотели бы прожить в Бретани до конца своей жизни). Употребление *sur* перед именами существительными топонимами объясняют обычно сокращением словосочетания *sur le territoire de...* (на территории...).

С предлогами *à* и *dans* вступает в конкуренцию предлог *en*, также расширяя сочетаемость, например: *A présent il habite en pavillon sur Garges* (В настоящее время он живет в небольшом особняке в Гарже); *Ce soir on sort en boîte avec les copains* (Вечером мы идем с друзьями в ночное кафе); *Mon frère vit en campagne* (Мой брат живет за городом); *Je vous appelle en soirée* (Я позвоню вам вечером).

Расширил сферу употребления и предлог *depuis*, который наряду с временными отношениями выражает теперь и отношения пространственные. Например: *Il m'a crié depuis la cuisine* (Он позвал меня из кухни); *Voilà ce pays que je regarde depuis ma fenêtre* (Вот местность, которая видна из моего окна); *...depuis ses chaussures jusqu'à la cravate...* (...начиная с обуви и кончая галстуком...). В составе обстоятельств места предлог *depuis* занял довольно прочное место в общеупотребительном языке, а грубыми считаются такие его сочетания, как *depuis tout gosse*, *depuis tout môme*, *depuis tout petit* (с самого раннего детства).

Заметно обогатилась сочетаемость предлога *chez*: он соединяется не только со словами, называющими местопребывание лиц как хозяев дома, но и с названиями существ и замещающими эти названия местоимениями [8, с. 90]. Ср., например: *Chez Maigret l'esprit du policier reprenait le dessus* (У Мегрэ душа полицейского берет верх); *Téléphonez-moi depuis chez la Cornette* (Позвони мне с виллы Корнет).

Предлоги могут быть отделенными от имени существительного, к которому относятся, словами или группами слов. Например: *Une maison avec au rez-de-chaussée, la boutique de blanchisseuse* (Дом с прачечной на первом этаже); *Les départs seront assurés sur pratiquement tout le Sud-Ouest* (Возможность улететь будет обеспечена по всему Юго-Западному региону).

Еще одной особенностью предлогов в обиходно-разговорной речи является их самостоятельное употребление без имени существительного под ударением: *Je lui ai couru après* (Я побежал за ним); *Il m'a envoyé ces nappes en me demandant de faire quelque chose avec* (Он прислал мне эти скатерти с просьбой сделать что-либо с ними); *C'est le manque de matières grasses et rien à faire contre* (Это недостаток жиров и ничего с этим не поделаешь).

Подобное использование предлога, как видно из приведенных примеров, возможно лишь с опорой на предыдущий контекст.

Наряду с расширением функций и значений старых предлогов наблюдается и формирование новых сложных образований на базе действующих предлогов: *d'avec*, *d'entre*, *de par* и др. Например: *Sa séparation définitive d'avec son mari* (Окончательный разрыв с ее мужем); *Un dimanche d'entre quatre* (В одно из четырех воскресений); *Elle lui ôta le pied de sur un meuble* (Она убрала его ногу со стула); *Enlève-le-moi de devant les yeux* (Убери его с глаз моих).

Источником новообразований служат также имена существительные с предлогом, их усеченные формы, явившиеся результатом отсечения предлогов *à*, *en*, *de*, *par*: *du côté de* → *côté*, *à la façon de* → *façon*, *en direction de* →

direction, par rapport → *rapport* и др. Например: *les parents côté mari* (родственники мужа); *Question poids, j'ai pas à me plaindre* (Что касается моего веса, мне грех жаловаться); *Il est venu rapport à la vache qui a crevé l'autre semaine* (Он пришел по поводу коровы, которая сдохла на прошлой неделе) [8, с. 97–98].

Нарушение синтаксических связей на уровне словосочетания и предложения приводит к нарушению спаянности синтаксических групп и структурной завершенности. Так, можно наблюдать разрыв субъектно-объектной группы и вынесение в препозицию к предикативной группе дополнения, выраженного именем существительным или местоимением: *Ça je connais à sa mère elle ressemble* (Я знаю, что она похожа на мать). Более редкими являются случаи отрыва сказуемого от подлежащего, между которыми вклинивается наречие: *Serge, machinalement, regarda ce triangle de papier* (Серж машинально посмотрел на этот бумажный треугольник). Наиболее широко представлены в обиходно-разговорной речи случаи нарушения синтаксической связи между глаголом-сказуемым и обстоятельством, выраженным наречием. Например: *Un être qui peut s'alimenter à partir de pratiquement une sélection* (Человек, который практически может питаться с помощью селекции); *Lionel Jospin s'est opposé à François Mitterrand sur effectivement la politique du franc fort* (Лионель Жоспен действительно выступил именно против политики Франсуа Миттеррана относительно сильного франка); *Elle était agacée par aussi toute cette histoire* (Она тоже была раздражена всей этой историей).

Как видим, данное явление распространилось на язык прессы и, по-видимому, имеет шанс быть когда-нибудь признанным или, по крайней мере, вполне допустимым.

Отражением тенденции к модификации синтаксических отношений и нарушению синтаксической связи является употребление переходных глаголов без прямого дополнения, а непереходных и косвенно-переходных – с прямым дополнением. Например: *Moi, tout ce qui est montagne, j'adore. T'aimes?* (А я обожаю горы. А тебе нравится?); *Il vivait mal le remariage de son père* (Он тяжело переживал второй брак отца); *Ça le travaille* (Это мучает его); *Vous n'avez pas pensé suffisamment la question* (Вы недостаточно продумали данный вопрос).

Синтаксические сдвиги в обиходно-разговорной речи направлены на упрощение, что обуславливает распространение экономных, эллиптических, усеченных конструкций. Однако стремление к аффективности, эмоциональности приводит, хотя и значительно реже, к появлению избыточных конструкций. Например, плеонастический повтор подлежащего, получивший весьма широкое распространение, особенно в прессе: *Alors moi, ma formule, elle est très simple* (Мое решение, оно простое); *C'est qu'il n'était plus en très bonne position, le Premier Ministre pakistanais* (Дело в том, что положение премьер-министра Пакистана не является больше для него весьма благоприятным).

Иногда можно наблюдать одновременный повтор подлежащего и прямого дополнения, а также косвенного дополнения: *Elle n'espérait pas le convaincre si facilement, le président, Mme Mortier* (Мадам Мортье не надеялась так легко убедить президента), *C'est qu'il lui en a longtemps voulu, à Toscanini, Verdi* (Верди уже с давних пор испытывал неприязнь к Тосканини).

Новые явления на синтаксическом уровне не разрушают основ самого строя, а представляют лишь тенденции развития, а также активизацию уже имеющих в синтаксическом строе структур, что приводит к модификации (изменению) их конструктивной и стилистической значимости.

В развитии речевого узуса важную роль играет невозможность отменить то, что закрепляется в нем в результате продолжительного употребления. В связи с этим существо лингвистического анализа состоит в умении отличить издержки от фактов «здоровой» эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлов, В.А. Оппозиции в лексике и синтаксисе (к постановке вопроса) / В.А. Михайлов // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис : межвуз. сб. / отв. ред. В.В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – С. 132–137.
2. Dauzat, A. Le guide de bon usage / A. Dauzat. – Paris. : PUF, 1955. – 215 p.
3. Camus, R. Répertoire des délicatesses du français contemporain. Charmes et difficultés de la langue du jours / R. Camus. – Paris. : P.O.L., 2000. – 379 p.
4. Чекалина, Е.М. Язык современной французской прессы: лексико-семантические аспекты / Е.М. Чекалина. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 168 с.
5. Мартынов, В.В. Категории языка: семиологический аспект / В.В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 192 с.
6. Будагов, Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка? / Р.А. Будагов. – М. : Наука, 1977. – 263 с.
7. Малкина, Н.М. Структурные, семантические и ономаσιологические характеристики аппозитивных комплексов французского языка / Н.М. Малкина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 87 с.
8. Шигаревская, Н.А. Новое в современном французском синтаксисе: пособие для учителей фр. яз. средней школы / Н.А. Шигаревская. – М. : Просвещение, 1977. – 103 с.

The article characterizes the main active processes in the syntactic system of Modern French, in particular, in the syntactic structure of colloquial speech. These processes have acquired the greatest intensity over the last few decades. They are not so much related to the discrepancies in the inherent language system, but to the changes in the social communicative conditions and social psychological climate in contemporary France.

Поступила в редакцию 14.09.11

А.Г. Климович

ЛЕКСИКА АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлены результаты анализа английской сленговой лексики в диахронии. Материалом исследования послужила соматическая лексика, рассматриваемая в двух исторических срезах: 1960-е и 2000-е гг. Вся сленговая лексика анализируется по микрогруппам (МГ) – объединениям сленгизмов, обозначающих один и тот же денотат. В работе не только дается характеристика изменений, произошедших в английском сленге за последние полвека, но также производится объяснение данного явления.

Из всех языковых подсистем сленг является одной из наиболее изменяющихся, что утверждается во многих работах. При этом, естественно, некоторые лексемы могут задержаться в сленге на длительный период (Т. Thorne, Н.Л. Mencken, Е. Matiello, J. Lighter, М.Н. Wesen, Н. Pratt), что позволяет лингвистам при выявлении характера сменяемости английской сленговой лексики выделять стабильное ядро [1; 2]. Однако вопросы, какие именно изменения происходят в сленге, а также с чем это связано, так и остаются без ответа. Данная работа представляет собой попытку выявления характера сменяемости лексического состава общего английского сленга.

Исследование проведено на материале соматизмов – существительных тематического поля «Тело человека» как одной из наиболее богатых и многочисленных групп. Согласно семантической классификации, приведенной в семантическом словаре Н.Ю. Шведовой, к соматической лексике относятся не только наименования самих частей тела, но также и наименования физиологических выделений, производимых человеком, кровь и другое [3, с. 464]. Материал был нами извлечен из словаря "The Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English" (П-1) [4] (706 сленгизмов) и из словаря "The New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English" (П-2) [5] (1438 сленгизмов). Оба словаря являются авторитетными источниками английского сленга. Словарь [4]¹ впервые был издан в 1965 г. и, по словам автора, представляет собой собрание лексики, находившейся в употреблении в первой половине XX в. Словарь [5] – переработанное издание, в котором нашли отражение принципы построения словаря, заложенные Э. Партриджем, и который отражает сленгизмы, используемые во второй половине XX в., а также в наше время (П-2 был издан в 2006 г.). Таким образом, можно проследить лексические изменения в английском сленге за достаточно длительный период – 40 лет.

Вся зафиксированная в обоих словарях соматическая лексика образует микрогруппы (МГ). МГ формируется из совокупности сленгизмов, обозначающих одну и ту же часть тела, название которой в литературном языке

---

¹ Несмотря на то, что словарь из которого была совершена выборка, был переиздан в 1979 г., лексика, вошедшая в издание 1965 г., наличествует в первом томе словаря, из которого и выбирались сленгизмы.

(ЛЯ) и служит названием МГ. Членами одной МГ, например МГ “belly”, могут быть как слова, по своему значению синонимичные (дублетные) словам ЛЯ (*gut, purr, shit-beg, kelder*, обозначающие ‘belly’), так и слова, не имеющие однословного наименования в ЛЯ (*corporation* ‘prominent belly’ (выступающий живот), *bow-window*, со значением ‘big belly’ (большой живот), *periphery, round-abound* с таким же значением).

Прежде всего, заметим, что наборы микрогрупп в П-1 и П-2 различаются (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Микрогруппы, представленные в словарях П-1 и П-2

МГ, зафиксированные только в П-1	МГ, зафиксированные в П-1 и в П-2	МГ, зафиксированные только в П-2
Fringe (челка)	Anus (анус)	Abscess (абсцесс)
Hump (горб)	Arm (рука)	Armpit (подмышка)
Jaw (челюсть)	Beard (борода)	Back (спина)
Nostrils (ноздри)	Belly (живот)	Blister (волдырь)
	Blood (кровь)	Chin (подбородок)
	Body (тело)	Clitoris (клитор)
	Bone (кость)	Clot (сгусток крови)
	Breasts (груди)	Coccyx (копчик)
	Bruise (синяк)	Cut (порез)
	Buttocks (ягодицы)	Eyeblink (миг)
	Chest (грудная клетка)	Eyeblink (миг)
	Corpse (труп)	Figure (фигура)
	Ears (уши)	Foreskin (крайняя плоть)
	Elbow (локоть)	Labia (малые половые губы)
	Excrements (экскременты)	Lungs (легкие)
	Eyes (глаза)	Navel (пупок)
	Face (лицо)	Palm (ладонь)
	Feet (ступни)	Pimple (прыщ)
	Finger (палец)	Punctures (колотая рана)
	Fingernail (ноготь)	Rash (сыпь)
	Fist (кулак)	Scar (шрам)
	Flesh (плоть)	Skull (череп)
	Hair (волосы)	Smegma (смегма)
	Hand (рука)	Sore (рана)
	Head (голова)	Spittle (слюна)
	Heart (сердце)	Tears (слезы)
	Knee (колени)	Thigh (бедро)
	Legs (ноги)	Toe (большой палец ноги)
	Lips (губы)	Vein (вена)
	Moustache (усы)	Vulva (наружные женские половые органы)
	Mouth (рот)	Waist (талия)
	Muscle (мышцы)	Wrinkle (морщина)
	Nasal mucus (сопли)	
	Neck (шея)	

	Nipples (соски) Nose (нос) Penis (пенис) Phlegm (мокрота) Pubic Hair (волосы на лобке) Rectum (прямая кишка) Ribs (ребра) Scratch (царапина) Scrotum (мошонка) Semen (семя) Skin (кожа) Stomach (желудок) Teeth (зубы) Testicles (яички) Throat (горло) Tongue (язык) Ulcer (язва) Vagina (влагалище) Whiskers (бакенбарды) Wound (рана)	
--	---	--

Так, с одной стороны, в словаре П-2 нет сленгизмов, относящихся к МГ «fringe» (челка), «hump» (горб), «jaw» (челюсть) и «nostrils» (ноздри). С другой стороны, в П-2 было выявлено 32 МГ, не получивших отражение в П-1. Такими оказались МГ «abscess» (абсцесс), «armpit» (подмышка), «back» (спина), «blister» (волдырь), «clot» (сгусток крови), «chin» (подбородок), «cossux» (копчик), «cut» (порез), «eyebrow» (бровь), «eyelid» (веко), «figure» (фигура), «lungs» (легкие), «navel» (пупок), «palm» (ладонь), «pimple» (прыщ), «puncture» (колотая рана), «rash» (сыпь), «scar» (шрам), «skull» (череп), «smegma» (смегма), «sore» (рана), «spittle» (слюна), «tears» (слезы), «thigh» (бедро), «toe» (большой палец ноги), «vein» (вена), «waist» (талия) и «wrinkle» (морщина) и некоторые другие.

При этом новые МГ могут получать в П-2 значительное развитие. Например, в связи с распространением наркотиков семантика сленгизмов МГ «вена» на современном этапе развития английского сленга очень разнообразна: *ditch, valley, pit* 'вена, находящаяся впереди от локтевого сустава, часто используемая для инъекций наркотиков', *pipe* 'любая большая вена, подходящая для инъекций наркотиков', *channel, gutter* 'выделяющаяся вена, подходящая для инъекций наркотиков', *line, gasket, home, cunt, rope* 'вена для инъекций наркотиков', *roller* 'вена, в которую сложно сделать инъекцию, так как она перекачивается' и т.д.

Таким образом, мы наблюдаем, прежде всего, изменение *денотативного пространства*¹ в сленге. Можно говорить о своеобразном расширении пространства соматической лексики, которое идет в сленге не столько в сторону появления слов, обозначающих внутренние органы человека, сколько в сторону создания номинаций состояния кожи, мелких особенностей внешнего вида человека: царапин, ссадин, прыщей и т.д. Например, МГ «blister» (волдырь), «cut» (порез), «pimple» (прыщ), «punctures» (колотая рана), «scar» (шрам), «rash» (сыпь), «wrinkle» (морщинка) и др.

Кроме изменений, происходящих на макроуровне (изменение количества микрогрупп), в сленге наблюдаются и изменения, происходящие внутри самих МГ, изменения внутреннего устройства МГ.

Например, МГ «нос» в П-1 представлена словами, указывающими на различную форму и внешний вид носа: *cheese-cutter* ‘выделяющийся орлиный нос’, *copper-nose* ‘красный, раздутый нос, обычно у пьяниц’, *nut-cracker* ‘гнутой нос’, *dook* ‘огромный нос’, *geranium* ‘красный нос’. В П-2 денотат «нос» представлен только набором сленгизмов-дублетов: *beezer*, *conk*, *horn*, *smeller*, *sneezer*, *trunk* ‘нос’. Как можно отметить, упрощение внутренней формы сленгизмов соотносится с упрощением их семантики. Слова, зафиксированные в П-2, дублируя семантику слова *nose*, не обладают такой яркой внутренней формой, как в случае со словами из П-1: это либо морфологические дериваты с функциональным значением (*smeller*, *sneezer*, ср. в русском *нюхалка*), либо результаты метафорических переносов по признаку формы (*horn*, *trunk*).

Увеличивающийся темп жизни и, как следствие, частая смена моды, вероятно, обусловили изменения в МГ «волосы», произошедшие за 50 лет. Так, только в П-1 находим сленгизмы *bell-rope* ‘основной локон, располагающийся перед ухом’, *cow-lick* ‘выделяющийся жирный локон волос’. В П-2 семантика сленгизмов, обозначающих ту же часть тела, намного разнообразнее: *corkscrew* ‘волосы чернокожей женщины, временно собранные в пряди для облегчения процесса высушивания’, *skull-fry*, *pixie* ‘искусственно выпрямленные волосы’, *cousins* ‘вьющиеся волосы на затылке’, *sheepie* ‘очень кучерявые волосы’, *weave* ‘добавленные настоящие или искусственные волосы, чтобы спрятать лысину или редкость своих волос’, *nap* ‘короткие черные волосы чернокожего человека’, *nubbies* ‘короткие спутанные волосы, которые впоследствии приобретут вид дредов’, *flap* ‘прядь волос, которые частично лысый человек может вырастить для прикрытия лысины’, *locks* ‘спутанные волосы, согласно растафарианской моде’, *dreadlocks*,

---

¹ Термин *денотативное пространство* понимается в разных работах по-разному (см. работы Е.С. Кубряковой, С.В. Мичугиной, А.Д. Шмелева, Л.Г. Тобулук и др.). Нашему пониманию ближе всего интерпретация данного термина А.Д. Шмелевым: денотативное пространство – это фрагмент внеязыковой действительности, из которого выбирается называемый объект [6, с. 3]. Тем самым под денотативным пространством мы понимаем набор самих денотатов (частей тела человека), которые подвергаются номинации в сленге.

dreads ‘длинные спутанные пряди волос, которые носят растафариане’. Это является результатом определенной смены тенденций в мире моды на прически, в частности, влияния молодежной моды, моды различных субкультур, а также моды, свойственной афроамериканским носителям сленга.

Тем самым можно утверждать, что влияние моды и изменение в общественных предпочтениях влияют во многом на сменяемость состава микрогрупп.

Из предыдущего очевидно, что микрогруппы, представленные в обеих выборках, различаются по количеству зафиксированных в их составе лексем. Так, есть малочисленные группы, включающие в свой состав 1–4 сленгизма (например, МГ «fingernail» (ноготь), «wound» (рана), «ribs» (ребра), «bone» (кость), «chest» (грудная клетка), «flesh» (плоть), «eyebrow» (бровь), «figure» (фигура), «navel» (пупок) и т.д.); есть также МГ, включающие в себя от 5 до 20 сленгизмов. Например, МГ «beard» (борода) (8), «belly» (живот) (8), «body» (тело) (17), «elbow» (локоть) (5), «bruise» (синяк) (8), «ears» (уши) (16), «heart» (сердце) (8), «nasal mucus» (сопли) (17), «moustache» (усы) (14), «muscles» (мышцы) (14), «nipples» (соски) (10), «rectum» (прямая кишка) (12), «throat» (горло) (16) и под. Наконец, есть и такие МГ, которые имеют в своем составе более 20 сленгизмов.

Это позволяет поставить вопрос о существовании денотативного ядра (ДЯ) тематического поля «Тело человека» – микрогрупп, которые являются, по-видимому, прототипическими в сленге для рассматриваемой тематической группы «Тело человека». Представляется целесообразным отнести к ДЯ микрогруппы, которые, во-первых, нашли отражение в П-1 и П-2 и, во-вторых, включают в свой состав более 20 сленгизмов.

Таковыми микрогруппами оказались «penis» (пенис) (342), «vagina» (вагина) (341), «breasts» (грудь) (134), «buttocks» (ягодицы) (128), «testicles» (яички) (87), «head» (голова) (79), «mouth» (рот) (75), «nose» (нос) (71), «anus» (анус) (61), «hand» (рука) (48), «teeth» (зубы) (45), «face» (лицо) (45), «semen» (семя) (43), «eyes» (глаза) (42), «excrement» (экскременты) (40), «pubic hair» (волосы на лобке) (40), «legs» (ноги) (37), «hair» (волосы) (36), «feet» (ступни) (30), «finger» (палец) (26), «stomach» (желудок) (26) и «corpse» (труп) (21). Общее количество входящих в них сленгизмов – 1797 слов, что составляет 80% всей исследуемой соматической лексики и является достаточно репрезентативным массивом, позволяющим проводить дальнейшие исследования исключительно на материале данной лексики.

Микрогруппы ДЯ также могут быть ранжированы в зависимости от представленных в них лексем. В ДЯ выделяются:

- 1) центральная часть – МГ, имеющие в своем составе свыше 200 слов;
- 2) ближняя периферия – МГ с числом лексем от 101 до 200;
- 3) дальняя периферия – МГ, включающие в свой состав от 21 до 100 слов.

Оказывается, что лексика, связанная с сексуальной активностью человека, полностью занимает и центральную часть, и ближнюю периферию. Слова, обозначающие другие части тела, появляются только на дальней

периферии, что позволяет еще раз подтвердить специфические интересы носителей сленга. Здесь представлены такие МГ как «legs» (ноги), «hair» (волосы), «feet» (ступни) и под.

Изменения наполняемости микрогрупп, произошедшие в ДЯ, отражают общие тенденции изменения соматической лексики. В табл. 2 указано количество слов, зафиксированных в словарях П-1 и П-2.

Т а б л и ц а 2

Количество лексики микрогрупп ДЯ в словарях П-1 и П-2

№ п/п	Микрогруппа	Количество слов		
		Только в П-1	В П-1 и П-2	Только в П-2
1	Anus (анус)	1	4	56
2	Breasts (грудь)	6	4	124
3	Buttocks (ягодицы)	22	7	99
4	Corpse (труп)	7	1	13
5	Excrements (экскременты)	4	1	35
6	Eyes (глаза)	19	9	14
7	Face (лицо)	19	6	20
8	Feet (ступни)	15	4	11
9	Finger (палец)	9	3	14
10	Hair (волосы)	13	—	23
11	Hand (рука)	18	5	25
12	Head (голова)	38	13	28
13	Legs (ноги)	13	7	17
14	Mouth (рот)	48	7	20
15	Nose (нос)	34	7	30
16	Penis (пенис)	67	19	256
17	Pubic hair (волосы на лобке)	9	2	29
18	Semen (семя)	4	—	39
19	Stomach (желудок)	11	2	13
20	Teeth (зубы)	17	3	25
21	Testicles (яички)	15	8	64
22	Vagina (вагина)	151	19	171
Всего		540	131	1126

Из табл. 2 видно, что количество ушедших и возникших слов различается: немалое количество слов уходит из употребления (540 лексических единиц), еще больше слов начинает употребляться только во второй половине XX в. (1126 лексем). Причем изменение состава МГ идет не только по линии увеличения или уменьшения количества ее единиц, но также и по линии их замены. Некоторые МГ полностью изменяют свой лексический состав.

Для выявления общей картины, помогающей представить особенности сменяемости соматической лексики, вводим понятие «индекса устаревания» лексики (табл. 3), который показывает, какой процент лексики данной МГ перестает употребляться во второй половине XX в. (за 100% берется количество всей лексики определенной МГ, зафиксированной в П-1). Например, в МГ «нос» за 100% берется 41 лексема (все слова, зафиксированные в П-1), а перестали употребляться 34 слова, так что «индекс устаревания» равен 83% ($34 \times 100 : 41$).

Т а б л и ц а 3

«Индекс устаревания» соматической лексики

№ п/п	Микрогруппа	«Индекс устаревания» лексики, %
1	Hair (волосы)	100
2	Semen (семя)	100
3	Vagina (вагина)	89
4	Corpse (труп)	87,5
5	Mouth (рот)	87
6	Stomach (желудок)	85
7	Teeth (зубы)	85
8	Nose (нос)	83
9	Pubic Hair (волосы на лобке)	81
10	Excrements (экскременты)	80
11	Legs (ноги)	79
12	Feet (ступни)	79
13	Hand (рука)	78
14	Penis (пенис)	78
15	Face (лицо)	76
16	Buttocks (ягодицы)	76
17	Finger (палец)	75
18	Head (голова)	74,5
19	Eyes (глаза)	68
20	Testicles (яички)	65
21	Breasts (грудь)	60
22	Anus (анус)	20
В среднем		77,5

100%-ный показатель «устаревания» лексики в МГ «волосы» и «семя» говорит о том, что в данных МГ нет ни одного слова, перешедшего из П-1 в П-2. Для наименований этих реалий 50 лет назад и сейчас использованы различные слова. В среднем же «индекс устаревания» лексики по МГ колеблется в пределах 80%, что действительно свидетельствует о значительной степени устаревания лексики сленга.

Далее мы вводим «индекс обновления» сленговой лексики (табл. 4), который показывает, какой процент лексики МГ начинает употребляться во второй половине XX в. (за 100% берется количество всей лексики данной МГ, имеющейся в П-2). На примере все той же МГ «нос» «индекс обновления» составляет 81% ($30 \times 100 : 37$).

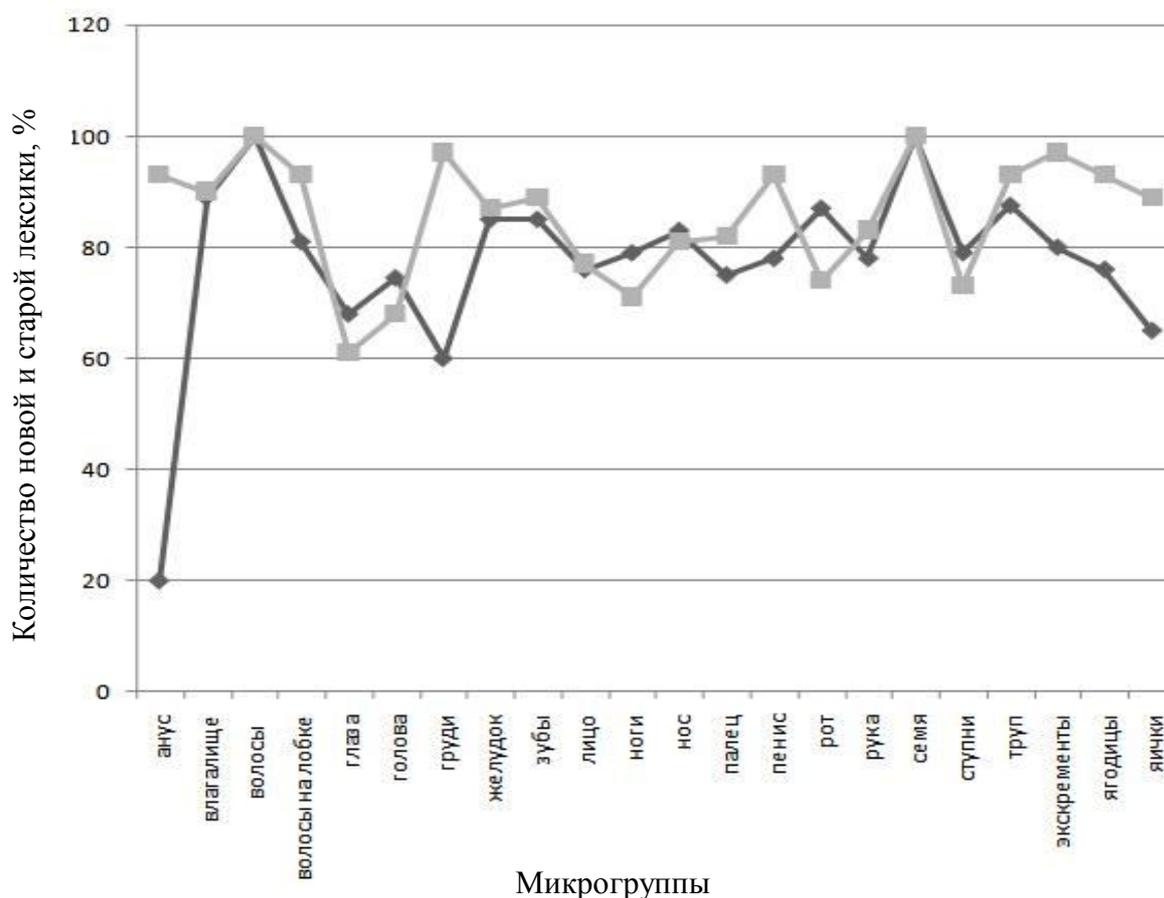
Т а б л и ц а 4

«Индекс обновления» соматической лексики

№ п/п	Микрогруппа	«Индекс обновления» лексики, %
1	Hair (волосы)	100
2	Semen (семя)	100
3	Breasts (грудь)	97
4	Excrements (экскременты)	97
5	Corpse (труп)	93
6	Buttocks (ягодицы)	93
7	Anus (анус)	93
8	Pubic hair (волосы на лобке)	93
9	Penis (пенис)	93
10	Vagina (влагалище)	90
11	Teeth (зубы)	89
12	Testicles (яички)	89
13	Stomach (желудок)	87
14	Hand (рука)	83
15	Finger (палец)	82
16	Nose (нос)	81
17	Face (лицо)	77
18	Mouth (рот)	74
19	Feet (ступни)	73
20	Legs (ноги)	71
21	Head (голова)	68
22	Eyes (глаза)	61
В среднем		81,5

Понятно, что полностью обновленными МГ оказались «волосы» и «семя». Следует отметить, что «индекс обновления» в среднем немного выше, чем «индекс «устаревания» (81,5% и 77,5%). Кроме того, именно «индекс обновления» в большей степени позволяет зафиксировать скорость сменяемости лексики тематической группы «Тело человека». Наименьший процент обновления (60–70%) имеют МГ «глаза» – 61%, «голова» – 68%, «ноги» – 71%, «ступни» – 73% и «рот» – 74%, входящие в так называемую дальнюю периферию. Следовательно, наиболее заполненные МГ, как правило, больше обновляются в процентном соотношении (около 90%), а менее наполненные – меньше (65%).

Согласно данным графика (рисунок), некоторые МГ имеют практически одинаковый «индекс устаревания» и «обновления» лексики, что говорит об относительной стабильности данных МГ и перманентном интересе к ним со стороны носителей английского сленга. Такими МГ являются, в частности, «лицо» и «нос». Постоянный интерес к этим МГ можно объяснить тем, что данные денотаты являются своего рода репрезентантами самого человека, тем, что запоминается первым и с помощью чего мы идентифицируем окружающих нас людей.

График, отображающий «индекс устаревания» и «индекс обновления» сленговой лексики: ◆ «индекс устаревания» лексики; ■ «индекс обновления» лексики

Группами, в которых «индекс устаревания» немного превысил «индекс обновления», оказались МГ «глаза», «голова», «ступни» и «рот». Возможно, это связано с изменениями предпочтений у носителей сленга в наше время. Так, большое количество сленгизмов МГ «рот» и «голова» имеют маркировку в П-1 как перешедшие из специального сленга боксеров. В наше время данная сфера деятельности, возможно, является не настолько актуальной, что и повлекло меньший процент обновления лексики в данных группах.

Однако большая часть МГ характеризуется превалированием «индекса обновления» над «индексом устаревания». В связи с социальным и психологическим раскрепощением англоговорящего общества за последние 50 лет, «сексуальными революциями», демократизацией общества, доходящей до признания однополых браков, нам видится обоснованным возникновение

множества номинаций, связанных с интимной жизнью человека. Так, наибольший процент обновления лексики наблюдается в МГ, сленгизмы которых обозначают интимные части тела.

Таким образом, на примере соматической группы слов мы установили основные особенности процесса сменяемости лексики английского сленга. В этом процессе, прежде всего, наблюдается такое явление, как изменение денотативного пространства сленга: в один период существования сленга свои названия получают одни части тела, в другой период – другие. При этом наблюдающаяся на современном этапе развития английского сленга тенденция подвергать номинации не какие-то внутренние органы человеческого тела, а лишь его внешние особенности, мелкие дефекты (царапины, прыщи и т.д.) обусловлена спецификой мышления носителей сленга: лингвистам хорошо известно, что внимание носителей сленга сосредоточено в большей степени на внешней, формальной стороне явлений действительности, нежели на глубинной, внутренней, содержательной.

Состав самих микрогрупп также изменяется. При обозначении реалий, интересующих носителей сленга, внимание перемещается с одних признаков, свойств, характеристик денотатов на другие, что ведет к появлению новых слов. Уход из употребления старых и, наоборот, появление новых сленгизмов с несколько другими значениями, хотя и называющих одну и ту же часть тела, особенность внешности, связаны, безусловно, с влиянием экстралингвистических факторов (например, изменением моды на прически и т.п.).

Наконец, за последние полвека существования английского сленга, как нами было отмечено, происходит значительное изменение самого состава сленговой лексики. Так, на примере денотативного ядра соматизмов английского сленга было установлено, что, с одной стороны, более трех четвертей лексики (точнее, 77,5 %) перестает употребляться. С другой стороны, лексика тематического поля «Тело человека» за рассматриваемый период обновилась в среднем на четыре пятых своего состава (81,5 %), что свидетельствует об активизации процесса прихода новой лексики в сленг. При этом группа соматизмов объективно характеризуется наибольшей стабильностью по сравнению с другими тематическими группами, применительно к которым полученные цифры, как мы предполагаем, могут быть еще выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маковский, М.М.* Пути реконструкции ранне-английских социальных диалектов / М.М. Маковский // *Вопр. языкознания.* – 1972. – № 5. – С. 78–89.
2. *Иванова, Г.Р.* Территориальная дифференциация английского университетского сленга (синхронно-диахронное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Г.Р. Иванова ; Моск. пед. ун-т. – М., 1991. – 19 с.
3. *Русский семантический словарь* : в 3 т. / редкол. : Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Азбуковник, 1998–2010. – Т. 1 : Слова указующие. Слова именующие: имена существительные / Н.Ю. Шведова [и др.]. – 1998. – 807 с.

4. *Partridge, E.* A dictionary of slang and unconventional English (colloquialisms and Catch-phrases solecisms and Catchers Nicknames Vulgarisms and such Americanisms as have been naturalized) : in 2 vol. / E. Partridge. – Routledge and Kegan Paul London and Henley, 1979. – Vol. I. – 974 p.

5. The new Partridge dictionary of slang and unconventional language : in 2 vol. / T. Dalzell, T. Victor. – London; N.Y. : Routledge. – 2006. – Vol. 1. – 2406 p.; Vol. 2. – 2400 p.

6. *Шмелев, А.Д.* Определенность–неопределенность в названиях лиц в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. / А.Д. Шмелев ; Моск. гос. пед. ин-т. им. В.И. Ленина. – М., 1984. – 19 с.

The article is concerned with the role of slang lexical turnover within the space of the last 40 years. The vivid connection between the development of up-to-date society and lexical change in English slang is elicited. The lexical nexus of somatic slang words is also educated.

Поступила в редакцию 17.08.11

И.П. Мышалова

ГРАДУАЛЬНОСТЬ В ЛЕКСИКЕ (на материале современного английского языка)

Статья посвящена лексическим средствам выражения градуальности в современном английском языке. Основанием для объединения единиц в шкалы отличной конфигурации (простые, осложненные и сложные) служит различие по градуируемому признаку, который входит в семантику той или иной единицы либо в качестве единственной дифференциальной семы (монопризнаковые единицы), либо выступает в сочетании с другими признаками (полипризнаковые единицы). Градуальная лексика представлена единицами разных частей речи, среди которых ведущими являются имена существительные и имена прилагательные. Исследование показывает, что градуальность, являясь одним из типов парадигматических отношений, связана с такими множествами как антонимия, синонимия, гиперо-гипонимия, меронимия и др., при этом любой ряд какого-либо признака может совмещать в себе целый спектр отношений указанных типов.

Основополагающей мыслительной операцией в познании человеком окружающего мира является, несомненно, сравнение [1]. Именно на сравнении строится *градуальность*, под которой понимается «последовательность, постепенность (обычно нарастающая) в расположении чего-нибудь, при переходе от одного к другому» [2, с. 142]. В лексической системе *градуальность* предстает в тесной связи с разными видами парадигматических множеств и являет собой «последовательность эквивалентных единиц (по меньшей мере, трех), обладающих одной или несколькими общими семами, одна из которых повторяется с количественными изменениями» [3, с. 93].

Градуальность как проявление различной степени, интенсивности, меры и других количественных различий, касающихся семантики единиц, может быть выражена с помощью разных языковых средств: *морфологических, лексических* и *синтаксических*. В рамках данной статьи нам представляется важным выявить систему лексических средств выражения градуальности, в которой имеют место формально не выраженные языковые смыслы, связанные с количественно варьирующимся признаком. В этом плане необходимо, на наш взгляд, *во-первых*, установить типы лексических единиц, в семантике которых содержится признак градуальности, и далее на их базе построить градуальные шкалы различной конфигурации. *Во-вторых*, необходимым представляется определить частеречные, количественные и качественные свойства градуальной лексики, а также выявить взаимосвязь градуальности с другими типами парадигматических отношений. Материалом для исследования явилась лексическая система современного английского языка.

Как явствует из приведенных в лингвистической литературе описаний [4; 5], шкала градуальности – это шкала качества, на которой элементы упорядочены по количеству этого качества. Однако установление шкалы того или иного признака и расположение на ней лексических единиц как тех или иных точек является сложной задачей. Для определения единиц, в семантике которых имеет место градуирование того или иного признака, были использованы методы компонентного и оппозиционного анализа. Ключевыми единицами при анализе послужили слова, выражающие степень повышения или понижения того или иного признака, или слова-градуаторы¹ (термин введен С.М. Колесниковой [4]). При помощи данной методики путем сплошной выборки из «Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners» [6] были отобраны единицы различных частей речи, организуемые в градуальные ряды.

Основанием для объединения единиц в шкалы послужило различие по градуируемому признаку, который входит в семантику той или иной единицы либо в качестве единственной дифференциальной семы, либо выступает в сочетании с другими признаками. Другими словами, единицы указанных типов относятся к предикатным и денотатным единицам [7]. Для первых характерна *монопризнаковость*, так как данные слова, фиксируя какое-либо единственное качество, признак единицы, являются семантически гомогенными. Денотатные единицы характеризуются *полипризнаковостью*, онтологической основой которых служит многообразие признаков, связей и отношений между предметами и явлениями действительности. Как указывает Н.Д. Арутюнова, данные единицы «характеризуют класс предметов с разных сторон, фиксируя его различные физические и функциональные аспекты» [7, с. 333].

---

¹ К словам-градуаторам относятся, прежде всего, наречия типа *extremely* ‘чрезвычайно, в высшей степени’, *very* ‘очень’, *slightly* ‘немного’ и т. п.; прилагательные в сравнительной и превосходной степенях, а также в сравнительных конструкциях; слова, называющие свойства и явления, которые допускают количественное измерение (например, *fast* ‘быстро’) и пр.

На основании разграничения единиц указанных типов были построены градуальные шкалы различной конфигурации: *простые, осложненные и сложные*. Так, монопризнаковые единицы образуют простые шкалы на основании различия семантики единиц только по единственному градуируемому признаку. Примером является ряд имен прилагательных, где параметром градуальности выступает насыщенность желтого цвета: *straw-coloured* ‘бледно-желтый’ – *yellow* ‘желтый’ – *tawny* ‘темно-желтый’, где *straw-coloured* ‘**light** yellow’ (‘бледно-желтый’) – *yellow* (1)¹ ‘having the colour of butter or the middle part of an egg’ (‘имеющий цвет масла или желтка яйца’) – *tawny* ‘**dark** yellow’ (‘темно-желтый’). В данном случае слова-градуаторы представлены лексемами *light* и *dark*, семантика которых антонимична и отражает изменение по шкале насыщенности цвета. Как показывает исследование, простые градуальные шкалы встречаются редко (менее 10 % от всех градуальных рядов). Наиболее типичным примером градуальных шкал являются шкалы, в семантике единиц которых наряду с градуируемым признаком сосуществуют и другие признаки (около 90 %). Примером шкалы такого типа служит ряд имен прилагательных, где параметром градуальности выступает интенсивность дождя: *rainy/wet* ‘дождливый’ – *drizzly* ‘морозящий’ – *dry* ‘сухой’, где *rainy* (1)/*wet* (2) ‘a rainy period of time is one when it rains **a lot**’ (‘дождливым называется период, во время которого интенсивно идет дождь’) – *drizzly* ‘raining **slightly**, with a lot of mist in the air’ (‘неинтенсивный дождь, сопровождаемый сильным туманом’) – *dry* (2) ‘**very little** rain or moisture’ (‘минимальный дождь или влажность’). В данном примере элементами-градуаторами выступают *a lot*, *slightly* и *very little*. Как явствует из дефиниций единиц ряда, все его члены кроме единицы *drizzly* ‘морозящий’ являются монопризнаковыми единицами. Слово *drizzly* ‘морозящий’ сочетает в себе несколько дифференциальных сем: 1) ‘raining slightly’, 2) ‘with a lot of mist in the air’ (1) ‘неинтенсивный дождь’, 2) ‘сопровожаемый сильным туманом’), т.е. является полипризнаковой единицей. Благодаря единицам такого плана создается наименование сложного типа, в котором семантическая дифференциация единиц ряда определяется градуальным признаком, коррелирующим с другими признаками, в своей совокупности составляющими индивидуальную семантику той или иной единицы. Шкалы такого типа мы называем *осложненными*. Отметим, что помимо простых и осложненных шкал также существуют и такие, в которых одновременно на одной точке шкалы располагаются несколько единиц, а именно монопризнаковые, т.е. базовые градуальные единицы, отличающиеся количеством какого-то качества, и полипризнаковые единицы, сочетающие в себе градуальные семы какого-либо качества и дополнительные качественные семы. Такие шкалы являются *слож-*

¹ Нами отобраны слова как в первичных, так и вторичных значениях; цифра в скобках указана для слов, имеющих более одного значения, и соответствует номеру значения в [6].

ными. Примером такой шкалы выступает ряд имен прилагательных, где параметром градуальности служит конституция человека¹.

Монопризнаковые единицы

Emaciated → *Skinny* → *Thin* → *Chubby* → *Pudgy* → *Fat* → *Obese*
 ‘истощенный’ ‘тощий’ ‘худой’ ‘полно- ‘плотный’ *corpulent* ‘страдаю-
 ватый’ *porky* ‘щий ожи-
 ‘толстый’ рением’

Полипризнаковые единицы

Gaunt → *Angular* → *Plump* → *Stout* → *Dumpy* → *Gross*
 ‘сухопарый’ ‘костлявый’ ‘пухлый’ ‘плотновато- ‘коре- ‘тучный’
 тучный’ настый’

К полипризнаковым единицам данного ряда, занимающим то или иное место на шкале в зависимости от градуальной семы, относятся: *dumpy* ‘someone who is dumpy is fat, short, **and** unattractive’ (‘толстый, низкий и непривлекательный (о человеке)’); *gaunt* (1) ‘very thin **and** pale, especially because of illness or continued worry’ (‘очень худой и бледный, особенно из-за болезни или продолжающейся обеспокоенности’); *gross* (4) ‘**extremely fat and** unattractive’ (‘**чрезвычайно** толстый и непривлекательный’); *tubby* ‘short **and slightly** fat, with a round stomach’ (‘невысокий и **немного** полный, с круглым животом’) и т.п. На данном примере становится очевидным, что, во-первых, все вышеперечисленные полипризнаковые единицы принадлежат градуальному ряду конституции человека. Во-вторых, данные единицы сложных рядов благодаря наличию в их семантике комплекса признаков сопряжены и с другими градуальными рядами. Так, *gross* (4) ‘**extremely fat and** unattractive’ (‘**чрезвычайно** толстый и непривлекательный’) относится к двум соответствующим градуальным рядам. Однако отметим, что зачастую не все признаки полипризнаковой единицы имеют градуальный характер. Так, например, прилагательное *tubby* ‘short **and slightly** fat, with a round stomach’ (‘невысокий и **немного** полный, с круглым животом’) содержит в своей семантике градуируемый признак конституции ‘**slightly fat**’, а другие признаки ‘short’ и ‘with a round stomach’ в данном случае не градуируются, хотя, например, существуют ряды, где параметром градуальности выступает рост человека. Как показывает отобранный материал, полипризнаковые градуальные единицы могут содержать разные семы – каузальные, локативные, эмоциональные и др. Таким образом, лексическая градуальность представлена целым комплексом монопризнаковых и полипризнаковых единиц. Последние, занимая то или иное место на шкале градуальности, качественно расширяют и усложняют ее, а также отсылают к градуальным рядам других признаков, тем самым связывая различные лексико-семантические классы.

¹ На схеме приведены не все полипризнаковые единицы указанного ряда; русский эквивалент полностью не раскрывает семантику единиц ряда, поэтому далее приведен наш перевод дефиниций данных единиц.

Отвечая на вопрос о частеречной стратификации градуальной лексики, подчеркнем, что «все, что может быть квантифицировано, будь то предмет (*дом*), или действие (*бежал*), или признак предмета (*красный*), или признак действия (*грациозно*), имеет внутреннюю способность к градуированию» [8, с. 94]. Этот тезис Э. Сэпира находит подтверждение и в системе современного английского языка, где градуальность оказывается присущей широкому спектру единиц.

Сравнение градуальных рядов в сферах разных частей речи современного английского языка приводит к заключению, что наибольшее их число сосредоточено в классе имени существительного. Данные существительные различаются по принадлежности к лексическим разрядам: градуальные ряды формируют как конкретные имена существительные, так в большей степени и имена существительные с абстрактной семантикой. В качестве примера приведем ряд абстрактных имен существительных, где параметром градуальности служит степень удивления: *surprise* ‘удивление’ – *amazement* ‘изумление’ – *astonishment* ‘полное изумление’. За именами существительными следуют ряды качественных имен прилагательных, несмотря на то, что единицы именно этой части речи имеют морфологические средства выражения градуальности. Примером является ряд, где параметром градуальности служит глубина чего-либо: *bottomless* (1) ‘бездонный’ – *deep* (1) ‘глубокий’ – *shallow* (1) ‘неглубокий’. Отметим, что и в лексической, и в морфологической системах имен прилагательных градуированию подлежат практически одни и те же типы признаков, что свидетельствует о том, что лексическая градуальность качественных адъективных единиц дополняет базовую морфологическую. В градуальные ряды способны выстраиваться и глаголы (например, ряд, где параметром градуальности служит шаг лошади: *trot* (2) ‘идти рысью’ – *canter* ‘идти легким галопом’ – *gallop* (1) ‘идти галопом’), и наречия современного английского языка (например, ряд, где параметром градуальности служит степень легкости/сложности выполнения чего-либо: *easily* (1) ‘легко’ – *toughly* (1) ‘сложно’ – *solidly* (12) ‘очень трудно’ – *hellishly* ‘ужасно трудно’). Следует подчеркнуть, что в большинстве случаев наречия представляют собой примеры чистой транспозиции, выступая отадъективными единицами, образованными от имен прилагательных с прибавлением суффикса *-ly*.

Незначительное число градуальных рядов выделяется и у таких частей речи, как местоимение (например, *everything* (1) ‘все’ – *something* (1) ‘кое-что, нечто’ – *nothing* (1) ‘ничего, ничто’) и междометие (в градуальные ряды могут быть организованы междометия, выражающие различные эмоции или эмоциональные состояния. Например: *oh!* (4) ‘о!’ (используется для выражения **большой радости**, злости и т.п.) – *ah* ‘ах!’ (используется для выражения **радости**, согласия и т.п.) – *alas* ‘увы!’ (используется для выражения **горя**, позора или страха). Своеобразную шкалу представляет градуальный ряд количественных числительных: *one* (1) ‘один’ – *two* (1) ‘два’ – *three* (1) ‘три’ ... Во-первых, данный ряд числительных в отличие от градуальных рядов других частей речи представляет собой «эталон», так как границы

между единицами ряда не размыты, а четко очерчены семантикой членов в связи с тем, что шаг перемещения по шкале равен единице. Во-вторых, полюса данной градуальной шкалы не могут быть представлены каким-либо конечным членом, так как они уходят в бесконечность.

Таким образом, градуальность присуща ведущим знаменательным частям речи современного английского языка, причем, отражая изменение количества какого-либо качества, она наиболее ярко представлена не именами прилагательными как единицами, обозначающими это качество, т.е. признак, а именами существительными. В целом лексическая система современного английского языка включает около 330 градуальных рядов, в которых составляющие их члены вступают друг с другом в градуальные оппозиции.

Если рассматривать ряды указанных выше подсистем по количеству составляющих их членов, то можно отметить, что они могут насчитывать от трех (например, ряд глаголов, где параметром градуальности служит степень желания: *want (1)* ‘желать, хотеть’ – *desire (1)* ‘страстно желать’ – *crave* ‘жаждать’) до пятнадцати членов¹ (например, ряд, где параметром градуальности выступает длина временного отрезка: *attosecond* ‘аттосекунда’ – *nanosecond* ‘наносекунда’ – *millisecond* ‘миллисекунда’ – *second (1)* ‘секунда’ – *minute (1)* ‘минута’ – *quarter (2)* ‘15 минут’ – *hour (1)* ‘час’ – *day (1)* ‘сутки’ – *week (1)* ‘неделя’ – *fortnight* ‘2 недели’ – *month (2)* ‘месяц’ – *year (1)* ‘год’ – *decade* ‘десятилетие’ – *century (2)* ‘век’ – *millennium (1)* ‘тысячелетие’). Наиболее представленными во всех подсистемах являются ряды с небольшим количеством членов (от трех до пяти), при этом количество членов ряда зависит от конкретного градуируемого признака. Чем больше число членов ряда, тем меньше становится количество этих рядов, что соответствует общеязыковой тенденции соотношений членов парадигм и их числа в системе.

Градуальность связана со многими типами парадигматических отношений в современном английском языке, прежде всего с такими базовыми отношениями, как антонимия и синонимия, так как существует очевидное противопоставление членов градуального ряда. Например:

<i>Unafraid</i>	→	<i>Scared</i>	→	<i>Terrified</i>	→	<i>Petrified</i>
‘бесстрашный’		<i>alarmed</i>		<i>shit-scared</i>		‘ужасно испуганный’
		<i>frightened</i>		‘сильно испуганный’		
		‘испуганный’				

Данный ряд имен прилагательных, где параметром градуальности выступает степень испуга, высвечивает и антонимические отношения между членами ряда (*unafraid (1)* ‘бесстрашный’ – *petrified (1)* ‘ужасно испуганный’), и сложноорганизованные синонимические отношения. Так, с одной стороны, члены *scared/alarmed (1)/frightened* ‘испуганный’ и *terrified/shit-scared* ‘сильно испуганный’ являются синонимами, так как они отражают одно и то же качество со знаком «минус». С другой стороны, в одном узле,

¹ Наибольшая дифференциация наблюдается у рядов имен существительных.

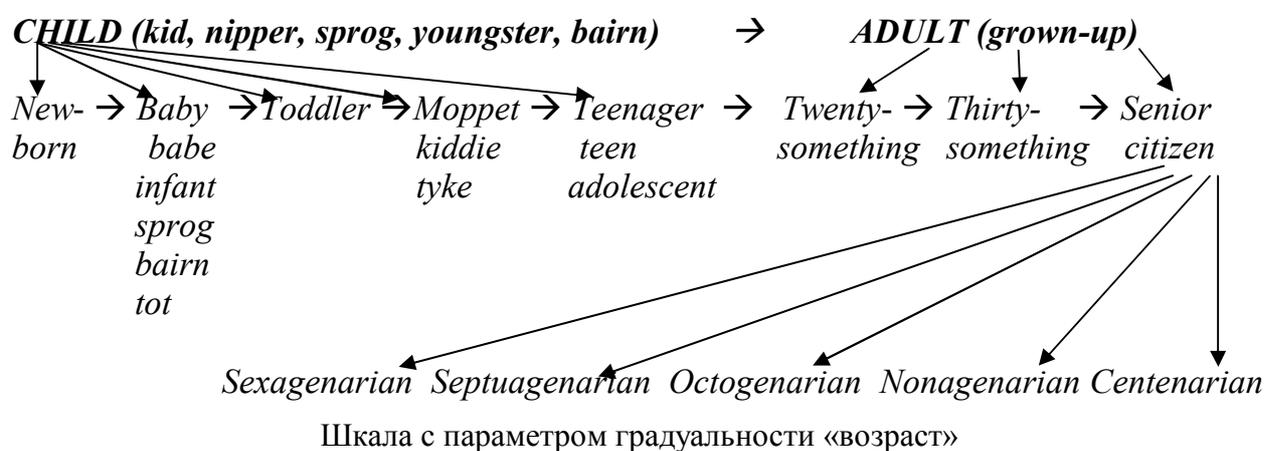
т.е. в одной точке шкалы, располагается целый ряд единиц с одинаковой степенью признака, формирующих своеобразную синонимическую микропарадигму, в которой представлены и нейтральный член, и члены, отличающиеся разными функционально-стилистическими сферами и/или принадлежащие к национальным вариантам английского языка [9]. Так, *terrified* и *shit-scared* имеют значение ‘сильно испуганный’, однако *terrified* при отрицательной денотативной характеристике является стилистически нейтральным членом, в то время как *shit-scared* относится к разговорному грубому британскому варианту английского языка.

Наряду с тем, что члены градуальных рядов вступают в антонимические и синонимические отношения, среди градуальных рядов имен существительных наблюдается связь и с другими типами множеств. Так, данные ряды могут быть осложнены таким ведущим типом парадигматических отношений, как меронимия, т.е. отношения «часть–целое». Например:

<i>Stone</i> ‘камешек’ ‘a small piece ¹ of rock of any shape, found on the ground’ ‘маленький осколок камня любой формы, найденный на земле’	→	<i>Rock</i> ‘камень’ ‘a piece of rock , especially a large one that sticks up from the ground’ ‘осколок камня, особенно больших размеров, который выступает из земли’	→	<i>Boulder</i> ‘валун’ ‘a large round piece of rock ’ ‘большой круглый осколок камня’
--	---	--	---	--

С одной стороны, данный ряд имен существительных отражает отношения, где параметром градуальности выступает размер. С другой стороны, члены ряда *stone* (2) ‘камешек’ и *boulder* ‘валун’ являются меронимами по отношению к центральной лексеме градуального ряда, или холониму *rock* (1b) ‘камень’. Таким образом, становится очевидным, что членами градуальных множеств могут выступать различные холонимы и меронимы современного английского языка.

Изучение отношений между членами рядов имен существительных высвечивает тесную связь градуальных множеств и с широко представленными в языковой системе современного английского языка гиперо-гипонимическими структурами [11], в основе которых лежит логическая операция обобщения (рисунок).

¹ Список меронимов современного английского языка см. [10, с. 307–308].

Слова, представленные на схеме, формируют множество, в котором основой для градуирования выступает признак ‘возраст’. Так, *newborn* ‘новорожденный’ – *baby (1)* ‘младенец’ – *toddler* ‘ребенок, начинающий ходить’ и т.д. В то же время все члены градуального множества подчинены своему гиперониму. Лексемы *child (1)/kid (1)/nipper/sprog/youngster/bairn* ‘ребенок’ являются именами родового понятия, а члены градуального множества *newborn* ‘новорожденный’, *baby (1)/babe (1)/infant/sprog/bairn/shorty (3)/tot (1)* ‘младенец’, *toddler* ‘ребенок, начинающий ходить’, *moppet/kiddie/tyke (2)* ‘малыш’, *teenager/adolescent/teen* ‘подросток’ являются их гипонимами. Лексемы *adult (1)/grown-up* ‘взрослый’ также являются гиперонимами следующих членов градуального ряда: *twentysomething* ‘человек в возрасте от 20 до 29 лет’, *thirtysomething* ‘человек в возрасте от 30 до 39 лет’, *senior citizen* ‘пожилой человек’, *sexagenarian* ‘человек в возрасте от 60 до 69 лет’ и т. д. В данном случае имеет место двухуровневая гиперо-гипонимическая структура: лексемы *adult/grown-up* ‘взрослый’ выступают гиперонимами по отношению к гипониму *senior citizen* ‘пожилой человек’, который, в свою очередь, также является гиперонимом членов градуального ряда, таких как *sexagenarian* ‘человек в возрасте от 60 до 69 лет’, *septuagenarian* ‘человек в возрасте от 70 до 79 лет’, *octogenarian* ‘человек в возрасте от 80 до 89 лет’, *nonagenarian* ‘человек в возрасте от 90 до 99 лет’ и *centenarian* ‘человек ста (и более) лет’. Следовательно, можно сделать вывод, что какой бы ни была детализация, каждый наиболее значимый для человека аспект признака находит свое обобщение в гиперониме.

Градуальные ряды имен существительных могут пересекаться и с циклическими множествами. Примером отношений такого типа является ряд, в котором дифференциация признака основана на наличии наибольшего или наименьшего количества света.

<i>Dawn</i>	→	<i>Morning</i>	→	<i>Midday</i>	→	<i>Day</i>	→	<i>Evening</i>	→	<i>Dusk</i>	→	<i>Sunset</i>	→
<i>daybreak</i>		<i>morn</i>		<i>noon</i>		‘день’		<i>eve</i>		<i>nightfall</i>		<i>sundown</i>	
<i>sunrise</i>		‘утро’		‘полдень’				<i>eventide</i>		<i>twilight</i>		‘закат’	
<i>sun-up</i>								‘вечер’		<i>gloaming</i>			
<i>cockcrow</i>										‘сумерки’			
<i>first light</i>													
‘рассвет’													

→	<i>Midnight</i>	→	<i>Wee-hours</i>	→	<i>Night</i>
	‘полночь’		‘первые часы		‘ночь’
			после полуночи’		

Данный ряд характеризуется не только циклическими отношениями, но и отношениями частичной партитивности, так как некоторые его члены, например, *evening (1)* ‘the early **part of** the night ...’ (*вечер* ‘первая **часть** ночи ...’), *night (1)*: ‘the dark **part of** ...’ (*ночь* ‘темная **часть** ...’) являются меронимами. В целом высвечивается тесная взаимосвязь градуальности

с разными типами парадигматических множеств, а также пересечение этих типов отношений¹. Отметим, что любой ряд какого-либо признака может совмещать в себе целый спектр отношений указанных типов.

Таким образом, градуальность, формируя определенную подсистему, входит в комплекс сложных семантических отношений, представленных в языковой системе современного английского языка. Изучение градуальности показывает, что она является многогранным феноменом. В том числе это верно и для лексической градуальности, демонстрирующей свои индивидуальные частеречные, количественные, качественные и структурные свойства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кондаков, Н.И.* Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М. : Наука, 1971. – 638 с.
2. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 5-е изд. ; доп. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. *Ducrot, O.* Dictionnaire encyclopedique des sciences du langage / O. Ducrot, T. Todorov. – Paris : Editions, 1972. – 354 p.
4. *Колесникова, С.М.* Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке / С.М. Колесникова. – М. : МПУ, 1998. – 180 с.
5. *Халина, Н.В.* Категория градуальности в словоформе, слове, тексте : дис. в виде науч. докл. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н.В. Халина. – Барнаул, 1997. – 57 л.
6. Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners. – 5th ed. – London : Longman, 2009. – 2081 p.
7. *Арутюнова, Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
8. *Sapir, E.* Grading: A study in semantics / E. Sapir // Phil. of Science. – 1944. – Vol. 11, № 2. – P. 93–116.
9. *Ullmann, S.* Semantics. An Introduction to the Science of Meaning / S. Ullmann. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1962. – 408 p.
10. *Комарова, З.И.* Репрезентация категории партитивности в статике и динамике (в русском и английском языках) / З.И. Комарова, А.С. Дедюхина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. фед. ун-та им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. – 318 с.
11. *Лайонз, Дж.* Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М. : Прогресс, 1978. – 544 с.
12. *Шавель, А.А.* Типы семантической организации лексических полей в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.А. Шавель. – Минск, 1998. – 122 л.

---

¹ Наш материал частично пересекается с результатами исследования [12]. В данной работе убедительно представлено пересечение гиперо-гипонимии с меронимическими отношениями.

The article focuses on lexical means of gradation in the contemporary English language. The research reveals lexical units which contain gradational semes along with their different part-of-speech, quantitative and qualitative features. The paper also concentrates on structural peculiarities of the gradational scale itself as well as on the interconnection of gradation with different types of paradigmatic relations.

Поступила в редакцию 13.07.11

А.Н.Степанова, С.А.Шашкова

РЕФЕРЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ КОМПЛЕКСЕ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМ ПРИДАТОЧНЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЕМ

Анализ модальных форм в придаточном определительном предложении, одном из семантических типов относительного подчинения, показывает, насколько важным является обращение к референции антецедента в главном предложении и, соответственно, к его признаку, представленному «глагольной идеей» в придаточном. В тех случаях, когда антецедент реализует референцию к «возможному миру», а не к реальному объекту, высказывание оказывается референтным к психологической сфере говорящего – его желанию, что выражается в сказуемом придаточного предложения формами субжонктива и кондиционала.

Сложное предложение с придаточным относительным является по своей сущности распространенной именной синтагмой, включающей антецедент и связанное с ним подчинением относительное предложение [1, с. 102]. При этом относительная связь неоднородна: в придаточном она раскрывается как *определенность* (les relatives déterminatives, ou restrictives: *Je te parle du film que je viens de voir*), выражающая неотъемлемость (в данной ситуации) признака антецедента, ограничивающая объем его значения и уточняющая его; или как *пояснение* (les relatives explicatives, ou appositives: *Je te parle de ton ami, qui t'attend à l'entrée*), сообщающее дополнительные сведения об антецеденте. Отмечая возможность использования различных критериев (логического, семантического, мелодического, функционального) для классификации придаточных относительных предложений, М. Вильме также подразделяет придаточные относительные на определительные (déterminatives), образующие вместе с антецедентом именную синтагму (groupe nominal – GN), и предикативные (prédicatives), содержащие пояснение к антецеденту [2, с. 194]. По мнению других исследователей, разумнее было бы говорить об одном семантическом типе – относительном, способном функционировать то в роли определительного, то в роли пояснительного придаточного. Такого мнения придерживается, в частности, П. Анри: «... [on peut parler] de fonctionnement déterminatif ou appositif d'une relative et non parler d'une relative comme étant en soi déterminative ou appositive» [3, с. 97]. Тот факт, что

«типическая форма относительного подчинения практически обязательно включает именной компонент» [4, с. 746], требует более пристального внимания к роли антецедента при дифференциации придаточных относительных – определительных и пояснительных. В свою очередь – «как корреляты» – они характеризуются «наличием особых временных и модальных форм» [1, с. 102]. Именно модальный аспект (наклонение) наиболее активно обсуждается в традиционных грамматических исследованиях. Использование изъявительного наклонения в основном специфично для пояснительных предложений, в определительных же нередко встречается сослагательное наклонение: “...dans les relatives déterminatives ou essentielles on peut trouver le subjonctif” [2, с. 485].

Таким образом, высказываниям с придаточным определительным предложением свойственно наличие именного антецедента, относительного местоимения и использование форм разных наклонений – изъявительного, сослагательного, к которым добавляется и условное. Например: *Je cherche un garagiste qui peut (puisse, pourrait) réparer ma voiture.*

Речь идет о противопоставленности наклонений как «глагольных идей»: индикатив – вероятная идея (l'idée de probable) противопоставляется субжонктиву как виртуальной, возможной идее (l'idée de possible), или кондиционалу как эвентуальной идее (l'idée d'éventuel) [2, с. 319, с. 321].

Разная реализация «глагольной идеи» в определительных предложениях соответствует разному «уточнению» признака антецедента: ...*qui peut réparer ma voiture* – вероятный признак (говорящий уверен в существовании референта); ...*qui puisse réparer ma voiture* – виртуальный признак, означающий принадлежность процесса «возможным мирам» (*les mondes possibles*) [5, с. 112], когда говорящий не уверен в существовании референта (garagiste); ...*qui pourrait réparer ma voiture* – как эвентуальный, условный признак, связанный с потенциальными возможностями существующего референта (garagiste) произвести действие (говорящий уверен в его существовании, но он не знает, сумеет ли тот выполнить данное действие – починить его машину). Для М. Вильме, который называет придаточное определительное (по способу его ввода не союзом, а местоимением) «местоименным» (*proposition pronominale déterminative*), выбор наклонения обусловлен характером антецедента: «En pronominale déterminative, le mode est conditionné par le caractère actuel (indicatif) ou virtuel (subjonctif) de l'antécédent” [2, с. 305]. Иными словами, здесь важным оказываются «неотъемлемый» признак антецедента (уметь, мочь починить машину) и представление антецедента в сознании говорящего как имеющего/не имеющего референциальную соотношенность с реальной действительностью.

Ограничение же объема значения антецедента прежде всего зависит от интенции говорящего: степени знания антецедента, оценки и т.д. – отсюда и грамматическое оформление антецедента специальными показателями ограниченности (*le seul, l'unique, la plus grande* и т.п.), а определенности/

неопределенности – через артикли, неопределенные, указательные и притяжательные детерминативы. Например: *Il est le seul qui soit venu à mon aide; Les (mes, ces, certains) élèves qui ont fini leur travail peuvent quitter la salle.*

В высказывании *J'ai trouvé les enfants qui revenaient de l'école* ни объем значения антецедента (*les enfants*), ни сам признак (*qui revenaient de l'école*) не вызывают сомнения – детей, которых искали, говорящий субъект нашел: увидел в момент, когда они возвращались из школы (реализация глагольной идеи выступает как существенный признак в данной ситуации).

В.Г. Гак, анализируя возможность «вклинивания» между антецедентом и определительным предложением другого придаточного, выражающего модус, предлагает трансформацию: *Je suis sûr que vous voyez cet homme, qui est mon collègue* → *L'homme que je suis sûr que vous voyez est mon collègue* [4, с. 747]. Но если трансформировать это высказывание с позиции специфической определительности антецедента, то нельзя обходить вниманием указательный детерминатив *cet (homme)*. Трансформация должна, видимо, быть иной (*Voilà l'homme que je suis sûr que vous voyez, qui est mon collègue*), поскольку необходимо сохранить интенцию говорящего субъекта – не просто определить, а выделить этого человека.

Характер антецедента существенно влияет на выбор как типа придаточного предложения (определяющего либо пояснительного), так и модальной формы сказуемого. Семантический объем антецедента формально маркирован, с одной стороны, типом имени (имя собственное/нарицательное), с другой стороны – так называемым преддетерминативом [1, с. 96] (указательное, притяжательное, неопределенное прилагательное или артикль).

Антецедент – имя собственное сопровождается придаточным предложением относительным, имеющим значение уточнения, пояснения мысли главного предложения: – *Vous y trouverez peut-être le bonhomme Goriot qui viendra toucher le montant de ses galanteries* (Balzac). Составные части такого сложного высказывания структурно и семантически представляются завершенными (→ *Vous y trouverez peut-être le bonhomme Goriot. Il viendra toucher le montant de ses galanteries*), поэтому такое придаточное относительное носит необязательный характер.

В тех случаях, когда антецедент выражен именем нарицательным, особую значимость приобретает преддетерминатив как показатель субъективного представления антецедента говорящим лицом. Так, если преддетерминатив выражен указательным прилагательным, сохраняющим свою указательную функцию, то такой антецедент зачастую требует обязательного уточнения в виде придаточного предложения, которое раскрывает семантику демонстратива: *On l'avait choisi pour maire, à cause de son argent et aussi pour ce bel air qu'il savait prendre, lorsqu'il faisait un mariage* (Zola).

Преддетерминатив при антецеденте, выраженный притяжательным прилагательным, придает антецеденту полную определенность, и в таких случаях распространение антецедента с помощью придаточного относительного предложения является необязательным: *J'aurais voulu sentir de saintes promesses dans la chaleur de ta main, qui m'eût réchauffé* (Balzac).

Определенный артикль в большинстве случаев свидетельствует о тесной связи между антецедентом и придаточным предложением, которое имеет значение детерминации и поэтому является обязательным: *...je donnerais bien cent sous au mathématicien qui me démontrerait par une équation algébrique l'existence de l'enfer* (Balzac).

Наличие определений при антецеденте способствует смысловой независимости придаточного относительного предложения, вводимого местоимением *que*. Такое придаточное выражает пояснение или уточнение, поэтому оно оказывается факультативным: *– Je n'en ai que deux, répliqua le pensionnaire avec la douceur d'un homme ruiné qui arrive à toutes les docilités de la misère* (Balzac).

Неопределенный артикль перед антецедентом в своей основной функции (качественная неопределенность) связан с необходимостью характеристики предмета, которая как раз и содержится в придаточном предложении: *– Il arrive, ma chère, et cherche une institutrice qui lui enseigne le bon goût* (Balzac).

В индивидуализирующей функции неопределенный артикль указывает на особые свойства определяемого имени, выделяя его из группы ему подобных, и поэтому придаточное предложение, выражая значение детерминации, становится обязательным: *Ah! ce soir M. de Marsay n'aura pas le droit de me regarder comme une femme qu'il a payée* (Balzac).

Несомненный интерес представляют случаи, когда антецедент выражен именем существительным без артикля.

В высказывании *Henriette haussa les épaules en femme qui doute* требуется уточнение признака 'en femme': речь идет о «женском» способе действия (*hausser les épaules en femme*). И этот способ уточняется определительным предложением *qui doute*: 'Генриетта пожимает (по-женски) плечами так, как это делает обычно любая женщина, которая в чем-то сомневается'. Способ *en femme qui doute* получает свое уточнение как неотъемлемый признак действия субъекта ('hausser les épaules'): о его наличии свидетельствует изъявительное наклонение. Высказывание в целом референтно к конкретной ситуации.

Положение о том, что устранение придаточного определительного затемняет и даже изменяет смысл высказывания, поскольку «... придаточная и главная части составляют нерасчлененное целое» [4, с. 747], является основополагающим для анализируемого высказывания. М. Рижель также настаивает на определительных как основных (*essentielles*) предложениях, опущение которых делает высказывание бессмысленным: *Il y a des moments dans l'univers où tout bascule* → **Il y a des moments dans l'univers* [6, p. 485]. Вместе с тем более высокая степень «нерасчлененности» отмечается в высказывании с неопределенным антецедентом-признаком – **Henriette haussa les épaules en femme*.

Таким образом, целью анализа может стать ограничение семантического объема антецедента, референтного к объекту и его неотъемлемому признаку, или уточнение антецедента (*en femme*) – признака «глагольной идеи», соот-

несенной с субъектом действия. А отсюда и выбор говорящим соответствующих наклонений: “le locuteur a généralement le choix entre le subjonctif et l'indicatif selon la nuance de sens à exprimer” [6, с. 326].

В высказываниях типа *Je cherche pour les vacances un livre qui me plaise* [5, с. 326] неопределенность antecedента и отсутствие его конкретного признака переводит референцию высказывания к «возможному миру». Antecedent *un livre* не имеет конкретного референта (так же, как нет еще и каникул), а *qui me plaise* – это не признак книги, а признак, который бы хотелось иметь лично говорящему, т.е. признак, желательный ему. Референция меняется в высказывании *Le roman que je viens de finir me plaît beaucoup* [6, с. 484]: antecedent известен, его семантический объем ограничен (роман, который я только что прочел), а «желательный» признак (типа *un livre qui me plaise*) становится неотъемлемым признаком antecedента *le roman* – очень понравившийся роман. Данное свойство как признак присвоил роману прочитавший его говорящий субъект.

Вместе с тем М. Рижель анализирует и высказывание *C'est la plus grande chambre que j'aie à vous proposer* [6, с. 327], где семантика antecedента *la plus grande chambre* вполне определена и ограничена: это комната, «избранная субъектом речи» из всех имеющихся в его распоряжении (глагол *avoir*) комнат. В данном случае речь идет не о потенциальном референте (одном из ему подобных), а о реальном, существующем с такими признаками (самая большая) в единственном числе. Итак, antecedent соотносится с конкретным референтом, имеющим неотъемлемый признак – принадлежность говорящему субъекту, что и предопределяет реальность действия – предложить имеющуюся комнату в распоряжение клиенту. Однако в определительном предложении используется форма субжонктива, свидетельствующая о том, что говорящий произвел отбор среди подобных референтов в пользу одного, единственного, обладающего указанными качествами. Реальность antecedента вступает в противоречие с виртуальным характером глагольной формы. Подобные «нарушения» оказываются довольно регулярными – это наклонение используется в сложных предложениях с придаточным определительным не так уж редко, что можно увидеть в следующих примерах: *L'amitié sera le seul sentiment que je puisse accorder à mon mari: je ne veux ni l'offenser, ni contrevénir aux lois de mon coeur* (Balzac); *C'était la seule place qui fût verte* (Flaubert); *Mon piano étant le seul dont elle pût se servir, elle profitait de mes absences pour s'exercer* (Balzac); *Il tira la plus délicieuse montre plate que Breguet ait faite* (Balzac); *Puis je formai le projet le plus extravagant et le plus raisonnable en même temps auquel un amant puisse jamais songer* (Balzac).

Известно, что данное наклонение довольно часто употребляется просто в силу «чисто формальной необходимости»: не выражая модальности, субжонктив в таких случаях становится всего лишь «формой подчинения» (*une forme de subordination*) [7, с. 201]. С этой точки зрения, следует, видимо, говорить об «амодальной функции» сослагательного наклонения, не указы-

вающей «на отношение действия к действительности с позиции говорящего» [8, с. 6]. Иными словами, речь идет о действительной реализации «глагольной идеи» – признака antecedента.

Итак, высказывание, в котором antecedent *un livre (qui me plaise)*, реализуя референцию к «возможному миру», а не к реальному объекту, оказывается референтным к психологической сфере говорящего – его желанию, а придаточное такого высказывания можно квалифицировать как определительно-предположительное (модальная функция сослагательного наклонения). Высказывания же с antecedentом, референтным к реальному объекту, референтны к конкретной ситуации, а придаточное предложение получает функцию определительно-утверждающего (изъявительное наклонение и амодальная функция сослагательного наклонения). Допустимость разных модальных форм объясняется тем, что «Le subjonctif met l'accent sur le jeu de possible et la sélection ou la restriction qui s'opère» [6, p. 327].

Сослагательное наклонение используется и в случае отрицания референта, обозначаемого antecedentом: *Elle n'a trouvé personne qui la comprenne; Il n'existe pas d'homme qui soit digne de vous!* (Balzac); *Il n'y a pas de science ou de vertu qui vaille une goutte de sang* (Balzac). Индикатив исключается в силу отсутствия референта и, таким образом, его неотъемлемого признака. «Нереферентность» высказывания к ситуации действительности есть свидетельство его психологической референции, т.е. мнения говорящего субъекта.

Психологическая референция специфична и для высказываний, в определительном придаточном которых употребляется условное наклонение. Они выражают абсолютную невозможность реализации ситуации: *Il y a des abîmes que l'amour ne saurait franchir, malgré la force de ses ailes* (Balzac); *Il n'y a pas de désert, pas de précipice ni d'océan que je ne traverserais avec toi* (Flaubert); *Là, ce jeune et audacieux écrivain, qui mieux que personne distillait la quintessence des pensées politiques, ou condensait, en se jouant l'esprit d'un écrivain fécond, s'entretenait avec ce poète dont les écrits écraseraient toutes les oeuvres du temps présent, si son talent avait la puissance de sa haine* (Balzac) – условное наклонение в придаточном определительном предложении характеризует не antecedent, а относится к сфере говорящего субъекта. Специфика этих высказываний – в несовместимости antecedента и его признака или отсутствии условий для их соединения. Придаточные предложения квалифицируются как определительно-отрицающие, а сами высказывания выражают различные коммуникативные установки говорящего субъекта: желание, сожаление, предположение, просто мнение и т.д.

Анализ модальных форм в придаточном определительном, одном из семантических типов относительного подчинения, неизбежно требует внимания исследователя к референции antecedента в главном предложении и, соответственно, – его признаку, представленному «глагольной идеей» в придаточном. При этом не следует забывать и о семантике глаголов главного предложения (типа *chercher, préférer, désirer, imaginer, vouloir, il manque...* и др.), которые не обозначают действия. Кроме того, есть струк-

туры определительных предложений пограничные с пояснительными и подлежащими придаточными; как результат развития системы французского языка (типа обязательности субжонктива после *il faut que* и др.) более внимательного отношения требует функция сослагательного наклонения. Нельзя не указать и на высказывания, в структуре которых антецедент отсутствует (*Qui ne dit mot consent*), а «функции антецедента и относительного местоимения совмещаются в одном слове» [4, с. 746]; и наоборот: в структуре есть антецедент, но отсутствует относительное местоимение, типа *Le viol reste un crime très difficile à dénoncer* («Le Monde»). Подобные высказывания ставят проблему вторичной предикации, семантическую основу которой и составляет имплицитное определительное предложение (*Celui qui ne dit mot consent; Le viol reste un crime qui est difficile à dénoncer*). Не меньший интерес представляют высказывания с презентаторами типа *il y a, c'est, voici, voilà* в главной части (*Il y a un homme qui vous attend en bas; Voilà le mot que je redoutais*).

Дальнейшее исследование проблем, связанных со сложными предложениями с относительным придаточным и его коррелятами, позволит не только определить ядро собственно определительных придаточных предложений (*essentielles*) и их периферию, но расширить и уточнить сферу реализации прямой и психологической референции высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скепская, Г.И. Введение в синтагматику / Г.И. Скепская. – М. : Высш. шк., 1979. – 135 с.
2. Wilmet, M. Grammaire critique du français / M. Wilmet. – Paris : Hachette Duculot s.a., 1997. – 670 p.
3. Henry, P. Constructions relatives et articulations discursives / P. Henry // Langages. – 1975. – № 37. – P. 81–98.
4. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
5. Martin, R. Pour une logique du sens / R. Martin. – Paris : PUF, 1983. – 268 p.
6. Riegel, M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-Ch. Pellat, R. Rioul. – Paris : QUADRIGE / PUF, 2001. – 646 p.
7. Brunot, F. La pensée et la langue / F. Brunot. – Paris : Masson et Cie, Éditeurs, 1965. – 982 p.
8. Сабанеева, М.К. Генезис косвенных наклонений французского глагола / М.К. Сабанеева. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 183 с.

The article focuses on the referential aspect of the interaction of an antecedent with modal forms of the subordinate predicate relative clause. The reference of the antecedent not to the real object but to the “possible world” is connected with the speaker’s psychology and reveals itself in use of the forms of the predicate in subordinate clauses.

Поступила в редакцию 16.09.11

Е.В. Хоменко

АРГУМЕНТАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЖАНРОВО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА

В статье описываются закономерности функционирования аргументативных составляющих прагматических доминант в англоязычных научных текстах энергетической проблематики, дифференцированных жанровой принадлежностью (академическая научно-техническая статья, научно-популярная статья, научно-технический доклад, учебно-научная лекция). Представлены доминирующие структурные характеристики аргументативных составляющих: структурные схемы аргументативных блоков, типы аргументов, модели комбинаций аргументов и др. Способ выражения аргументативной составляющей прагматической доминанты рассматривается как показатель жанровой специфики научного текста.

Одной из насущных проблем современной лингвистики является установление комплекса необходимых и достаточных параметров для сопоставления текстов различной формы репрезентации и определения их жанровой принадлежности. Широкое распространение в лингвистической практике получил способ описания жанровой принадлежности текста по параметрам определенной модели. Исходя из понимания жанра как своеобразной модели когнитивной и коммуникативной деятельности, типичной для определенной ситуации [1], исследователями были предложены разнообразные модели описания жанра. Наиболее известной моделью, которая легла в основу многих описаний конкретных жанров, является модель, предложенная Т.В. Шмелевой [2, с. 89]. Она включает в себя следующие параметры: коммуникативную цель, образ адресанта, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, диктумное содержание, способы языкового воплощения жанра, в которых закодирована необходимая для успешного общения с адресатом жанровая информация. Первые шесть перечисленных параметров относятся к реальностям действительности и общения, в то время как параметр языковой актуализации выводит жанр в языковое пространство с его сложнейшей дифференциацией лингвистических средств. При этом ведущим жанрообразующим признаком, по мнению автора модели, является целевой компонент. Однако обозначенная модель указывает не собственно жанровые характеристики, а представляет собой схему описания, которая может иметь разное наполнение. С точки зрения Н.Б. Лебедевой, модель включает параметры описания жанра и не содержит в себе критериев разграничения жанров друг от друга или объединения разных вариантов в один жанр [2, с. 119].

В данном исследовании при анализе жанровых разновидностей научного текста был определен ряд типологических параметров, затем выявлены те из них, которые являются наиболее характерными, типичными и могут лечь в основу описания прагматической доминанты (ПД) текстов конкретной

жанровой принадлежности. Признаки, входящие в состав жанрово-прагматической доминанты (Жр-ПД), составляют основной жанрообразующий набор инвариантных компонентов и в этом отношении превалируют над остальными, в связи с этим они и являются доминантой.

На наш взгляд, для сопоставления научных текстов различной жанровой принадлежности релевантными являются как параметры, репрезентирующие условия протекания коммуникации (связь с определенной сферой общения, коммуникативно-прагматическая цель автора, характеристики автора и адресата), так и собственно языковые категории (семантико-прагматическая структура текста, языковые средства оказания воздействия на адресата, с помощью которых последний получает информацию о коммуникативных интенциях автора). При этом лингвистически наиболее важными оказываются параметры именно языковой реализации средств воздействия. В свою очередь остальные обозначенные параметры обуславливают употребление языковых средств.

Цель проведенного нами исследования заключалась в установлении закономерностей функционирования аргументативной составляющей Жр-ПД научных текстов. Последняя включает в себя такие структурные и языковые характеристики как состав аргументативного блока (АБ) и превалирующие лингвистические средства выражения аргументов конкретного типа. Структурная вариативность АБ предполагает наличие простого или пространственного тезиса, подтезисов, некоторого количества аргументов определенного типа (рациональный, образный, ссылка на авторитет, иллюстративный); типы отношений между аргументами, которые могут быть представлены сочинительной или подчинительной связью; наличие контраргументов, следственного компонента. В ходе исследования решались задачи по выявлению превалирующих структурных и языковых характеристик компонентов АБ в научных текстах; установлению интегральных и дифференциальных признаков аргументативных составляющих Жр-ПД, иллюстрирующих сходство/различие между сопоставляемыми жанровыми разновидностями текста. Объектом исследования явились разножанровые англоязычные научные тексты энергетической проблематики, а именно: академическая научно-техническая статья (АН-ТС), научно-популярная статья (Н-ПС), научно-технический доклад (Н-ТД), учебно-научная лекция (У-НЛ).

Отсутствие работ, посвященных а) изучению роли аргументирования в реализации прагматической установки автора, направленной на оказание воздействия на конкретный тип адресата через информирование в текстах, дифференцированных жанровой принадлежностью; б) анализу структурных и языковых характеристик компонентов аргументации и установлению особенностей их функционирования в разножанровых научных текстах, подтверждает актуальность выполненной работы.

В контексте современных исследований в области прагматики при анализе научного текста положения теории аргументации представляются особенно важными. В прагматическом плане аргументация базируется на

двух основных видах отношений: а) «адресант – акт аргументации», б) «адресант – адресат». Под первым видом понимается речевой акт, состоящий из тезиса и аргументов, обладающих условиями, соблюдение которых является необходимой предпосылкой достижения целей коммуникации [3]; под вторым – ориентированность на уровень научно-профессиональной компетентности адресата в той области знания, к которой относится текст. В связи с данным обстоятельством моделирование поведения адресата оказывается необходимым компонентом, предваряющим процесс построения АБ и определяющим выбор воздействующих стратегий. В данной работе под АБ понимается ценностно-ориентированный макротип речевого акта, или макроакт, который строится по определенной схеме, обеспечивающей соблюдение аргументативной последовательности рассуждений автора. Структурными компонентами АБ являются тезис, подтезисы с подтверждающими или опровергающими их аргументами, а также следствие [4]. Прагматическая обусловленность аргументации состоит в подчиненности всех коммуникативных стратегий основной интенции автора, направленной на формирование убеждения адресата в истинности позиции автора или ложности позиции предполагаемого оппонента [5, с. 224; 6]. Таким образом реализуется функция воздействия на адресата, у которого преднамеренно создаются оценки, соответствующие ценностной ориентации адресанта [7, с. 7]. В нашем исследовании, ориентированном на изучение текста научного содержания во взаимосвязи его лингвокогнитивных и коммуникативно-прагматических аспектов, структурно-языковые средства АБ изучаются с позиций именно этого подхода. В данной статье описаны результаты анализа структурных характеристик компонентов АБ, конституирующих аргументативную составляющую Жр-ПД текста научного содержания.

Для выявления специфики аргументативной составляющей Жр-ПД был рассчитан коэффициент употребительности K структурных параметров АБ по формуле: $K = K1/K2$, где $K1$ – общее количество анализируемого средства в АБ текстов конкретной жанровой разновидности; $K2$ – общее количество статей соответствующего жанра. Полученные коэффициенты позволяют говорить о высокой (>0.71), средней ($0.34-0.7$) или низкой (<0.33) степени употребительности анализируемых структурных средств АБ в текстах конкретного жанра.

Перейдем к описанию аргументативных составляющих Жр-ПД научных текстов по структурным параметрам АБ. Как свидетельствуют полученные данные, в текстах жанра АН-ТС к наиболее употребительным признакам аргументативной составляющей ПД относятся следующие структурные особенности АБ: а) составные АБ, включающие распространенный тезис, построенный в виде утвердительных предложений; б) 1–3 подтезиса; в) 3–5 поддерживающих их аргументов; г) следственный компонент. К доминирующим типам можно отнести рациональные аргументы и аргументы, представляющие собой ссылки на мнения специалистов в конкретной научно-профессиональной сфере. Обозначенные аргументы используются

в различных комбинациях, среди которых преобладающими являются модели 1.2¹; 1.3; 2.2; 2.6 (таблица) имеющие в основе подчинительные или сочинительные и подчинительные отношения между аргументами. Адресат рассматриваемого жанра научных текстов, который обладает глубокими знаниями понятийного аппарата соответствующей области науки, опираясь на комбинации аргументов вышеназванного типа, их количественный состав в АБ, может принять или не принять выдвигаемую в тезисе концепцию в систему своих ценностей.

Употребление моделей комбинаций аргументов в жанровых разновидностях научного текста

Модели комбинаций аргументов	Жанр текста			
	АН-ТС	Н-ПС	Н-ТД	У-НЛ
<i>1. Включают 2 типа аргументов</i>				
1.1. Рациональный + иллюстративный аргументы	0.66	0.96	0.60	0.36
1.2. Рациональный + ссылка на мнение специалистов	1.26	0.62	0.38	0.74
1.3. Рациональный (факт) + рациональный (статистические данные)	1.42	0.54	1.30	0.54
1.4. Рациональный + ссылка на мнение автора	0.62	0.52	1.34	0.90
1.5. Ссылка на мнение специалистов + ссылка на мнения автора	0.64	0.62	0.62	1.28
1.6. Рациональный + образный	0.76	0.58	0.60	0.58
1.7. Ссылка на общепризнанное мнение + ссылка на мнение автора	0.36	0.54	0.72	1.08
1.8. Рациональный + ссылка на общепризнанное мнение	0.64	1.42	0.58	0.98
1.9. Иллюстративный + ссылка на мнение специалистов	0.54	1.24	0.66	0.80
<i>2. Включают 3 и более типов аргументов</i>				
2.1. Рациональный + иллюстративный + ссылка на мнение автора	0.64	0.78	1.14	0.48
2.2. Рациональный (факт) + рациональный (статистика) + образный	1.22	0.66	0.76	0.44
2.3. Рациональный (факт) + ссылка на мнение специалиста + ссылка на мнение автора	0.68	0.98	0.64	0.96
2.4. Иллюстративный + ссылка на мнение специалиста + ссылка на мнение автора	0.68	1.24	1.16	0.42
2.5. Рациональный + иллюстративный + ссылка на мнение специалиста	0.60	1.18	0.46	0.78
2.6. Рациональный + ссылка на мнение специалиста + образный	1.26	0.62	0.48	0.70
2.7. Рациональный + образный + иллюстративный	0.32	0.28	0.42	0.36
2.8. Образный + ссылка на мнение автора + иллюстративный	0.10	0.08	0.18	0.12

¹ Здесь и далее представлена нумерация моделей комбинаций аргументов, соответствующая нумерации в таблице

К аргументативному компоненту ПД текстов жанра Н-ТД, предназначенных для аналогичного с жанром АН-ТС типа адресата, обладающего глубоким профессиональным уровнем разделенного с адресантом знания, можно отнести следующие структурные особенности АБ: составные АБ, включающие а) распространенные тезисы, построенные в виде утвердительных предложений; б) подтезисы, в) 4-6 аргументов, а также г) антитезис с д) поддерживающими контраргументами. Иными словами, имеет место использование двусторонней аргументации, дающей адресату возможность сопоставить предлагаемые автором противоположные точки зрения. В АБ преобладают такие типы аргументов как рациональные, образные, ссылка на собственное мнение автора, иллюстративные, представляющие собой, как правило, предположительные примеры. Обозначенные типы аргументов, функционируя в тексте, образуют различные комбинации в составе АБ. Наиболее распространенными можно назвать модели 1.3; 1.4; 1.7; 2.1; 2.2; 2.4 (таблица). Преобладающим типом отношений между аргументами является третий тип последовательной аргументации, в основе которого лежат как сочинительные, так и подчинительные отношения.

Приведем пример АБ, произвольно отобранный из текста жанра Н-ТД. В докладе выдвигается тезис о том, что некоторые проблемы, волнующие общественность, ассоциируются с мифами, которые противоречат истине. Тезис выражается отрицательным и утвердительным сложноподчиненными предложениями с придаточными предикативным и определительным. *What is notable about the “public concerns” we so often hear about in the media is that, upon fair and balanced examination, no one poses a reasonable obstacle to a global expansion of nuclear power. Indeed, several of these concerns are associated with myths that are close to the opposite of the truth.*¹ Построение тезиса в виде отрицательного предложения *...no one poses a reasonable obstacle to a global expansion of nuclear power* стимулирует появление у адресата ответной реакции на существующую проблему. Таким образом адресат включается в дискуссию по поводу обсуждения актуальности проблемы. Тезис содержит имена прилагательные утилитарной (*notable, reasonable*) и темпоральной (масштаб деятельности *global*) оценок, функциональным назначением которых является акцентирование важности выдвинутой в статье проблемы. Благодаря развернутому тезису адресат получает возможность детального ознакомления с существующим положением дел.

Представленный выше тезис доказывается путем приведения шести аргументов разных типов (рациональные, ссылки автора на собственное мнение, иллюстративные), связанных одной проблемой и поддерживающих тезис. А р г у м е н т 1 подчеркивает причину опасности, вызываемой распространением ядерной энергии: *Nuclear proliferation danger comes not from*

---

¹ A Responsibility of Leadership: Presenting and Defending the Global Imperative of Nuclear Power [Electronic resource] / J. Ritch. – Fourth Annual Summer Institute of the World Nuclear University, Ottawa, 2008. – Mode of access : http://www.worldnuclear.org/John_Ritch_speeches/John_Ritch_Ottawa150808.html. – Date of access : 12.09.2010

the existence of nuclear facilities, but from the intentions of those who possess. А р г у м е н т 2 с резко выраженной прагматической направленностью акцентирует внимание адресата на том факте, что в сфере промышленного производства уже возникала проблема обеспечения безопасности: *When safety concerns are raised, we must emphasize that our industry has met this challenge through technological advance and responsible professional management.* А р г у м е н т 3 привлекает внимание слушателя к экономической выгоде, которую можно иметь при использовании ядерной энергии: *When concerns are raised about cost, we must emphasize that our industry's steady reductions in both operational and capital costs are fast carrying us into the future in which nuclear power will emerge not just as competitive but as a clear winner on the field of affordability.* А р г у м е н т 4, представляющий собственное мнение автора, подчеркивает его точку зрения на преимущество использования ядерной энергии, заключающееся в минимизации объема отходов: *Waste is nuclear power's greatest comparative asset – precisely because the volume is minimum and can be safely managed without harm to people or the environment.* А р г у м е н т 5 акцентирует внимание на том, что могло бы произойти при определенных условиях: *The use of a radiological device is...clearly a security concern in many countries...But if such a device ever used, the radiological material will almost surely come from a source such as hospital and not from the nuclear power industry.* А р г у м е н т 6, являющийся ссылкой на мнение автора, представляет сделанное автором обобщение ряда причин (людские и топливные ресурсы), которые определяют спрос на атомную энергию: *In each case – fuel, people and key equipment – there is every reason to believe that market mechanisms will generate supply to meet demand.* Автор предлагает адресату сделать самостоятельный вывод о целесообразности применения ядерной энергии в различных сферах деятельности, опираясь на представленные аргументы.

В качестве оснований для создания вышеприведенных аргументов используются сообщения о событиях или обстоятельствах, происходящих в настоящее время. Для рассмотрения актуальных проблем (*danger comes, who possesses, industry has met, capital costs are carrying*) автор применяет видо-временные формы настоящего времени (Present Simple, Present Perfect, Present Continuous). Эмоция уверенности индуцируется с помощью будущего времени *will emerge, will come, will generate*. Это можно объяснить тем, что предложения, относящиеся к будущему, звучат более категорично. Объективность изложения информации создается при помощи пассивной конструкции *are raised*. Предикат с модальным глаголом *can be managed* выражает объективную возможность. Для убеждения адресата в правильности своей позиции автор применяет модальный глагол *must emphasize*. Более компактному выражению аргументов способствуют инфинитивы в функциях определения и обстоятельства цели *there is every reason to believe that market mechanisms will generate supply to meet demand*. Наречия *clearly, almost surely* являются индикаторами, маркирующими степень уверенности автора в достоверности представляемой информации. В данном контексте для усиле-

ния убеждения адресата в том, что ядерные отходы минимальны и не несут вреда ни людям, ни окружающей среде, применяются лексемы, выражающие эмоциональную (*challenge, greatest*) и рациональную (*minimum*) оценки.

В рассматриваемом примере при выборе модели комбинации аргументов докладчик исходит из прагматического фактора адресата, а именно из того, что может оказать на реципиента в зависимости от его ценностной системы наибольшее воздействие. Так как текст доклада предназначен реципиенту, обладающему глубинной научной компетенцией, автор, являясь специалистом в данной научной области знания, предпочитает использование аргументов рационального типа. Однако для того чтобы облегчить восприятие репрезентируемой в докладе информации, адресант использует иллюстративные аргументы. Представление собственной точки зрения на анализируемую проблему в конце АБ, по мнению автора, будет способствовать реализации его основной интенции, направленной на формирование убеждения в приемлемости положений, зафиксированных в тезисе и, следовательно, приведет к достижению наибольшего прагматического эффекта.

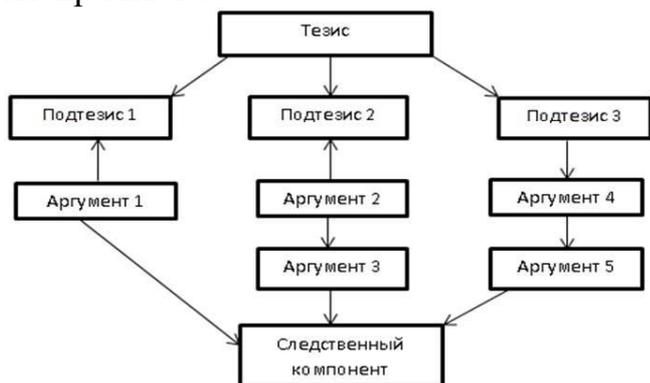
Для убеждения адресата жанра **Н-ПС** оптимальной является аргументативная составляющая ПД текстов, которая включает следующие структурные особенности АБ: а) распространенные тезисы, построенные в виде утвердительных предложений; б) 1–2 подтезиса, за которыми следуют в) 2–3 поддерживающих их аргумента, а в заключение дается г) следственный компонент. Преобладающими типами аргументов являются: ссылки на мнения специалистов в соответствующей профессиональной сфере, иллюстративные аргументы, представленные в виде конкретных примеров, рациональные аргументы, которые применяются в разнообразных комбинациях. К наиболее употребительным можно отнести комбинации аргументов 1.1; 1.8; 1.9; 2.3; 2.4; 2.5 (таблица), между которыми доминируют сочинительные отношения. При такой структуре АБ автор текста анализируемого жанра выражает свою точку зрения наряду с мнениями других специалистов, общепризнанным мнением, приводя при этом иллюстративные аргументы, и таким образом направляет мыслительный процесс адресата, который обладает лишь базовыми знаниями в конкретной области, в нужном ему русле. Это способствует созданию впечатления о самостоятельном принятии реципиентом решения о предмете сообщения.

В текстах жанра **У-НЛ** автор пытается наиболее ясно и логично представить аргументы, нацеленные на адресата, который владеет основными понятиями в области репрезентируемого в тексте знания. С этой целью автор предпочитает использовать составные АБ, включающие а) распространенные тезисы, построенные в виде утвердительных предложений; б) 3–4 аргумента, в) подтезис и поддерживающие его г) 1–2 аргумента, а также д) следственный компонент. Доминирующими типами аргументов являются рациональные аргументы и ссылка на общепризнанное мнение или знание. Следует отметить, что все остальные анализируемые типы аргументов имеют среднюю степень употребительности. Представляется, что достаточная распространенность аргументов разных типов способствует

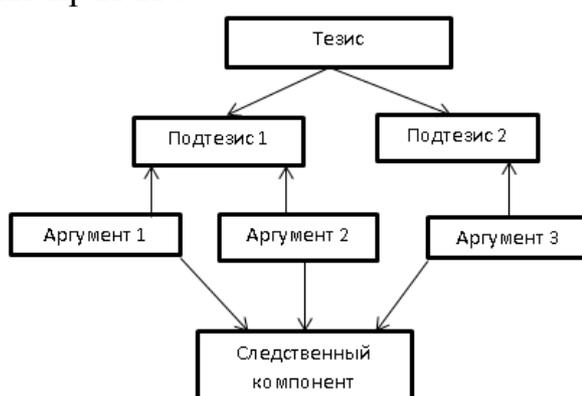
функционированию разнообразных моделей комбинаций аргументов в составе АБ. Так, к доминирующим признакам аргументативной составляющей ПД текстов рассматриваемого жанра относятся такие комбинации аргументов как 1.2; 1.4; 1.5; 1.7; 1.8; 1.9; 2.3; 2.5 (таблица). Превалирующим типом отношений между аргументами в составе АБ являются сочинительные или подчинительные отношения.

Схемы доминирующих структур АБ текстов анализируемых жанров представлены на рисунке.

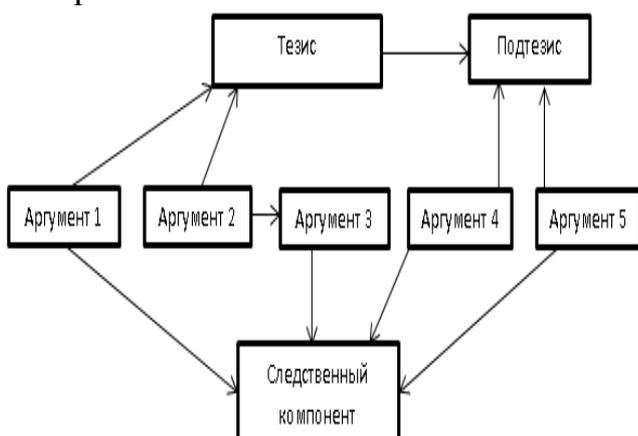
Жанр АН-ТС

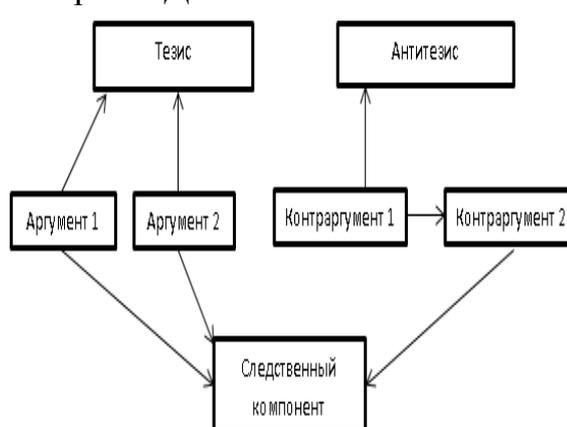
Жанр Н-ПС

Жанр У-НЛ

Жанр Н-ТД

Доминирующие структуры АБ текстов рассматриваемых жанров

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что одним из отличительных признаков текстов исследуемой жанровой принадлежности является актуализация аргументативной составляющей Жр-ПД научного текста. Были выявлены внутрижанровые особенности структурных характеристик АБ, а именно: наличие простого или распространенного тезиса, подтезисов, антитезиса, контраргументов и следственного компонента; количество аргументов в АБ; преобладающие типы аргументов – рациональный, образный, ссылка на авторитет, иллюстративный; превалирующие структурные схемы АБ, иллюстрирующие типы отношений между аргументами; доминирующие модели комбинаций аргументов, включающие два или три типа аргументов. Специфика выше

обозначенных структурных характеристик АБ зависит от коммуникативных интенций автора и уровня научно-профессиональной компетентности адресата, требующего разной степени убеждения в объективности представляемых аргументов. Это дает нам возможность считать способ выражения аргументативной составляющей ПД показателем жанровой специфики научного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев, В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике / В.В. Дементьев // *Вопр. языкознания.*–1997. – С. 109–121.
2. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / редкол. : К.Ф. Седов [и др.]. – М. : Лабиринт, 2007. – 320 с.
3. Варгина, Е.И. Научный текст и его воздействие (на материале английского языка) / Е.И. Варгина. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 212 с.
4. Eemeren, F.H. van. Handbook of Argumentation Theory : A Critical Survey of Classical Backgrounds and Modern Studies / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst, T. Kruiger. – Dordrecht etc., 1987. – 340 p.
5. Гурочкина, А.Г. Аргументативный дискурс: некоторые проблемы понимания / А.Г. Гурочкина // *Интерпретация. Понимание. Перевод* : сб. науч. ст. / СПбГУЭФ ; редкол. : В.Е. Чернявская (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 2005. – 289 с.
6. Flowers, M. Adversary Arguments and the Logic of Personal Attacks / M. Flowers, R. McGuire, L. Birnbaum // *Strategies for Natural Language Processing.* – N.Y. : Hillsdale, 1982. – P. 275–294.
7. Панова, О.В. Рассуждение как тип речи в прагматическом аспекте (аргументация и объяснение) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О.В. Панова. – Минск, 2001. – 18 с.

As a result of the conducted analysis argumentative constituents of pragmatic dominants functioning in scientific texts of the following genres – an academic scientific-technical article, a scientific-popular article, a scientific-technical report, an academic-scientific lecture – are defined. The way of expressing argumentative constituents of pragmatic dominants is regarded as an indicator of the genre character of a scientific text.

Поступила в редакцию 12.07.11

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л.В. Первушина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОИСКИ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЬНИЦ США:
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ЖАНРА РОМАНА

Статья посвящена специфике отражения социальной проблематики в современных художественных произведениях. В ней выявляются особенности идейно-тематических и художественных поисков в творчестве современных американских писательниц и анализируются социальные аспекты жанра романа. Подчеркивается связь идейно-художественных концепций авторов с нравственными проблемами. Осмысливаются сложные процессы, происходящие в современной литературе, и определяются основные сферы, в которых наиболее отчетливо проявляется социальная тематика: отражение истории и исторических процессов, выявление идентичности личности, стремление к воплощению социального идеала, передача социального и культурного опыта из поколения в поколение.

Последние десятилетия XX – начала XXI в. представляют собой яркую страницу в истории американской культуры, связанную с интенсивными идейно-художественными поисками писательниц. Литература, созданная современными авторами-женщинами, является постоянно расширяющейся эстетической территорией, которая отражает смену духовных ориентиров, показывает наиболее важные изменения, происходящие в обществе, и основные направления развития социально-культурной жизни США. Она чутко реагирует на события в стране, передавая атмосферу исторических коллизий и описывая общественные конфликты. В ней очевидна тесная связь между реальностью, события которой определяют динамику развития женского творчества, и эстетическими программами авторов. Литературная работа писательниц характеризуется глубоким проникновением в суть наиболее острых проблем современного общества и связана со стремлением обосновать существующие тенденции в постоянно меняющемся мире. Социальная направленность произведений современных американских авторов проявляется в тематическом богатстве, в исследовании особенностей функционирования общества, отражении условий жизни людей, определении роли и места женщины в этом обществе и возможности проявления ее потенциала. Как известно, писателям «принадлежит важное место в осуществлении непосредственной, “зеркальной” связи между жизнью и литературой, точнее – в литературном освоении тематики, подсказанной конкретными общественно-политическими и психологическими сдвигами в стране» [1, с. 451]. В зависимости от эстетического замысла авторов *социальная составляющая* в их произведениях может быть представлена открыто как творческое кредо либо выявляется опосредованно, скрываясь

за разнообразными литературными экспериментами. В художественную форму облакаются идейно-образные концепции писательниц, отвечающие установкам социальных, политических, культурных, этнических и религиозных групп. Многие известные авторы активно участвуют в культурной и социально-политической жизни страны. Их активная жизненная позиция значительно обогащает опыт, расширяет мировоззрение и обостряет творческое восприятие жизни. Они являются крупными общественными фигурами и получают широкое международное признание. Среди них – А. Рич, К. Хайлбрун, Э. Джонг, Дж. К. Оутс и многие другие.

Особенностям литературы, созданной современными писательницами США, и рассмотрению социальных проблем посвящен ряд теоретических работ. Как правило, в них анализируются проблемы женского письма в контексте социокультурной ситуации и поднимаются конкретные социальные проблемы. В работах зарубежных авторов данные вопросы поднимаются такими теоретиками, как Г. Грин, Р. Дреснер, Н. Миллер, Т. Мой, Н. Уокер, и др. В белорусском литературоведении данные проблемы рассматриваются Т.Е. Комаровской, Ю.В. Стуловым, Н. Полетаевой, Г. Кислицыной, Н.В. Колядко и др. В литературоведении СНГ данная проблематика находит осмысление в работах А.С. Мулярчика, М.В. Глостановой, Т. Ровенской, Т.Н. Денисовой, Н.А. Высоцкой и др. Так как современный литературный процесс отличается быстрой сменой эстетических концепций, сложностью и многогранностью и «на сегодняшний день не существует какой-либо доминирующей литературной традиции» [2, с. 23], то в теоретических работах исследуются отдельные вопросы, связанные с социальными проблемами в творчестве современных писательниц. Мы считаем правомерным рассматривать социальные проблемы в творчестве современных американских писательниц как следующие системные блоки:

- отражение истории и исторических процессов,
- выявление идентичности личности,
- стремление к воплощению социального идеала,
- передача социального и культурного опыта из поколения в поколение.

Среди различных современных беллетристических жанров наиболее продуктивным и популярным оказался *роман*. Именно он явился той адекватной формой, которая смогла зафиксировать разнообразные социальные проблемы, а его гибкая и расширяющаяся структура оказалась способной вместить все богатство авторских идей и художественных решений. В настоящее время роман рассматривается как «не просто жанр, но и целый способ литературного мышления, и он не встает в один ряд с другими жанрами, а перестраивает их и включает в себя» [3, с. 329]. Фиксируя и передавая мироощущение человека в конкретной исторической эпохе, *роман* имплицитно или эксплицитно отражает глубокие противоречия жизни, которые и становятся предметом анализа и переосмысления в последние десятилетия XX – начала XXI в. Литературное творчество американских писательниц этого времени связано с социальными и политическими выступ-

лениями за справедливость и свободу человека. В их произведениях отразились особенности движения за гражданские, в частности, женские права, против войны, за улучшение благосостояния, протесты студентов. Роман – важный жанр, который имеет большие возможности «выставлять напоказ и критиковать злободневную политическую риторику» [4, с. 41]. Он «заполняется историей, и нередко вступая в конфликт с мизантропическими авторскими настроениями, она заставляет писателя от разного рода мифов о действительности перейти к исследованию самой действительности» [5, с. 315]. Поэтому жанр романа становится исключительно важным для писательниц, чье творчество наполнено острыми проблемами и критикой действительности. Социальная проблематика особенно ярко проявляет себя в стремлении авторов метаромана, эпического романа и историографического феминистского романа представить свое неповторимое видение истории и исторических событий, происходящих в обществе, максимально приблизив его к действительности. В произведениях Г. Годвин, Дж. Дидион, М. Сартон, Э. Джонг, К. Хайлбрун и других в художественной форме фиксируется исторический опыт развития страны, а также идеологические вопросы «второй» и «третьей» волны феминизма и проблемы репрезентации женщины как полноправного члена общества.

Социальные проблемы приобретают важное значение, так как в современном романе личность постигается через историческую и социальную жизнь, через «их жесткое сращение ...как явление двуполосное, как резкое противопоставление начал» [5, с. 232], а острые проблемы общества представлены через круг вопросов, описывающих бытие отдельного человека. В романе не только отражаются конфликты и вызовы, стоящие перед американским обществом, обнажаются социальные проблемы отдельных людей и различных групп, но и передаются коллизии и противоречия через особое, индивидуальное восприятие человеком времени. Поэтому одной из важнейших задач современных авторов является всестороннее исследование женской идентичности и субъективности (внутреннего пласта) личности, их осмысление и репрезентации этой идентичности в повествованиях. Поскольку идентичность современного человека включает социальные, классовые, религиозные, этнические, национальные и другие составляющие, такая многовекторная идентичность отражает и разносторонность современной культуры, и ее влияние на становление характера личности. Романы современных писательниц выявляют многочисленные, разнонаправленные тенденции в существующей реальности и отражают новое мировоззрение и самоощущение человека, который определяет свое «я» в сложных процессах современной культуры. Идентичность – сложный механизм социализации, внутренняя сила, обеспечивающая способность человека к саморазвитию. Женская идентичность приобретается в ходе индивидуального развития и является результатом психологических процессов социализации, идентификации и личностной интеграции. Самоидентификация может изменяться в процессе осмысления социокультурных норм и правил поведения, а также

в результате взаимодействия с другими членами общества и семьи. Романистки затрагивают проблемы межрасовых отношений, вопросы национальной, этнической и классовой идентичности. Многовекторная идентичность тесно связана с проблемой децентрированной, разделенной, фрагментарной субъективности, что позволяет писательницам изучать проблемы иммигрантов, концепт «инаковости», представляя жизнь героев в определенной культуре, культурной группе, языковой среде. Исследуется внутренний мир субъекта, который должен определить свое «я» в чужой стране, общаясь с представителями различных национальностей и этнических групп. Наиболее востребованным в наши дни становится жанр романа воспитания, который передает различные этапы взросления личности. К нему обращаются известные писательницы Э. Джонг, Дж.К. Оутс, М. Сартон, М. Лоренс, С. Берд, Б. Рекс и другие. Эпистолярный роман, в жанре которого работают Э.Ф. Хейли, А. Уокер, А. Кастилло, Л. Смит и другие авторы, раскрывает чувства героинь, которые долго замалчивались и не могли быть высказаны в силу ряда внутренних закономерностей действий и событий. Исповедальность становится важным средством передачи психологического состояния личности.

Американские писательницы затрагивают широкий круг социальных вопросов, связанных с жизнью конкретного человека. В центре внимания – вопросы равенства полов, ликвидация социального и экономического неравенства, юридические права женщины, защита материнства, создание безопасных условий для жизни детей и матерей, улучшение положения людей в обществе. Лейтмотивны творческие попытки осмыслить место и роль человека в многонациональном и мультикультурном обществе, его права и свободы, а также вопросы реализации его личностных устремлений. Важной задачей писательниц является отражение межэтнических, религиозных и межконфессиональных столкновений, которые объясняются несовпадением систем ценностных ориентаций, мировоззрений, представлений о достоинстве и нравственности, т.е. различным пониманием локального социального опыта. Для многообразных литературных поисков писательниц стало характерным обращение к одному из центральных понятий духовной жизни США – «американской мечте». Они раскрывают ее различные грани, выявляют противоречия общества и недостатки его социально-культурной организации. Острая критика действительности представлена в творчестве А. Рич, Э. Джонг, К. Хайлбрун, Э. Уокер, Дж.К. Оутс и многих других. В то же время в творчестве писательниц присутствует проблема социального идеала. Очевидно, «как одна из “вечных” и зачастую “остро актуальных”, проблема социального идеала осмысливалась и сущностно-содержательно разрабатывалась во все века, находя отражение во всех известных формах своего воплощения» [6, с. 53]. Особенно ярко идеал отражен в многочисленных утопиях и антиутопиях как мечта о недостижимом настоящем и вера в возможность построить гармоничное общество в будущем в романах Дж. Расс, М. Пирси, С. Чарнас и др.

Авторы руководствуются морально-этическими проблемами, так как известно, что в последние десятилетия XX в. «в США появился настоящий интерес к исследованию моральных ценностей как составной части американской духовной культуры» [7, с. 43]. Писательницы осмысливают свой социальный опыт, который прежде всего включает набор ценностных ориентаций, принятых в обществе для поддержания социальной сплоченности людей. Своим творчеством они стремятся предупредить возникновение социально опасных конфликтов, напряжений и противоречий, выявить мотивы агрессивных намерений людей и их социально безответственного поведения. Поиск моральных ценностей предполагает изменение сознания людей, стремление к установлению взаимопонимания между ними, толерантности, искоренение расистских и шовинистических проявлений, достижение согласия. Обнажая острые проблемы общества, писательницы выражают свои ценностные предпочтения и представляют философские идеи улучшения общества и его реорганизации для обеспечения социального порядка и интегрированности людей в определенных организационно-деятельностных формах. Как мыслители и творцы нового порядка, авторы руководствуются этическими критериями и выдвигают на передний план своих концепций духовные и нравственные доминанты.

Идеологический элемент является важной составной частью произведений современных американских писательниц. Они размышляют о моральном кодексе и «о политической направленности самого факта – быть женщиной» [8, с. 134]. Постулат «личное является политическим» всегда присутствует в их творчестве, а идеологический элемент обнаруживается во внутренних установках героинь, в системе их ценностей – моральных, этических, эстетических. Через женское видение действительности кодируются идеологические, социальные и культурные требования общества, исследуются многочисленные проблемы, с которыми продолжает сталкиваться современная женщина в западном обществе.

Одной из наиболее важных сфер социальной проблематики, общей сегодня для писательниц США, является передача культурного опыта из поколения в поколение, трансляция культурных особенностей, наследуемых норм и ценностей. Именно культурно-историческая память сохраняет непрерывную связь веков, коллективную идентичность различных групп и способствует осознанию их специфики и уникальности. В памяти воплощаются вечные ценности, которые становятся соединительным звеном между прошлым, настоящим и будущим и определяют дальнейшее развитие истории. Эстетическое переживание неотделимо от памяти, контекста и смысла, а процессы межличностного взаимодействия являются отражением взаимодействий между сообществами. Важной чертой современного романа становится исследование нравственных отношений между матерью и дочерью, а также связь нескольких поколений одной семьи. Наиболее яркие примеры эпического повествования можно найти в произведениях Э. Тэн, М. Хонг Кингстон, Дж.К. Оутс, Э. Джонг и др., которые исследуют важность

сохранения наследия прошлого для будущих поколений. Социальный опыт сообщества передается через мудрость старших, воспоминания, пословицы и поговорки, а также посредством технологий воспитания, образования, обрядово-ритуальной практики и иных форм социализации. Он наследуется новыми поколениями и таким образом сохраняет ценности семьи и определенной культуры.

Социальная проблематика затрагивается в произведениях писательниц США, которые отличаются жанровым разнообразием: эпический роман, метароман, историографический роман, военный роман, детективный роман, антиутопии, утопии и другие. Жанр романа является расширяющейся и всеобъемлющей формой, он нацелен на историческую конкретность и объективно рефлектирует историю.

Форма романа располагает и к поэтическим включениям. В поисках новых средств художественной выразительности писательницы исследуют возможности взаимодействия прозы и поэзии, вводят в романы стихи и поэмы. Этим подчеркивается синкретический характер жанра романа. Так, Дж.К. Оутс в романе «Романс о Бладсмуре» прибегает к стиховой интерполяции, она использует стиль Э. Рэдклифф, а также вводит стихи авторов XIX в. В эпической саге «Фиктивные воспоминания» Э. Джонг повествует о четырех поколениях одной семьи, анализирует события XX века, отмечает проблемы общества. Она останавливает повествование и вводит поэтические включения, чтобы говорить о жертвах Второй мировой войны, Холокоста, о насилии над человеком и о культурно-исторической памяти. Линда Хоган в романе «Сила» использует нерифмованные стихи, которые концептуально нагружены и связаны с мифотворчеством, с обращением к корням индейцев. Данные примеры можно продолжать. Существует важная закономерность в ряде романов писательниц: чем выше социальная критика, тем более опозтизирован текст и тем больше поэтических включений он может содержать благодаря интертекстуальности, автотекстуальности и поэтической интерполяции.

Социальная значимость литературы последних десятилетий связана с выявлением противоречий в обществе США, описанием социально-экономических и культурных проблем и расовых конфликтов в многонациональном обществе. Литература, созданная современными американскими писательницами, стала одной из наиболее важных форм репрезентации общественного сознания и отразила важные изменения в США, связанные с изменением законодательства, защитой прав человека и стремлением ликвидировать расовые и гендерные стереотипы. Женское творчество, находясь в процессе постоянного обновления, преобразования и видоизменения на фоне меняющейся социально-культурной ситуации, отразило надежды и чаяния людей, стремившихся к созданию более справедливых условий жизни. Жанр романа позволяет отразить проблемы морали и нравственности, а также воплотить яркие эксперименты в творчестве современных писательниц. Используя исторический контекст и социальную

проблематику, авторы создают живые, полнокровные характеры, раскрывают глубины внутреннего мира своих героинь, их сокровенные мысли и чувства. Их наиболее яркие произведения выявляют отношение к историческим процессам, происходящим в обществе, и отражают атмосферу времени через эмоциональный настрой, оригинальный стиль и своеобразную форму романа. В них гармонично сочетаются критическое осмысление общества, философски упорядоченное духовное содержание и полнота раскрытия причинных связей и событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мулярчик, А.С. «Массовая беллетристика» США: 70-е – начало 80-х годов / А.С. Мулярчик // Современная лит. за рубежом: лит-крит. ст. – М. : Сов. писатель, 1983. – Сб. 5. – С. 442–457.
2. Толстанова, М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М.В. Толстанова. – М. : Наследие, 2000. – 396 с.
3. Михайлов, А.В. «Роман и стиль» / А.В. Михайлов. // Теория литературы : в 4 т. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – Т. 3: Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). – С. 279–352.
4. Каллер, Дж. Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер; пер. с англ. А. Георгиева. – М. : Астрель : АСТ, 2006. – 150 с.
5. Зверев, А. На острие иглы: из художественного опыта XX века / А.М. Зверев. – М. : Сов. писатель, 1989. – 416 с.
6. Баранов, Н.П. Философия Рерихов о социальных идеалах преображения мира / Н.П. Баранов // Вестн. МГЛУ. Сер. 3, История, философия, социология, экономика, культурология, политология. – 2010. – № 9. – С. 52–59.
7. Шестаков, В.П. Судьбы “Американской мечты” в художественной культуре США” / В.П. Шестаков // Американская художественная культура в социально-политическом контексте 70-х годов XX века : сб. ст. / Ин-т США и Канады АН СССР; отв. ред. А.С. Мулярчик, В.П. Шестаков. – М., 1982. – С. 43–97.
8. Jewish American women writers: a bio-bibliographical and critical sourcebook / A. Shapiro [et al.]. – Westport : Greenwood Press, 1994. – 557 p.

The article deals with the reflection of social problems in contemporary fiction. The ideological, thematic and artistic peculiarities are revealed and social aspects of the novel are analyzed. The connection is stressed between ideological and artistic concepts of the authors and moral problems. The contemporary literary process is analyzed and the main spheres are determined in which social themes are presented: the reflection of history, people's identity, the social ideal, and a transmission of social and cultural experience from generation to generation.

Поступила в редакцию 26.09. 11

НАШИ АВТОРЫ

- Артемова Ольга Александровна – аспирант кафедры белорусского языка и литературы МГЛУ. Тел. 294-71-14.
- Бартош Наталья Николаевна – аспирант кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Василевская Ольга Викторовна – аспирант кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Глазко Павел Петрович – преподаватель кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Ильюшенко Юлия Валерьевна – аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.
- Карапетова Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.
- Кистанова Людмила Федоровна – кандидат филологических наук, профессор кафедры второго иностранного языка (французский) МГЛУ. Тел. 284-47-48.
- Климович Александра Геннадьевна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Козылева Мария Владимировна – аспирант кафедры белорусского и русского языков Могилевского государственного университета им. А. Кулешова. Тел. (8-0222) 25-72-37.
- Мышалова Инна Павловна – аспирант кафедры общего языкознания МГЛУ. Тел. 288-25-64.
- Панкратова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Первушина Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Самусева Юлия Сергеевна – аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Смирнов Александр Игоревич – аспирант кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Степанова Альбина Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Стрельцова Тамара Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка (французский) МГЛУ. Тел. 284-47-48.
- Хоменко Екатерина Викторовна – аспирант кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-63.
- Чернецкий Александр Русланович – преподаватель кафедры фонетики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Шашкова Светлана Андреевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 288-22-15.
- Ян Сяоянь – аспирант кафедры прикладной лингвистики БГУ. Тел. 227-90-18.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№5 (54), 2011

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *А.М. Горлатов*

Редакторы: *Л.М. Малинина, А.И. Гуторова*
Ст. корректор *С.О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 24.10.11. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Ризография. Усл. печ. л. 8,84. Уч.-изд. л. 10,4. Тираж 100 экз. Заказ 58.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования “Минский государственный лингвистический университет”. ЛИ №02330/0548503 от 16.06.2009 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172